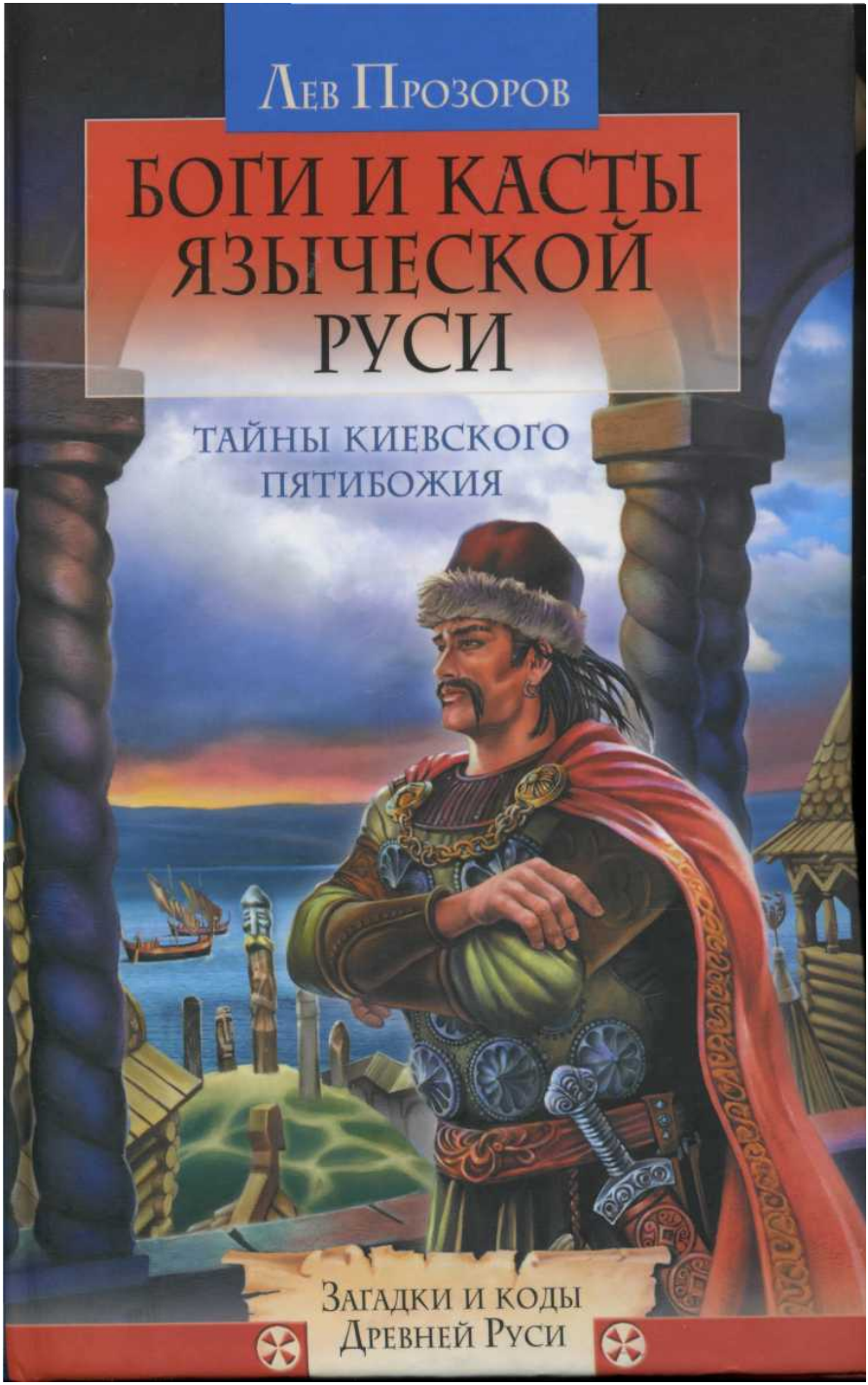
Лев Прозоров

Боги и касты языческой Руси

Тайны Киевского Пятибожия



Загадки и коды Древней Руси

Лев Прозоров (Озар Ворон)

БОГИ И КАСТЫ ЯЗЫЧЕСКОЙ РУСИ

ТАЙНЫ КИЕВСКОГО ПЯТИБОЖИЯ

Москва
Экемод
2006

ББК 86.31 П80

Оформление серии художника *Н. Кудря*

На переплете использована иллюстрация художника *П. Трофимова*

Прозоров Л.

П 80 Боги и касты языческой Руси. Тайны Киевского Пя-тибожия. — М.: Яуза, **Эксмо, 2006. — 320** с. — (Загадки и коды Древней Руси).

ISBN 5-699-16641-6

Не первый век ученые спорят — отчего перед крещением Руси князь Владимир поставил на Киевском холме языческих идолов? Почему именно столько и почему именно этих? Автор указывает на схожие культы у наших дальних родичей по индоевропейской семье — галлов и индийцев. В поисках ответа на загадки киевского святилища приходится отвечать и на множество других — свои или заемные Боги стояли на Киевском холме и правда ли, что русские люди позабыли Их вскоре после крещения? Был ли культ Пятерых нововведением Владимира — или продолжением Традиции? Были ли на Руси касты? И кем был загадочный Семаргл? И, наконец, зачем Владимиру потребовалось возводить капище именно этим Богам?

ББК 86.31

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Загадка Киевского Пятибожия и ученые. . . 5

Глава 2. Пятибожия у русов и других народов 55

Глава 3. Пять каст, пять сторон света 83

Глава 4. Касты в Древней Руси 104

Глава 5. Пять Богов на Киевском холме.....184

Приложение 1. Опыт славянской хиромантии 268

Приложение 2. Перун — змееборец или?.....269

Список использованных источников и литературы. . 274

Именной указатель 295

Ликовали на Почае! В било медное били! И великих Богов на пиру не забыли: ...Грозному Перуну-громобою
быка за рога сволокли гурьбою! Дажбогу — владыке дневного неба—
поднесли каравай аржаного хлеба!.. Ветровею-Стрибогу
решето муки натрясли на дорогу! Рубахе-парню Яриле —
пива-меда котел наварили! Душе-девице Заре-Зарянице
С поклоном подали воды из криницы!

Виктор Максимов «Это было на Почай-реке»

Глава 1 Загадка Киевского Пятибожия и ученые

Уникальное свидетельство. Первые попытки осмысления. «Реформа Владимира»? Киевский Пантеон? Книжная химера? Открытие киевских археологов. Предположение Рыбакова. Вопросов все еще больше, чем ответов.

Ни в какой части науки так ярко не высказывался дух систем и априоризма, как в разысканиях о древнейших формах веры. Всякий видел в них то, что ему хотелось найти, от самого грубого фетишизма до самой возвышенной философии. Страсть так легко обманывает людей, что невозможно означить предел, на котором ошибка систематика перестает быть невольною.

А.С. Хомяков, «Семирамида. История человечества»

Начнем, читатель, со знакомства с главными героями моей книги.

«И нача княжити Володимеръ в Киев... единъ, и по-стави кумиры на холму вн... двора теремнаго: Перуна

древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса Даждьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы»...

Так говорит «Повесть Временных лет» под 6488 годом от сотворения мира, по нашему летоисчислению — 980. Через три года вокруг этого самого капища произойдет до крайности странная история: сын некоего крещенного в Византии варяга Феодора Иоанн примет участие в выборе по жребию жертв Перуну после удачного похода на ятвягов. Поскольку даже христианские писатели не берутся утверждать, что к этой жутковатой лотерее киевляне кого-то принуждали насильно, мотивы юного христианина не ясны мне совершенно. Юношеская тяга к риску, к экстриму, как сейчас принято выражаться, взыграла, что ли? Выиграет — что называется, «по закону подлости». Бросится искать убежища на отцовском дворе. Оскорбленные киевляне явятся туда за ним — и услышат от отца горе-экстремала оскорбления в адрес своих Богов. И Феодор, и его сын будут убиты разъяренной толпой. Еще через пять лет князь, возведший святилище и чтивший его человеческими жертвами, предаст древних Богов и прикажет разрушить возведенное им восемь лет назад святилище. Но пока пять Богов высятся за оградой теремного двора киевских князей.

Это свидетельство летописи по-настоящему неповторимо. Ни в ней, ни где-либо в других русских источниках мы более не находим описания святилищ наших Языческих предков. Более того — в русской средневековой книжности мы нечасто встретим и сами упоминания Языческих Богов. Собственно, в летописи, кроме этого места, они упоминаются разве что в договорах Языческой Руси с Византией (точнее, один из них, Пе-

рун), то бишь в цитате из другого документа. Более того, в почти единственном жанре средневековой русской литературы, кроме летописи, который упоминает «кумиры» язычников, в жанре, в котором без них просто не обойтись — в поучениях против язычников и двоеверцев — списки Богов явно отдают «списыванием» с летописного перечня кумиров, возведенных будущим крестителем Руси. Судите сами, читатель:

«Слово об идолах»: *Перун, Хоре, Макошъ* и Вилы (в виду, конечно же, имеется не сельхозинвентарь, а крылатые девы, своего рода воздушные русалки, культ которых прожил значительно дольше у южных (сербы, болгары) и западных (чехи, моравы) славян. Под слегка измененными именами они попали в либретто балета «Жизель» (виллисы) и... одного из романов о Гарри Поттере (вейлы). В ином месте того же «Слова об идолах» — *Перун, Хоре, Макошъ,* Переплут, Род и Рожаницы.

«Слово христолюбца»: *Перун, Хоре, Макошь* и Вилы, *Симаргл,* Род и Рожаницы.

«Слово Иоанна Златоуста»: *Перен, Хурс, Макошь.* В ином месте — *Стрибог, Даждъбог,* Переплут.

И уж конечно, влияние этого перечня заметно там, где и рассказывают про Владимира — в его житии («и изби вся идолы: Перуна, Хърса, Даждьбога, Мокошь и прочая все идолы»), в «Памяти и похвале» Иакова Мниха («поганьскы Богы, паче же и бесы, Перуна и Хъроса, и ины многы попра»).

Слово сказано — «бесы». Именно в этом причина поразительной сдержанности рассказывающих о Язычестве книжников, чаще всего — людей церковных. Для средневековых христиан Боги их Языческих предков —

и немалого числа современников — отнюдь не были какими-нибудь безобидными «литературными образами» или «олицетворением явлений природы». «Боги язы-цей — бесы!» возглашает верховный авторитет христиан, считающееся вдохновенным самим Господом Священное писание. И Ветхий Завет, и Новый вполне единодушны в этом вопросе (Втор, 32, 16—17, Пс. 105, 37, Коринф, 10, 20). А потому — «Не вспоминайте имени богов их» (Ис. Нав. 23, 7) и «не помяну их имен устами моими» (Пс. 15, 4). Что ж, по-своему разумно — ведь до сих пор говорят: «Помяни черта — и он явится».

Еще в XVII веке безымянный автор Густынской летописи и создатель «Слова об идолех Владимировых», окрестившийся в православие прусский выходец И. Ги-зель сочли совершенно необходимым подчеркнуть, что описываемые ими Боги — «бесы», «пекельные» — т.е. адские Боги. Авторы сразу заявили, что говорят об этом «бесовском отродье» не как о достойных воспоминания, но ради доказательства «дьявольской» и «безумной» природы Язычества.

Вот как долго христианские авторы обставляли извинениями и «идеологическими» экивоками всякое *упоминание* о Языческих Божествах[1]!

Надо сказать, суровое отношение к их упоминанию — даже чисто литературному — церковь сохрани-

---

[1] На фоне такого отношения бросается в глаза «Слово о полку Игореве», спокойно упоминающее Языческих «бесов», но ни разу не упомянувшее Христа, святых, «православную христианскую веру». Впрочем, этот вопрос слишком обширен и слишком далеко уведет нас от нашей темы.

ла до «просвещенного» XVIII столетия включительно[1]. В 1786 году архиепископ Платон объявил «сумнитель-ными и могущими послужить к разным вольным мудрствованиям» романы о Языческой Руси Василия Лев-шина, бывшего своего рода предтечей нынешнего «славянского фэнтези» и вдохновившего Пушкина на поэму «Руслан и Людмила». И если сегодня даже, в начале XXI века, иеромонах Василий Уткин пишет «под именем Перуна и Святовита поклоняется он (язычник — О.В.) реальным духовным силам ада», то можно себе представить, насколько серьезнее все было в Средние века!

Поэтому ясно, отчего авторы поучений против Язычества и двоеверия век за веком повторяли и цитировали приведенный в летописи список «бесов». Этим как бы отводили от себя гнев Христов — а кто-то и их устрашающее внимание. Ведь это же не они называли Перуна, Хорса «и иных многих» — это автор летописи! И грех вроде бы меньше. Ведь не сами ж — за святым Нестором повторяем!

Впрочем, через полтысячи лет после написания «Повести» и через три столетия после того, как отгорели огни последних погребальных костров и жертвенников

---

[1] Любопытной иллюстрацией к воззрению христиан на Языческих Богов служит книга «Религия московитов», вышедшая в Лейпциге еще в 1717 году. На содержащейся в ней гравюре Боги капища 980 года — Перун, Мокошь, Стрибог, Хоре и другие — изображены с собачьими и кошачьими мордами, копытами, рогами, длинными ушами и прочими чертами нечисти. От этой книги счел необходимым предостеречь своих читателей еще Андрей Кайсаров в «Славянской и российской мифологии» в 1804 году, однако историк (!) А.А. Бычков считает возможным ссылаться на эту карикатуру еще в начале XXI столетия.

русских язычников, страх перед «бесами» поутих, напротив, пробуждался интерес к вере пращуров. Возникло желание узнать про них побольше — а спрос, как известно, рождает предложение. И список начали расширять, что называется, правдами и неправдами. К перечню Богов на киевском холме присоединяли то имена Богов и Богинь, по всей видимости действительно почитавшихся славянами, но в списке «Повести» не значившихся — Велеса, Ладу, Лелю, то названия Языческих праздников — Купала, Коляда .

Доходило до совершенных недоразумений: иноземец Гербенштейн, австрийский дипломат XVI века, прочел — и записал в своем сочинении — летописное «усъ златъ» как «Услад» — и «бог» с таким именем на долгие годы водворился в книгах по религии славян, да и сейчас еще обретается в любительских «Словарях славянской мифологии» и сочинениях иных «неоязычников». Был еще один путь «умножения» киевских Божеств — непонятные по древности имена начинали «толковать» в меру своих способностей. Особенно «повезло» бедному Семарьглу , которого еще в XIV веке разложили на «Сема» и «Ерьгла» (Сима и Регла, Сима и Рыла и т.д.). Под пером польских толкователей он превратился в «Зимерзлу» («богиню» зимы — от слова «замерзнуть», конечно), «Зимцерлу» («богиню» зари — очевидно, от слова «мерцать») и «Зимстерлу»

Впрочем, такая постановка вопроса — Языческий Бог или олицетворение праздника — не совсем осмысленна. У язычников бывают Божества, «отвечавшие» за тот или иной отрезок времени — римский Ватикан, скажем, или русские Полудницы, можно также вспомнить святую Пятницу и святую Середу «народного православия». Однако нам важнее, что летопись таких «кумиров» на киевском холме не упоминала.

Я настаиваю на именно таком написании этого имени, причины чего подробно разъясню при рассмотрении образа этого Божества.

(«богиню» весны — «зиму стирающую»). Чуть меньше досталось Хорсу, «превращавшемуся» в «Корса», по созвучию со словом «корец» — ковш — обращенного позднейшими книжниками в эдакого «русского Бахуса», и в «Хворста» — «бога болезней». Особенно хорошо, что в иных изданиях по Язычеству обретаются разом и Семарьгл, и «Зимцерла» с «Зимерзлой», и Хоре, и «Коре», и «Хворст»!

Очень заметно, что все эти измышления шли большей частью от модного тогда представления о «жизнерадостном» Язычестве — «розовом вине и ляжкам нимф среди цветов», как ядовито замечал валлиец Артур Мэйчен в статье «Язычество». Отсюда и старательные поиски «славянского Диониса» в лице «усладов» и «корсов», и размножение всевозможных «богинь».

Обсуждая облик Перуна, позднейшие книжники также проявили немало фантазии. Так, поляк Стрыйков-ский в XVI веке переделал «золотые усы» Перуна, уже превращавшиеся в отдельное «божество», в «золотые уши» и, может быть, по примеру известных ему идолов литовского громовика Перкуна[1] наделил киевский кумир железными ногами, «громовым камнем» в руке, глазами-рубинами. Поэт XVIII столетия, масон Херасков, в

В XIX веке в городе Вильно (современном Вильнюсе) при ремонте дома богатого купца XV века выстучали в стене гулкое пустое пространство. Естественно, первой мыслью нашедших было «Клад!». Однако на самом деле это оказалась потайная молельня, единственным ценным предметом в которой был золотой кумир Перкуна на алтаре. Видимо, купец, вынужденный притворяться католиком, не желал забывать Богов Пращуров. Причем дом этот, названный впоследствии «домом Перкуна», стоял через дорогу от собора святой Анны! Во время Первой мировой войны идол, к тому времени, конечно, прописавшийся в музее, был эвакуирован в Петроград. Однако из всех составов, шедших в это время в восточном направлении по густонаселенной, тесной Литве, именно этот загадочно и необъяснимо пропал — а вскоре людям стало не до древних кумиров, пусть и трижды золотых. Цел ли сейчас золотой Громовержец и где находится — неизвестно.

своей «Владимириаде» воспевший крестителя Руси и, понятное дело, ругательски изругавший Язычество, счел золотые усы скучными и неинтересными и снабдил описанный им кумир Громовержца золотыми... рогами: «Златые на челе имел велики роги». Как видим, даже масоны-просветители, в трогательном единодушии с православными монахами, видели в Русских Богах «бесов рогатых».

Примерно тогда же расцвело буйным цветом обыкновение объяснять славянских Богов — прежде всего именно из «киевского перечня» — через знакомые «всякому образованному человеку» того времени мифы Эллады и Рима. Началось еще со средневековых западнославянских авторов. Из тех же соображений, что и их русские коллеги и современники, они опасались воспроизводить подлинные славянские имена Богов. Только они нашли другой выход из щекотливого положения. Вместо того чтоб отмалчиваться или повторять чужие слова, западнославянские авторы подменили «опасные» имена античными (видно, античные «бесы«-Олимпийцы, уже много столетий как «повергнутые» крестом, считались менее опасными[1]). Козьма Пражский «заставляет» чешских язычников, своих предков, упоминать Марса, Юпитера, Беллону и «зятя Цереры». Латинскими и греческими именами поясняет славянских Богов «Хроника нотария короля Белы», словарь «Mater verbo-rum» («Матерь слов») в XIII веке.

Во времена Возрождения традицию продолжили из

Но и они вполне безопасными не считались. Еще прабабка автора этих строк ругалась: «Подь ты к Ефесту!» Отчего именно кузнец античного Олимпа так не глянулся прабабушке, что она направляла к нему всех, кем была недовольна — непонятно, а у нее уже не спросишь.

иных соображений — славянское Язычество, особенно в высших слоях общества, среди людей, читавших и писавших книги, прочно отошло в прошлое. Польский пан, современник Длугоша, Меховского, Стрыйковского, Перуна уже вряд ли знал, зато Юпитера — отлично. Его крепостные, правда, в это самое время чествовали Перуна и Даждьбога жертвами и песнями, но не станет же ясновельможный шляхтич, наипаче — образованный, обращать внимание на темные суеверия грязных хлопов !

Поневоле вспоминается случай с некоей интеллигентной дамой, зашедшей в конце 1970-х — начале 1980-х в церковь. Батюшка, заметив, как она вглядывается в купольный образ Христа, подошел к ней — и был наповал сражен простодушным вопросом: «А это у вас там кто — Зевс?»

Некоторые вещи не меняются...

Мода таким образом комментировать славянскую мифологию просуществовала многие века, дожив до конца XVIII столетия, когда ей отдали дань и неприметный Левшин, и титан Ломоносов («Сей богом грома и молний почитавшийся Перун был Зевс древних наших предков», «древнее многобожие в России, сходствовав-

---

Впрочем, в Западной Белоруссии был один случай, когда, можно сказать, шляхтич впрямую столкнулся с Языческим Богом — некий пан Норкун приехал в Перунов день плетью гнать своих хлопов, чествовавших Громовержца, на барщину. Немедленно появилась грозовая туча, вскоре затмившая все небо. Пан со словами: «Ты Перун, я — Норкун!», выстрелил в тучу из ружья (!) (Судя по этой детали, дело было не ранее XVII века.) В ответ ударила молния, конь шляхтича-богоборца был убит на месте, а всадник — парализован. Поправившись, очень впечатленный этим случаем пан не только перестал препятствовать чествованию Громовержца, но и заповедал своим потомкам блюсти его день. Предание было записано в конце 1970-х годов от 80-летнего старца, еще заставшего этот праздник. Коня, однако же, жалко.

шее с греческим и римским» и т.д.). Первый издатель «Слова о полку Игореве» в сноске к имени Стрибога поименовал его «славенским Эолом» еще в 1800 году. Особенно увлекались такого рода сопоставлениями авторы всевозможных «Абевег славянских суеверий» и «Славянских и российских мифологий», в конце XVIII — начале XIX столетия, в духе модного энциклопедизма, обобщавшие скудные сведения о славянских Богах и духах, как правило, в алфавитном порядке. Чулков, современник Левшина и его соперник в праве называться дедушкой славянского фэнтези, писал про «Полеля», который есть «славенский Гименей, сын Ладин», и про Болотов — «сии страшилища были великаны и значили у славян то же, что у греков Гиганты». Еще один их общий современник и конкурент Попов величал Хорса «Славянским Эскулапом». Андрей Кайсаров, в начале следуьощего столетия, сравнивал русалок с нимфами и наядами, леших — с сатирами, Леля называл Купидоном. Можно сказать, что это была первая ласточка сравнительной мифологии, самые первые, младенческие шаги подхода, которому в грядущем предстояло «вырасти» в солидный научный метод. В равной мере и сопричтение к киевскому перечню Лады, Лели, Купалы и прочих были первыми попытками выстроить стройную картину славянского Язычества и привлечь для этого материалы этнографии — эти задачи впоследствии также будут решать многие ученые. Однако к героям нашей книги — Богам, чьи кумиры были возведены на киевском холме за восемь лет до крещения, — все это имело довольно слабое отношение.

Надо отметить Михаилу Васильевича Ломоносова. Титан русской науки и здесь оказался на высоте — он едва ли не первым со времен Возрождения не стал при-

украшивать на свои вкус перечень киевских кумиров «Усладами» и «Колядами». Он же, описывая Перуна, не стал, в отличие от иных авторов, снабжать его «золотыми ушами» или «золотыми рогами», а добросовестно повторил летописное описание. В теории о значении Божеств киевского святилища Михайло Васильевич вдаваться не стал, а только отметил, что летописец-де ничего об этом не говорит, просто перечисляя имена.

И для исследователей всей русской истории, и для исследователей русского Язычества тема возведенного Владимиром святилища казалась... слишком проходной, что ли. Рассматривались более глобальные, объемные вопросы: летописные варяги — скандинавы это или славяне? Какие из летописей достоверны, какие — нет? Мифологи выстраивали величественные картины битвы Громовника с его врагом — «воплощением тучи» — за сокровища или красавицу — «воплощение Солнца», разрабатывали неисчерпаемую золотую жилу славянского фольклора.

Однако некоторое внимание киевским Богам уделяли. Как-то исподволь установилось мнение, что устроенное Владимиром святилище было его же, Владимира, собственной выдумкой. Так и пошло — «Владимировы боги», «Владимиров пантеон». Часто добавляли, что Владимир уже тогда видел неприспособленность Русского Язычества для государства (как будто не было до и после Владимира Языческих держав — Египта, Ассирии, Эллады, Рима, Золотой Орды, Китая, Японии и многих, многих других), вот и пытался его «реформировать», «упорядочить» — что своего порядка в «этой стране», конечно, не было и не могло быть, «образованной публике» уже тогда было «совершенно ясно». Как писал А.К. Толстой, пародируя официальные «Истории

государства Российского», «Страна у нас богата, порядка только нет».

П.М. Строев еще в 1815 году высказал мысль, что в числе тех Божеств, кумиры коих были возведены Владимиром, славянскими были только Перун, Стрибог и Даждьбог. Мокошь, Семарьгла и отделенного от Даждьбога Хорса он считал Богами неславянских племен. «Владимир.., кажется, сделал только то, что почитаемых разными Славянскими, Финскими племенами (может быть, также и Варягами) богов собрал в одно место и, так сказать, объявил их общими целого Государства и его покровителями. Самая здравая Политика не могла бы приискать ничего лучшего для совершеннейшего и неразрывного соединения разных народов, составлявших тогда Владимирово Государство, как дать им общую религию, составив ее из почитания всех тех божеств, кои порознь у каждого или, по крайней мере, у главнейших из них находились...». Итак, по мысли Строева, Владимир собрал воедино Божества всех племен своей державы из политических соображений (когда позднее ученые-атеисты стали объяснять чисто политическими соображениями крещение «святого» Владимира, православные очень обижались... как говорится, «а нас-то за что?»). Точно так же когда-то поступил правитель Римской империи Адриан, во втором веке воздвигший в своей столице гигантское здание, под куполом которого объединил статуи всех наиболее почитаемых Богов своей страны — тут нашлось место и Олимпийцам эллинов, и азиаткам Астарте и Кибеле, и египетским Исиде и Осирису. Здание так и назвали — Пантеон, от греческих слов «Пан» — все, и «тео» — Бог. Пантеон — Всебо-жье. Так и повелось величать кумиров пяти Богов «киевским Пантеоном» или «Пантеоном Владимира». То же истолкование давали ему большинство ученых (по-

следним с такой идеей выступил Игорь Яковлевич Фро-янов). Не могли разве что договориться о том, кто из Богов какой народ должен представлять: Хорса считали хазарским (И.Е. Забелин), полоцким (А.Н. Робинсон, очевидно, оттого, что полоцкий князь Всеслав в «Слове о полку Игореве» «перерыскивает» путь великому Хор-су) и даже иранским и торкским (хотя к 980 году никаких иранских племен, вроде скифов или сарматов, давно уже не было у русских границ, а торки-огузы, дальние родичи туркмен и азербайджанцев, наоборот, подошли к этим границам почти через век после крещения Руси). Мокошь большинство исследователей дружно относили к «финским» Божествам (еще одна ученая мода, и ныне не угасшая — выискивать в остатках славянского Язычества финское влияние). Очевидно, от имени мордовского племени мокша — других оснований производству киевской Богини в финны я не вижу. Семарьгл побывал и невнятным «богом степных народцев» (Е.В. Аничков), и иранским Божеством. Не избежали печальной участи и те Боги, коих Строев отнес к безусловно славянским — так, Перуна подозревали в том, что он-де «замаскированный» скандинавский Громовержец Тор: надо же как-то объяснить, что в русском Язычестве нет и тени пресловутых «норманнских» варягов и «скандинавских» русов! Это воззрение воплотилось даже в поэзии: в стихотворении Александра Кондратьева «Перун — Велесу» Громовержец горделиво заявляет:

> Нет, я не брат тебе, о Волос, бог скотов, Бог племени
> рабов, покорно гнущих выи, Варяжских витязей дружины
> боевые Меня к вам принесли от дальних берегов...

И чтобы не было неясности, про каких именно варягов идет речь, добавляет:

Для викингов-князей я тот же древний Тор.

Другие ученые видели в нем литовского Бога (того же Перкуна). Вытащили даже албанское (!) не то божество, не то просто слово «перынди» или «перенди». А.Н. Робинсон определил Стрибога совершенно изумительным образом: это, оказывается... «славяно-половецкое Божество». С какой стороны этот Бог с насквозь славянским именем оказался причастен к степнякам-половцам, предкам татар, казахов и алтайцев, лично я, читатель, постичь не в силах. Что до Даждьбога, то самые рьяные сторонники «теории заимствований» не сумели отыскать на него какого-нибудь компромата. Чересчур уж прозрачным было славянское звучание его имени. Словно бы в отместку, его почитание постарались сузить до неприличия — Даждьбог оказывался то киевским Божеством (все тот же Аничков), то черниговско-северским (польский исследователь Хенрик Аовьмянский).

Если Вас, читатель, изумит этот странный аукцион, на котором славянские ученые словно старались побыстрее сбыть на сторону Богов своих предков, я охотно объясню, в чем дело. Дело во времени. Вторая половина девятнадцатого столетия и первая половина столетия двадцатого были временем величайшей смуты в умах — смуты, которая с неизбежностью выплеснулась в 1917 году на просторы реальной России и залила их кровавым потопом. Со смертью государя-рыцаря, железного императора Николая Павловича, умы русского общества охватило брожение, вылившееся в два основных направления: западничество и славянофильство. Западники, либералы-прогрессисты, не находили ничего хорошего в прошлом России, наблюдая там одну дикость и отсталость. Во имя прогресса России следовало, по мнению этих господ, как можно скорее отказаться от всех «пе-

режитков прошлого» и как можно больше подражать таким светочам прогресса, как Англия и Франция. Славянофилы-почвенники, напротив, смотрели на западные народы, как на чужаков, и видели спасение России в возвращении к православным ценностям и объединении под знаменем этих ценностей всех славян, коим надлежало (исключительно по мнению славянофилов, сами славяне, особенно поляки, относились к этим проектам без всякого энтузиазма) слиться в единой братской семье под сенью православного креста и скипетра русских царей — вкупе с «братскими» инородцами Сибирской тайги. Кавказских гор, болот Карелии и Поволжья, кочевников степей и тундр. Казалось бы, ничего общего у этих течений быть не могло — однако не все было так просто. Много позже один из этих людей сравнил их споры с образом византийского орла, герба империи: «Головы смотрели в разные стороны, но сердце билось об одном». Вот уж воистину... как только доходило до дела, яростно спорившие «мыслители» оказывались полностью единодушны. Это проявилось, скажем, в изумительных по бессмысленности балканских войнах. Русских парней-рекрутов из нищих, лапотных, завшивленных, неграмотных русских деревень отправляли погибать за сытых усатых «братушек» из чистеньких благополучных домов под добротной черепичной кровлей, не торопившихся не то что погибать за «славянско-православ-ное братство» или «во имя торжества прогресса над османским мракобесием», но даже и делить щедро намазанную коровьим маслом кукурузную лепешку с полуголодным русским солдатиком. И, однако, ни западники, ни славянофилы своего протеста не выказали. Одних устраивало то, что солдаты «отсталой» России гибнут во

имя интересов «прогрессивных» Франции и Англии. Других — все то же «братство», до которого никому, кроме них, дела не было — ни сербским князьям, проигрывавшим друг дружке в карты пожертвования русских добровольцев. Ни бугаям-болгарам, прятавшим зерно от русских фуражиров и рассыпавшимся по подвалам и кукурузным полям при первом появлении на горизонте турецких войск. Ни матери какого-нибудь Про-шки или Федьки, разорванного бомбой или поднятого на турецкие штыки за тридевять земель от родной избенки под соломенной крышей.

Столь же трогательное единение «непримиримые оппоненты» выказывали, портя отношения России с ее единственным надежным союзником в Европе и, кстати, наиболее близким родичем славян по крови — немцами. Короче говоря, сравнивший западников-прогрессистов и славянофилов с двухголовым византийским мутантом был насквозь прав. А замечательный русский поэт А.К. Толстой высказался по этому поводу и вовсе исчерпывающим образом:

Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и у других ногти нечисты,
Ибо, хотя они не сходятся в теории вероятности,
Но сходятся в неопрятности.
И оттого нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия .

---

[1] Разумеется, все сказанное никак не обозначает, что в обоих лагерях собрались дураки и негодяи. Нет, конечно же — в том и трагедия, что обе, порочные по содержанию и антирусские по воплощению, идеи поддерживали очень часто неглупые, талантливые и очень порядочные люди, хотевшие только добра... Многие из них раскаивались. Потом.

В отношении русских Богов из выстроенного Владимиром капища оба лагеря проявляли то же трогательное единение. Западники в очередной раз рады были показать, что ничего своего «в этой стране» отродясь не бывало, и даже Языческих истуканов-де русские завозили из-за границы. Что до славянофилов, то тем очень хотелось доказать, что хорошие славяне, в отличие от ужасных тевтонов, никогда не были язычниками, не ставили кумиров, не приносили жертв. Эти кроткие, милые люди просто были созданы для православия. То есть я хочу сказать — того сказочного, лубочного, прянично-суса-льного православия, что, как и всеславянское братство, существовало лишь в мозгу славянофилов, не имевшего ничего общего с реальным историческим византийским православием, с его пытками и казнями, и жуткой практикой поголовной продажи в рабство сел, где приносили жертвы Языческим Богам или хотя бы клялись Их именами. «Когда вспоминаешь, как крестился русский народ — заливался слезами славянофил Аксаков — невольно умиляешься душою. Русский народ крестился легко и без борьбы, как младенец». На самом деле и летописи («Добрыня крестил огнем, а Путята — мечом»), и жития святых, и народные предания рисуют картину совершенно иную. А археология одним страшным штрихом ставит точку в дискуссии — двадцать девять процентов поселений конца десятого столетия, исследованных археологами, не пережило крещения Руси. ТРЕТЬ сел и городов были уничтожены крестителями или оставлены бежавшими от насильственного крещения людьми. Археологических данных во времена Аксакова еще не было, но были и летописи, и жития, и предания уже записывались, но — увы. Славянофилы, как и их «оппо-

ненты», были достойными представителями российской интеллигенции с ее извечным принципом: если факты противоречат теории — тем хуже для фактов. Поэтому славянофилы охотно поддержали идею, что кумиров для своего капища Владимир приискал где-то на стороне, а потому-де и расстался с ними народ «легко».

В конце XIX столетия такой взгляд на Богов возведенного Владимиром капища стал едва ли не общепринятым (а уж излагался его сторонниками именно как общепринятый, безо всяких «едва ли»). Профессор Корш сурово заявлял, что-де «теперь не может быть и речи» о славянском происхождении этих Богов (даже Громовержец Перун, как мы видели, не избежал общей печальной участи). Да и, заявляли сторонники теории заимствований, достаточно посмотреть на деревенский фольклор — нигде не упоминаются Перун, Даждьбог, Стрибог, Мокошь и Семарьгл, только русалки, домовые и лешие. А значит, Боги, поставленные Владимиром «у двора теремного» — искусственное, «от ума», собрание недолговечных, по большей части заимствованных, не оставивших в народной памяти никакого следа идолов.

Это рассуждение — не забытое и по сей день — отмечено двумя чертами, общими для всех построений тех ученых, что любят величать себя «рационалистами» и «объективными». Оно, во-первых, неверно логически, а во-вторых, опирается на ложное утверждение. Ведь и шведская, скажем, деревня конца позапрошлого — начала прошлого столетия помнить не помнила Одина, Аоки, Тора и прочее население Асгарда, зато хорошо помнила и почитала альвов-эльфов и троллей, лесных дев скульдр и никс-водяниц, да домовых-кобольдов. Однако что-то не слышно, чтоб кто-то из шведских ученых делал на этом основании далеко идущие выводы

о заимствовании Тора или Одина у лопарей или, скажем, шотландских горцев, о поддельности Старшей и Младшей Эдды, или что знаменитое капище в Упсале было попыткой какого-нибудь конунга «реформировать примитивный культ» скандинавов.

Может, все оттого, что у скандинавов нет интеллигенции?

Во-вторых, фольклорные записи с упоминанием Перуна, Даждьбога, Стрибога, Мокоши именно ЕСТЬ — мы подробно рассмотрим их там, где будем знакомиться с Богами, стоявшими на киевском холме. И даже с загадочным и труднопроизносимым Семарьглом все не так уж, как увидим, безнадежно.

Так что, как говаривал один персонаж Михаила Афанасьевича Булгакова — поздравляем вас, господа, соврамши.

Уже упоминавшийся Аничков отличался любопытными воззрениями на развитие Языческих религий — по его мнению, Боги язычников возникали из домашних кумирчиков, поэтому общенародным мог стать только Бог семьи, вставшей во главе народа. То есть не могло быть не то что общеславянских, но даже и общерусских Божеств, и даже Перун был-де всего лишь родовым и дружинным Божеством «киевских Игоревичей». Ничего подобного нельзя было сказать ни про эллинское Язы-

---

Самое любопытное, что в данном случае для подобных построений есть некоторые основания. Действительно, у лопарей-саамов есть божество-громовик Айеке-Тиермес, символом и оружием которого является молот — как и у Тора. Аналогичное божество Укко-Таара (Туури, Тоори) есть у прибалтийских финнов. Вот только почему-то никто из скандинавских ученых не сомневается, что это саамы и финны заимствовали у их предков Ека-Тора, Тора-на-Колеснице, а не наоборот.

чество, ни про Язычество скандинавское — зато построения Аничкова находились в полном соответствии с модными теориями об «эволюции общества» и «истории религии», а стало быть, «образованной публикой» принимались на «ура». Тем паче что на построениях громимых Аничковым мифологов лежала ужасная тень подозрения в самом страшном для российского образованца грехе — ПАТРИОТИЗМЕ! Уж сам-то Евгений Васильевич был от такого подозрения совершенно свободен. «Особенно убого было Язычество Руси, жалки ея боги, грубы культ и нравы — разливался соловьем эволюционист. — Не поэтически смотрела Русь на природу, и не воссоздавало воображение никакой широкоза-думанной религиозной метафизики». Доводы господина Аничкова были «простыми, как мычание» — мол, по описаниям греков и арабов, жизнь славян была грязна, жалка и убога — куда уж этим нищим дикарям до развитой мифологии! И вновь перед нами ложная логика, основанная к тому же на откровенном вранье. Во-первых, что ж с того, если жители богатого Востока и находили бы быт славян убогим и грязным? Про быт норманнов в Хедебю араб Ибрагим ат Тартуши высказался жутче некуда — тут и грязь, и вонь, и гниющие на улицах коровьи туши, и пение, похожее на вой зверей, и младенцы, которых вынуждены топить с голоду их же нищие родители. Однако все перечисленное не помешало быть ни двум Эддам с их роскошной мифологией, ни блистательному капищу Упсалы. Быт самих арабов, когда пророк Мухаммед создавал ислам, не назовешь ни особенно богатым, ни слишком чистым — обычный быт кочевников с их одеялами из верблюжьей шерсти, кишащими верблюжьими же клещами, палатками, замотан-

ными до глаз женщинами — и твердой верой в то, что «смывая грязь — смываешь удачу». Вся разница с Хе-дебю — «лишних» детей, которыми в Аравии, как правило, оказывались девочки, не топили (негде было), а зарывали в песок. Заживо, вниз головой, в кувшине. Рецидивы людоедства отмечены у арабов уже после принятия ислама. Все, что придало хоть какой-то лоск арабской цивилизации, прославленные «арабскими» (зачастую заимствованными у персов) сказками пышные одеяния, дворцы, драгоценную утварь, арабы буквально награбили в Персии и Византии уже после рождения ислама. А что до описаний теми же греками и римлянами быта и обычаев носителей «суперпередовой» религии иудаизма, то я, читатель, с вашего разрешения, воздержусь от их цитирования. Ибо в противном случае рискую немедленно быть обвиненным в антисемитизме. Отсылаю читателя к книге автора, во-первых, уже давно покойного, а во-вторых, вряд ли могущего быть заподозренным в неприязни к евреям. Речь про работу «Антисемитизм в Древнем мире» почтеннейшего Соломона Лурье. Там цитируются Марциал, Тацит и Марк Аврелий, и многие другие прославленные мужи античности, и про грязь и убожество ими сказано немало — но к славянам это не относится.

Но ко всему прочему господа прогрессисты-реалисты-объективисты опять-таки врут. Ибо никаких описаний исключительных «бедности и убожества» быта славян у иноземцев мы не найдем. Западные монахи взахлеб расписывали богатейшие, чистые, уютные, сытые города язычников-славян (и нищие, грязные, убогие городки своих единоверцев, датчан). Как описывали датчан арабы, мы уже помним, а вот когда речь заходит о

русах, то арабский путешественник и дипломат Ахмед ибн Фадлан говорит об обычае прибавлять бусину на ожерелье женщины с каждым десятком тысяч серебряных монет в капитале ее мужа. Ибн Фадлан утверждает, что на шеях многих русских женщин эти ожерелья висели в несколько рядов. Он же пишет, что трон «царя русов» был украшен драгоценными камнями и кораллами, а простые купцы унизывали руки и ноги золотыми обручами, застегивали кафтаны золотыми пуговицами и носили шапки с парчовым верхом. Другой араб, Абу-л-Хасан Али аль Масуди, описывает славянский храм в таких выражениях: «У них есть еще иной дом на горе, которую окружает залив моря[1], (дом), сооруженный из камней красного мрамора и камней зеленого изумруда. В середине его огромный купол, а под ним идол, части тела которого (сделаны) из четырех сортов драгоценного камня: зеленого хризолита, красного карбункула, желтого корналина и белого хрусталя (берилла), а голова его из червонного золота». «Бедность и убожество», говорите, господа историки? Описания славянских храмов аль Масуди, конечно, откровенно сказочные — чего стоит истукан Божества из четырех пород драгоценных камней. Но дыма без огня не бывает — про «грязные, нищие и убогие» племена таких сказок не рассказывают. Так что представление о нищете, грязи и убожестве славян, которое Аничков пытается обосновать ссылками на иноземных авторов, — это на деле *его* собственная фантазия, его представление о собственных предках.

Не премину отметить — сей «объективный» муж,

Считается, что здесь в искаженном виде описывается святилище Аркона на острове Рюген в Балтийском море.

будучи откровенным марксистом, вел в Российской империи сытую и благополучную жизнь, занимая профессорские кафедры в столичных университетах. В то время как подвижник изучения и собирания русского фольклора, А.Н. Афанасьев, на чьи «Поэтические воззрения славян на природу» так смачно плюнул в приведенной цитате господин Аничков, был изгнан с работы за издание «кощунственных» легенд и умер в нищете. Империя и церковь *сами* растили и холили своих могильщиков, и *сами* хоронили лучших сынов Русской нации. Кстати, сам Аничков, когда через три года после издания им труда «Язычество и древняя Русь» (1914) накликанный им и ему подобными молох «прогресса» выполз с книжных страниц в реальный мир и принялся хрустеть миллионами человеческих жизней, отчего-то не захотел участвовать в процессе «эволюции общества» и сбежал в благополучную Великобританию. Там он пристроился читать лекции в Оксфорде, где его построения о «жалком и убогом» Язычестве Руси наверняка нашли благодарных слушателей.

Российская интеллигенция... не тонет-с.

Сейчас построения Аничкова оказались полностью несостоятельными. Ученые говорят не только об общеславянском, но и об общеиндоевропейском пантеоне. Найдены бесчисленные свидетельства о почитании Перуна, Даждьбога, Хорса, Стрибога, Макоши далеко за пределами Руси, вскрыты индоевропейские истоки их культа (насколько древнего, можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что святыней Перуна был... КАМЕННЫЙ топор). Так что прав-то оказался Афанасьев и его единомышленники... но до сих пор в кругах «образованной публики» считается дурным тоном цити-

ровать «мифологов», зато с великим пиететом переиздают марксиста Аничкова. И можно встретить в солидных ученых трудах аничковские рассуждения о том, что у славян-де не было и не могло быть единой веры и общих Богов — ведь не было же единого государства!

Про таких исследователей хочется сказать словами анекдота советских времен: «Чукча не читатель, чукча писатель». Перед тем как создавать этакие трактаты, неплохо прочитать хоть что-нибудь, хоть в школьную программу входящие сведения об едином пантеоне эллинов, до Александра Македонского не имевших общего государства. Или о единой религии Индии, которая стала одним государством очень и очень поздно, едва ли не после британского завоевания. Или про общих Богов тех же скандинавов, так за всю историю в одном государстве и не объединившихся.

Надо сказать, что представления о «сборном» характере киевского капища имеют хождение по сию пору. Например, их повторяет И.Я. Фроянов. А вслед за профессионалами подхватывают ее дилетанты. Так, прославленный возведением хазарской рабыни Малки, матери крестителя Владимира, в «древлянские княжны» и дочери князя Мала, киевский краевед Анатолий Маркович Членов с пресерьезным видом распределяет Богов по землям Руси в соответствии-де с их (земель) политическим местом в «федерации». Перун, конечно, оказывается киевским и Полянским, Даждьбог — древлянским (по мысли Членова, «Даждьбожий внук» из «Слова о полку Игореве» это никто иной, как Владимир Креститель, по его версии — внук Мала Древлянского). И уж совсем трудно становится угнаться за полетом фантазии Анатолия Марковича, когда краевед

«распределяет» Хорса — в Новгород, Стрибога — в Полоцк, Семарьгла — в болотистую землю дреговичей, а Мокошь, попутно объявленную им «Русской Афродитой» (вернулись времена Левшина и Ломоносова?) определяет в «небесные княгини Смоленской земли».

Возвращаясь ко второй половине XIX века, надо заметить, что «теория заимствований» была еще не самым большим достижением ученой «объективности». Были исследователи — кстати, и сейчас не утратившие последователей, особенно их идеи отчего-то популярны в Польше — так вот, были исследователи, которые и вообще не верили в существование «Киевского пантеона». По их мнению, летописец просто украсил свой текст перечнем Языческих Богов, взяв для него первые пришедшие на ум имена. По чести сказать, читатель, мне трудно как-то всерьез комментировать такие «теории», даже в тех случаях, когда их выдвигает весьма, в общем-то, почтенный историк Н.И. Костомаров. И совершенно непонятно, чем они отличаются от построений пресловутого академика Фоменко. Во-первых, уже говорилось, что монахи-летописцы испытывали мистический ужас перед любым упоминанием Языческих Богов («рекше бесы»). Это современный обыватель, не задумываясь, готов «украсить» стены своего обиталища омерзительными рожами кровожадных африканских или ацтекских кумиров — зачастую вместе с православными иконами. Но может, не надо обвинять в таком легкомыслии средневековых христиан? Если уж они упоминали ненавистных им «демонов» — так на то должен был быть серьезный повод. Кроме того, уже давно многие ученые подозревают, что в «Повесть временных лет» вошли более ранние летописные записи, в том числе — X века (это

уже во-вторых). Один пример — упоминая Свенельда,■■.; воеводу княгини Ольги (до этого — ее мужа Игоря Старого, а впоследствии — ее сына Святослава Храброго), летописец называет его отцом какого-то (или какой-то) Мистиши. Между тем загадочный (загадочная?) Мистиша более на страницах летописи не возникает, в отличие от своего отца. Что, кстати, и наводит меня на мысль, что Мистиша все же женщина — в те времена женщины нечасто появлялись на страницах летописей. Ну а то, что сообщение это переписано из источника, составленного при жизни Мистиши, понятно — иначе бы в таком пояснении не было бы смысла. А дети Свенельда были взрослыми в третьей четверти X века. И заставший Мистишу в живых летописец должен был своими глазами наблюдать капище 980 года — хотя скорее всего издали. Так что и возможность верно воспроизвести перечень стоявших на княжьем дворе кумиров у вставившего его записи в свой труд автора «Повести временных лет» была.

В XX веке многие идеи о «заимствовании» киевских Богов у иноплеменников канули в Лету. Так, были записаны на Украине и в Белоруссии предания и песни с упоминанием Перуна и Даждьбога — а значит, окончательно приказали долго жить фантазии века XIX о «недолговечных» и «не оставивших следа в народной культуре» кумирах. Были исследованы культы тюркских и финно-угорских племен, и никаких следов Семарьгла, Хорса и Мокоши в них не обнаружилось (как и еще одного заподозренного в финском происхождении русского Божества — Велеса, не вошедшего в ряд Богов на Киевском холме). Название мордовского племени «мокша», которое было единственным аргументом приписы-

вания единственной киевской Богини финнам, оказалось... «балто-славянского», как стыдливо выражаются лингвисты, происхождения. То есть в очередной раз оказалось, что заимствовали не русские, а у русских. Единственное неславянское влияние в именах киевских богов, какое только удалось обнаружить — точнее, с какой-то долей достоверности предположить, — было скифо-сарматское происхождение имен Хоре и Се-марьгл. Но, поскольку к 980 году уже больше полутысячи лет никаких скифо-сарматских племен у русских границ (и вообще в природе) не наблюдалось, то о каком-то влиянии и заимствовании можно говорить разве что в сильно прошедшем времени. Даже такие, в общем-то, сочуствующие «критическим» и «объективист-ким» традициям исследователи, вроде М.А. Васильева, признают уже, что концепция «сборного» характера возведенного Владитмиром капища «нуждается в пересмотре». Переводя с того галантно-куртуазного жаргона, на котором эти исследователи общаются с единомышленниками[1], на обычный человеческий язык — безнадежно устарела и не выдерживает более никакой критики.

В 1975 году киевские археологи Я.Е. Боровскиий, П.П. Толочко и В.А. Харламов совершили удивительное открытие, благодаря которому изучение киевского капища в самом буквальном смысле обрело фундамент — раскопанный по Владимирской улице Киева под домом № 3 фундамент возведенного Владимиром

С оппонентами (особенно из презренных «патриотов») они не стесняются. Контраст напоминает какую-нибудь светскую даму времен крепостного права, перешедшую из гостинной, где только что сюсюкала с «ма шер княжной Мими» в людскую: «Манька, дура, на конюшню захотела?!»

святилища. Я бы рад сказать — «к величайшему смущению скептиков», да только написать такое — значило бы попросту обмануть Вас, читатель. Никакого — то есть совершенно! — смущения эти, скажем так, исследователи, не выказывают. А продолжают твердить: мол, неизвестно, святилище ли это, и то ли святилище, если святилище, и... в общем, дальнейшее изложение их «критики» сильно напоминало бы бессмертную репризу Романа Карцева и Петра Ильченко про кассира Сидорова. «Чем докажете? Паспорт? А вдруг он краденый? Фотография? Вырвали и вклеили свою. Подпись? Поддельная». Критика источников — вещь сугубо необходимая. Вот только между нею и паранойей (или издевательством — решайте сами, читатель, какое определение тут больше подходит) должна, по моему скромному мнению, быть какая-то грань. А особенно забавно смотрится такая вот «критика» в устах людей, которые без малейшего сомнения воспроизводят, скажем, доводы и выводы немецких ученых-норманнистов XVIII (!) столетия и их археологические «подтверждения», вроде громовых топорков, которые, невесть почему, принято называть «молотами Тора» и считать признаками проживания поблизости от места находки скандинавов. И это в то время, как сами археологи-норманнисты утверждают, что топорки из Восточной Европы находят ближайшее подобие отнюдь не в Скандинавии, а на славянском Рюгене (Руяне, Буяне русского фольклора, «острове Рус» арабских авторов).

Впрочем, читатель, оставим их наедине с их загадочной логикой и вернемся к открытию киевских археологов. Их находка обреталась в без малого двадцати метрах от стен каменного княжеского терема X века (по-

мните — «вънe двора теремьнаго»?), параллельно его стенам. С виду это до крайности своеобразное сооружение напоминало вымощенный неровный прямоугольник, вытянутый с юга на север, метров десять длиной. На каждом углу вымостка образовывала круглые выступы (киевские археологи отчего-то назвали их «лепестками»; лично мне остается лишь позавидовать их фантазии — углядеть в диковинном сооружении что-то схожее с цветком мне как-то не по силам). «Лепестки» (примем это определение из уважения к первооткрывателям святилища) на западной стороне поменьше, на востоке — больше. Между этими последними выступает на восток самый большой, около двух метров в диаметре, «лепесток», в середине которого сохранились остатки огромного деревянного столба, что-то около метра, восьмидесяти сантиметров толщиною. От основной площади вымощенного прямоугольника яму из-под столба отделяет — словно бы предохраняя столб от обугливания — большая каменная плита. Рядом с загадочным сооружением находятся несколько ям — у северо-западного «лепестка» небольшая ямка неясного назначения (для возлияний?), за юго-восточным — большая и глубокая яма в три метра диаметром, наполненная углем и остатками костей домашних животных. Там же найден топор X века — а топор был одним из символов Перуна. Наконец, двумя метрами южнее юго-западного выступа-«ле-пестка» обнаруживается ямка, заполненная обломками плоских кирпичей, так называемой плинфы, и щебнем. По ее краям — следы двенадцати жердей. Археологи датировали создание обнаруженного ими сооружения 971—988 годами.

Нет, я не спорю, читатель, при наличии фантазии

можно подыскать этому сооружению какое-нибудь другое объяснение. Ну, скажем, любил будущий креститель Руси посидеть летом на свежем воздухе под, скажем, деревом (остатки деревянного столба) под забором собственной резиденции и для этой цели специально велел вымостить под сенью ветвей площадку. Сидел там в тенечке, кушал шашлыки — следы двенадцати жердей, продолжая фантазировать, можно принять за остатки мангалов — а объедки, ленясь ходить далеко, зарывал по соседству в яму. И в ту же яму как-то во хмелю (это ведь ему принадлежит бессмертное изречение «Руси есть веселие пити, не можем без того быти!») выкинул, не заметив, с костями, любимый боевой топор.

А можно прислушаться к наставлению мудрого английского монаха-доминиканца Уильяма Оккама, современника нашего Ивана Калиты, и не изобретать, насилуя разум и здравый смысл, сущностей сверх необходимых. Именно так поступили открыватели фундамента загадочного сооружения, определив точную дату его создания как 980 год, а в самой находке опознав остатки возведенной Владимиром святыни Русских Богов. Именно так поступил крупнейший исследователь славянского Язычества XX века — Борис Александрович Рыбаков. И я охотно присоединяюсь к этим ученым, и именно это — а не всеразъедающий «алкагест» скепсиса — «а если нет? а чем докажете?» — и не самоуспокоенную нирвану агностиков — «нельзя сказать ничего

[1] Средневековые алхимики называли так вещество, к счастью, столь же мифическое, как эликсир вечной молодости или философский камень, прикосновением превращающий в золото любые металлы. Зачем алхимикам потребовался растворяющий все, с чем соприкасался «универсальный растворитель» алкагест, я, откровенно говоря, не понимаю.

определенного... ничего нельзя утверждать» — считаю подходом, достойным истинных ученых. Потому что я — неколебимый приверженец старомодной точки зрения на задачи ученого. Они, по моему скромному мнению, заключаются в том, чтобы искать и находить —г- а не блюсти свой имидж в глазах замкнутого круга «посвященных» коллег. Стоит только услышать, с каким невыразимым презрением радетели собственной «научной репутации» роняют в адрес покойного Аполлона Григорьевича Кузьмина — он-де «нашел несколько Руссий по всей Европе» — а в голосе так и звучит: негодяй какой, *найти* чего-то там осмелился! Не обихаживать, подкрашивая и подновляя, мумии полуистлевших фантазий заезжих шлецеров и миллеров, как все «порядочные ученые», а НАЙТИ!!!

Вот этими чувствами, создается впечатление, и руководствуются иные «критики», налетая тучей на любую находку, на любое открытие, торопясь запихать науку о прошлом Руси назад — во времена аничковых, а то и глубже, в пропахшие пудрой и пылью кабинеты заезжих книжников галантного осьмнадцатого века.

Впрочем, опять же, оставим их и возвратимся к открытию киевских археологов и некоторым выводам, на которые оно сподвигло Бориса Александровича Рыбакова.

Во-первых, он достаточно убедительно сопоставил остатки деревянного столба с кумиром Перуна. Выступ-«лепесток», в котором находилось основание деревянного столба, и по размерам, и по месту в композиции главенствовал над остальными. А это соответствует положению Громовержца в летописном перечне Богов, чьи кумиры Владимир утвердил за границей своего двора, и в прежних договорах с Восточной Римской Империей,

где из всех Богов перечня присутствует он один. В этом же перечне только у Громовержца особо отмечен материал кумира — дерево. Не было бы смысла подчеркивать этот материал, если б деревянными были и остальные кумиры. Б.А. Рыбаков обращает внимание на строки Первой псковской летописи: согласно ее рассказу, равноапостольный вероотступник «повеле кумиры испровреши, а другия огневи предать». Исследователь из этого сообщения делает разумный и убедительный вывод, что наряду с кумирами из, так сказать, горючего материала (дерева), дружинникам князя-святотатца пришлось иметь дело с изваяниями, которые можно только ниспровергнуть. Тут на ум приходят две возможности — во-первых, это могли быть кумиры, отлитые из металла. В главной святыне славян-велетов, Радигоще-Ретре, на землях современной Восточной Германии, кумир Сваро-жича был отлит из золота. В другом городе славян немецкие «просветители» захватили медный кумир, который не в меру ученый монах-хронист Видукинд Корвей-ский по уже упоминавшейся привычке окрестил «Сатурном». Литой кумир бородатого Божества в шапке, с упертыми в бока руками, найден в Чехии (чешские легенды вообще полны упоминаний про отлитые из золота и серебра изваяния Богов и Богинь). Медный небольшой кумир не то трехликого, не то четырехликого Божества найден археологами в старой Рязани. Наконец, совсем недалеко от Киева, в Чернигове, в 1701 году, при строительстве соборной церкви Бориса и Глеба, из земли вырыли два Языческих истукана, отлитых из золота и украшенных драгоценными камнями. Руководивший строительством гетман приказал... отправить бесценную находку в Германию на переплавку, чтобы

отлить из них «царские врата» для нового собора. По дороге бесследно исчезли драгоценные камни, о чем гетману сообщить «позабыли» (оказывается, воровство — отнюдь не только русская черта). Вельможный заказчик не потрудился даже отдать распоряжение зарисовать праотеческую святыню.

Гетмана звали Иван Мазепа. Этот человек навлек на свой народ кровавые беды и бесчестье, его имя для сотен миллионов людей стало синонимом предательства, а сам он бесславно сгинул на чужбине.

Не проходит бесследно и безнаказанно надругательство над кумирами древних Богов.

Однако же трудно предположить, что дубовый истукан главного Бога украшали всего лишь серебряная голова (личина?) и золотые усы, в то время как вокруг блистали цельноотлитые кумиры. Кроме того, как-то с трудом соотносится громкое слово «ниспровергнуть», примененное псковскими летописцами к «негорючим» кумирам к по определению небольшим литым изваяниям. Поэтому Борис Александрович, даже не рассматривая версию о металлических идолах, говорит об окружении Перуна как о каменных истуканах. Тем паче что в Новгороде, когда Добрыня, тезка (а отнюдь не «прототип», как часто пишут) былинного богатыря, брат хазарской рабыни, матери Крестителя, Малки, громил и разорял славянские святыни, он «идолов сокруша: деревянни сожгоша, а каменнии изломав, в реку ввергоша». Округлые выступы-«лепестки» по углам фундамента киевского «святилища», по убедительному предположению Бориса Александровича, были как раз постаментами для каменных изваяний, которые, в отличие от деревянного (скорее всего дубового) Перуна не надо было врывать в землю.

И здесь опять надо вспомнить о наших неутомимых «критиках». Оказывается, по их мнению, у славян-де не могло быть каменных идолов. Вот так, ни много ни мало — не могло, и все тут. Во-первых, немецкие проповедники во время «испытания веры» Владимиром и «мученик»-варяг Феодор в 983 году восклицают: «Ваши Боги суть древо!» А во-вторых, говорят «скептики», и не могло быть каменных идолов у славян — не было же у них до крещения каменного зодчества!

«Постойте! — ошеломленно воскликнет, быть может, здесь начитанный в родной истории читатель. — А как же многочисленные каменные истуканы, найденные археологами? Как же знакомый каждому школьнику, потрудившемуся заглянуть в учебники по отечественной истории, знаменитый Збручский идол? Как же, наконец, прямые упоминания каменных идолов в источниках — от тех, что тут уже цитировали, до, скажем, каменного идола Велеса из жития Авраамия Ростовского, ниспровергнутого склонным к вандализму «святым»?»

А ничего не известно, начинают угрюмо бубнить «скептики», может, это и не идолы, а если и идолы, то наверняка не славянские, а каких-нибудь других народов, и неизвестно, стояли ли они на том месте, где их нашли, или их вообще откуда-нибудь привезли (я не шучу, читатель, нам на полном серьезе предлагают представить, что крещеные уже русичи из неведомых далей волокли под, скажем, Псков каменных истуканов)...

Да-да-да, читатель, тот самый метод «научной критики» от Карцева и Ильченко — и паспорт не ваш, и фотокарточка вклеена, и подпись поддельная... иногда диву даешься на взрослых, солидных ученых мужей. Ну ладно, с персонажем Ильченко все понятно — им дви-

жут темные страстишки мелкого человечка, волею судьбы или начальства угодившего на место, где от него что-то зависит, и наслаждающегося, мешая жить, делать свое дело другим. Но почтенных-то ученых что заставляет опускаться до его уровня?!

Первый «довод» ниспровергателей каменных кумиров Руси не говорит вообще ни о чем, кроме того, что на Руси были и деревянные кумиры — с чем, собственно, никто и не спорил. Деревянный кумир Перуна, возвышавшийся над остальными киевскими Богами, был выгодной мишенью для критики христианами, тем паче что Иоанна, сына варяга Феодора, собирались принести в жертву именно ему (история с выбором жертв произошла за неделю до 20 июля, позже ставшего днем «сменившего» Перуна на посту Громовержца Ильи-пророка). Наконец, дерево, материал куда более уязвимый и недолговечный, чем камень или металл, коли на то пошло, просто просилось на язык христианским обличителям «идолопоклонства» (словно бы позабывшим, что все их пламенные речи ничуть не в меньшей мере применимы к их собственным крестам, распятиям и иконам — их и будут применять к ним половцы в XII веке, комсомольцы — в XX, весело швыряя в огонь иконы, кресты, библии: «Чего ж ваш бог сам себе не помогает?!»).

Что до второго довода, то с ним попросту не знаешь, что и делать. Это очередной пример «аргумента», неубедительного логически и основанного на не соответствующем истине заявлении. К X веку на Руси было как минимум два каменных сооружения — уже упоминавшийся каменный терем киевских князей и каменная крепость в Ладоге. А самое главное — ну какая связь между наличием каменного зодчества и изваяниями

из камня? Разве известны памятники каменной архитектуры у кочевников-скифов, половцев, туземцев острова Пасхи, например? Или авторам, выдвигающим подобные идеи, никогда не доводилось слышать о скифских и половецких каменных бабах? Об истуканах острова Пасхи, поразивших воображение Тура Хейердала? Так и хочется снова посоветовать очередному «чукче» сначала все же побыть «читателем», а уж потом браться за «научное» сочинительство. А ведь это пишут серьезные с виду люди, обремененные не только высшим образованием — но даже и научными степенями! И их с сочувствием цитируют, противопоставляя «фантазеру» и «патриоту» (и то и другое слово в лагере «объективных» ученых звучит как ругательство) Рыбакову.

На этом дело, увы, не заканчивается. Когда вопрос касается каменных кумиров, найденных под Псковом и Белоозером, «критики» — те же самые! — заявляют, что, мол, надо еще посмотреть, не принадлежат ли эти кумиры прежнему, неславянскому населению. Но под Псковом и Белоозером славянам предшествовали финские племена чуди (эстонцев) и веси (вепсов), у которых ни один источник не знает каменных изваяний, а первой каменной постройкой в их землях была все та же русская крепость Ладога! Игорь Яковлевич Фроянов отметил как-то, что в трудах историка может находиться три вида противоречий — противоречие фактам и источникам, противоречие логике и, наконец, противоречие самому себе. Здесь в наличии все три вида — и, право же, это уже в ведомстве другой науки, не истории и не археологии, а скорее, одной из отраслей медицины...

«Мы же на предстоящее возвратимся», как писали

древнерусские летописцы, когда им случалось отступить от темы.

Мое согласие с доводами киевских археологов и Б.А. Рыбакова объясняется и еще одним обстоятельством. Дело в материале, из которого сооружен фундамент святилища. Это щебень, обломки плинфы, фресок и «голосников» — сосудов-резонаторов, которые вмуровывали в стены средневековых церквей для лучшего звучания богоугодных песнопений. Основа Языческого святилища вымощена обломками святилища христианского. Иного объяснения столь «кощунственному» применению обломков христианского храма я, читатель, не вижу. Киевские исследователи и Рыбаков предположили, что перед нами останки церкви, разрушенной в 971 году по приказу последнего Языческого правителя Руси, великого государя и полководца, Святослава Храброго. Мне же, честно говоря, это кажется сомнительным — то есть, что Святослав, преданный братом-христианином (отсылаю читателя к моей книге «Святослав»), отдал такой приказ, у меня особых сомнений не вызывает. Но могли ли его выполнить в Киеве? Именно киевские христиане, по более чем правдоподобному предположению Л.Н. Гумилева, способствовали гибели Святослава от рук печенегов на порогах Днепра. В Киеве, после ухода самых рьяных сторонников древней веры с государем на Дунай, позиции последователей новой религии должны были укрепиться. Им сочувствовал даже сын погибшего государя — Ярополк, что, надо отметить, не снискало ему любви подданных и сильно облегчило захват киевского великокняжеского престола сыну рабыни, хазарскому полукровке Владимиру. Вот как раз он, ворвавшись в Киев после бегства брата, мог и разрушить в

угоду своим северным воинам и местным приверженцам исконных Родных Богов чужеродную молельню. И странно было бы, чтоб от гибели великого князя Святослава в 972 году до воздвижения святилища его сыном в 980 обломки церкви лежали бы, дожидаясь, пока их умостят под ноги изваяниям Древних Богов. Уж не знаю, как Вам, читатель, а по мне — так хозяйственные киевляне за восемь лет либо нашли бы им иное применение, либо утопили бы, от греха подальше — кто его знает, чего ждать от чужого и враждебного бога, да еще и разгневанного разрушением его храма.

Доказав беспочвенность сомнений скептиков, Рыбаков также подверг критическому рассмотрению старую версию о «сборном» характере киевского капища. Справедливо отметил, что отсутствие в нем множества почитаемых Богов (Рода, Велеса/Волоса, Лады, Лели и ряда других[1]).

Но вот дальше как раз наступает самая слабая часть исследования Рыбаковым киевского капища. Отчасти тут не его вина — он всего лишь следовал по пути многих ученых, рассуждавших о «реформе Владимира», при этом пытаясь обосновать причины подбора изваяний именно этих Божеств для святилища «вне двора теремного». Но все же в этой главе сильнее, пожалуй, чем в других частях его титанического труда, чувствуется, что ум пожилого ученого (к моменту выхода книги Рыбако -

---

[1] С дозволения читателя я не стану останавливаться на очередных «сомнениях» наших «объективных» и «критически настроенных» ученых мужей в отношении этих Божеств. Ничего особенно нового по сравнению с уже рассмотренными «методами научной критики» этих господ читатель не извлечет для себя, а к теме книги все это имеет весьма отдаленное отношение. Да и утомительно это, откровенно говоря.

ву исполнилось восемьдесят лет) начинает сдавать, утомившись более чем полувековым истовым служением Отечеству и Истории. Он путается в числе Богов и кумиров, говоря то о шести, то о пяти Киевских Божествах, то отказывает Семарьглу в кумире, со ссылкой на Срезневского утверждая, что кумирами называли лишь человекоподобные, антропоморфные изваяния (по мысли ученого, Семарьгл — птице-пес из скифо-сарматской мифологии), и видя в нем барельеф на кумире Макощи, то, словно позабыв об этом, называет ямку у северо-западного «лепестка» основанием идола загадочного Бога. Хорса и Даждьбога он разделяет и сравнивает, соответственно, с Гелиосом, «Божеством солнечного диска», и Аполлоном — Божеством света. Пример на редкость неудачный — при переводе хроники Малалы древнерусский автор переводит именем «Даждьбог» как раз греческое «Гелиос», а в другом источнике, по указанию того же И.И. Срезневского, Аполлона переводят как Хорса.

Сам набор Божеств, по мысли Рыбакова, представлял в одно и то же время и картину мира, космогонию, и... ответ славянских волхвов византийскому христианству. Предполагалось, что этим-то и объясняется отсутствие в капище «фаллического» Рода, косматого медведе-подобного Велеса/Волоса. Они-де выставляли Язычество в невыгодном свете. Остальные же Боги, кроме главного, Перуна, были, по мысли Рыбакова, словно бы отражениями главных персонажей христианской мифологии: Стрибог, имя которого ученый истолковывает как «Бог-отец» или «Старший Бог» и отождествляет его носителя со Сварогом, соответствует, естественно, христианскому «богу-отцу» из троицы. Сын Сварога (со-

гласно Ипатьевской летописи) Даждьбог воспринимается Рыбаковым как Языческий вариант «бога-сына», Христа. Богородице соответствует Мокошь. Не хватает «святого духа», но этому, воплощавшемуся в виде голу-бя (Мат., 3, 16; Мар., 1, 10; Лук., 3, 22; Иоан., 1, 32), существу, вполне соответствовал бы птицеподобный Се-марьгл. Хорсу же достается незавидная роль некоего «прибога» при Даждьбоге. Однако же непонятно, с чего победившие язычники стали бы стесняться того впечатления, которое бы могли-де произвести на христиан их древнейшие — а стало быть, в понятиях язычников, самые почтенные! — Боги. До позднесоветского, застойного «у нас ведь иностранцы бывают!!!» оставалась еще почти тысяча лет. Неясно, что могла бы дать язычникам перекройка их мифов по христианскому лекалу — удивляет это стремление, возникающее, как видим, даже у лучших ученых, приписать славянам-язычникам какой-то комплекс неполноценности перед «просвещенными» иноземцами. На самом деле это просто чуть более глубокая проработка давным-давно высказанной мысли, что Владимир тяготился-де «неразвитостью», «отсталостью» славянского Язычества и решил подправить его под «правильную» или «прогрессивную» веру.

И наконец — с кем хотели вести этот немой диспут киевские волхвы, кого боялись спугнуть жизнерадостной нескромностью Рода, космами Бога-оборотня, звериного хозяина Велеса? По моему скромному мнению, никакой самый чудовищный идол не отпугнул бы киевских и приезжих христиан от капища надежнее, чем его фундамент, вымощенный остатками разрушенной церкви, в том числе — осколками фресок, когда-то изображавших лица святых, богородицы, самого Христа. Нельзя же

допустить мысль о том, что в Киеве X века осталось незамеченным разрушение церкви или новое назначение ее обломков.

Кроме того, по мысли Б.А. Рыбакова, «новый русский пантеон был противопоставлен не только византийскому христианству, но и скандинавскому Язычеству, от которого не было взято ничего». Спрашивается — если не было взято ничего, то в чем же противопоставление? Как говаривал один герой Гилберта Кийта Честертона, «у них не было ничего общего, поэтому им было не о чем спорить». «В пантеоне нет ни малейших следов воздействия варягов, — продолжает ученый. — Более того, первое сообщение о жертвах Перуну говорит, что именно варяг был обречен в жертву славянскому Богу... Ни одно из имен славянских Божеств (как вошедших в пантеон, так и не вошедших в него) не находит аналогии ни в скандинавской, ни в германской мифологии: Водан-Один, Тор-Донар, Фрейр-Фрейя и др. неизвестны славянской мифологии и фольклору». Все это отголоски той странной «борьбы» с норманнской теорией, которую Борис Александрович и его сподвижники, ученики Б.Д. Грекова, вели еще с сороковых годов XX века. Странной эта «борьба» выглядит потому, что взгляды «борцов» едва ли не один к одному повторяли взгляды... столпа норманнизма XIX столетия М.П. Погодина. Да никем, кроме как норманнистами, советские ученые из высшей академической элиты просто не могли быть. Ибо норманнистом, законченным, последовательным норманнистом был не кто иной, как Карл Маркс — а открытое несогласие с основоположником «всесильного, потому что верного» учения в советской науке означало политическую смерть и выпадение из научной деятель-

ности. Изгнанника не приняли бы и на Западе — там охотно распахивали объятия лишь тем «объективным» ученым, которые повторяли за шведскими националистами XVII века и немецкими учеными XVIII века нехитрую схему: «Варяги — это скандинавы, русь — это шведы, Рюрик и его потомки — норманны, древняя Русь — это Скандославия, или Восточно-Европейская Нормандия — как угодно тому, кто дает гранты». Между тем, даже если позабыть, что летопись ясно говорит о варяжском происхождении жителей города Новгорода (кажется, никто не заподозрил викинга в Садко или Буслае?) и располагает Варяжское Поморье «в Кашубах, за Гданьском»; саги отличают варягов-верингов от норманнов и сообщают, что первый норманн, поступивший на службу к императору Константинополя, Бол-ле Боллесон (1021 год) застал там сложившуюся дружину верингов; восточные источники называют варягов-варангов «саклиб ас-сакалиба» — «славяне славян»; а западные авторы именуют варягов-варангов на службе византийского императора «вандалами», как в те времена называли отнюдь не скандинавов и не норманнов, а жителей южного, славянского берега Балтики, то куда, спрашивается, девать то обстоятельство, что среди Богов на капище Владимир, захвативший власть с войском из варяжских наемников и «людия новгородского от рода варяжска», не поставил ни Одина, ни Тора, ни Фрейю?! Как отметил покойный ныне ученый и патриот Аполлон Григорьевич Кузьмин, одного этого достаточно, чтобы усомниться в норманнской теории — как в ее советской, легкой, так и в нынешней (она же трехсотлетней давности), тяжелой форме.

Защитники норманнизма — как ни странно, это те

же люди, что проявляют столько скепсиса в отношении славянских Богов, на свои построения его уже, очевидно, им попросту не хватает — заявляют, что все могут объяснить. Мол-де скандинавы везде проявляли терпимость к местным культам. Хочется полюбопытствовать — ну и что? Между терпимостью к чужому и отказом от своего разница есть, и не маленькая, а скандинавские викинги — это все же не советские интеллигенты, чтобы не понимать столь элементарных вещей. Да и где она проявлялась, эта терпимость? Когда норманны грабили христианские церкви на Западе, капища финских племен Биармии на Востоке, мечети в мавританской Испании? Когда молодой язычник Олаф Трюггвассон в Хольмгарде-Новгороде отказался идти вслед за конунгом Вальдемаром (Владимиром, будущим Крестителем — кстати, и самому Олафу предстояло крестить родную Норвегию) в его храм — «Боги, которым ты кланяешься — темные Боги, и я не хочу им кланяться»? В викингах Дублина, превративших городской собор в капище Черного Тора? В норманнах Лейва Счастливого, по ту сторону Атлантики, в далеком Винланде-Нью-фаундленде, почитавших жертвами Тора и Фрейю?

Что до крещеных викингов *на службе* христианских королей Европы, то из этого ровно в той же степени следует терпимость скандинавов, как из принявших ислам европейских адмиралов на службе султана Сиятельной Порты следует терпимость современников святой инквизиции, Варфоломеевской ночи и Тридцатилетней войны. Больше того, крещеные викинги умудрились занести своих Богов и полубогов в христианскую Европу. С капители колонны в церкви Грейт-Канфилл смотрит Один в окружении своих воронов, он же грозно глядит

единственным глазом со стены церкви в Кенигслуттере, на стене испанского (!) собора в Сангуесе Сигурд герой-язычник убивает дракона Фафнира и кузнеца-колдуна гнома Регина. И это там, где норманны были вассалами, по сути, служилыми инородцами. Они не давали своего имени государствам, не основывали королевских самовластных династий, не строили городов. Собственно, за пределами родного края — в котором они, впрочем, тоже в градостроительстве не усердствовали — норманны предпочитали города жечь, на худой (с их, конечно, точки зрения) конец — захватывать и грабить. Один из самых ярых норманнистов нашего времени, Л.С. Клейн, сочинил в доказательство пресловутой терпимости скандинавов целую историю — мол, скандинавы в каждой стране поклонялись ее Богам, а изображения своих Богов, подходя к берегу, снимали с носа корабля. Ну, как скандинавы «почитали» Богов тех земель, которые посещали, я уже описал. Как говорится, врагам нашим с вами, читатель, такое «почтение». Снять же изображения Богов с носа корабля было бы им немного затруднительно — потому как изображений этих там никогда не бывало. На носу укрепляли «обереги» — изображения чудовищ и хищников, долженствующих отпугивать морских и чужеземных демонов. Подходя к берегу с мирными намерениями — и только в этом случае! — оскаленный «оберег» снимали. Ни одна из этих звериных морд никогда не имела ничего общего с вполне человекообразными Богами-Асами скандинавской религии. Никакими сносками господин Клейн свое сообщение про фигуры Богов на носах норманнских драккаров не подтверждает, значит, это его собственное изобретение. Как сказал бы булгаковский Коровьев:

«Здесь мы опять-таки имеем случай так называемого вранья!» А вот что пишет настоящий специалист по викингам А.Я. Гуревич (надеюсь, у самого «объективного» ученого не хватит совести обвинить Арона Яковлевича в русском национализме или еще каком подобном грехе): «Переселяясь на новые места не только с домочадцами, рабами и скотом, но также и со своими Богами, привычками и обычаями, норвежцы искали возможность продолжать жить по законам своих предков». Вот это действительно соответствует сообщениям источников. И поскольку в стране, которой правил князь из варяжского рода, захвативший власть с помощью варяжской дружины и ополчения из заселенных варягами земель, не нашлось места для скандинавских Богов, следовать отсюда может только один вывод. И поскольку, в отличие от покойного Бориса Александровича Рыбакова, мы не обязаны опасаться обвинения в несогласии со «всезнающим» Марксом, мы можем озвучить наш вывод открытым, что называется, текстом: «Варяги и скандинавы — совершенно разные народы, поклонявшиеся совершенно разным Богам».

Причем перечень Владимировых кумиров — тому лишнее доказательство. Не только невозможно отыскать в этом перечне намека на Асгард и Вальгаллу. Единственное более-менее подробное описание главного русского кумира разительно отличается от скандинавских, отлично известных нам и по сагам, и по археологии. Скандинавские кумиры — это литые или каменные небольшие изображения, в сагах сплошь и рядом говорится, как они качаются на подставках, вещуя близкую беду; как очередной «святой» вандал одним ударом скидывает их с постамента; как из подожженного врагами

капища один человек вытаскивает все изваяния и после этого даже и не думает падать и помирать от натуги. В саге о Фритьофе *главного* кумира *общеплеменного* святилища держит на коленях *женщина.* Похоже это на деревянного киевского Перуна, 180 сантиметров в диаметре, которого в день крещения киевлян двенадцать мужей колотило палками, не особенно, очевидно, мешая друг дружке?! У скандинавов постоянно упоминается борода Богов: Один — Долгобородый, Тор — Рыжебородый. У Перуна — «ус злат», и все. Между прочим, когда заглавного героя норманнской «Саги о сожжении Ньяля и его сыновей» одна злая женщина повадилась называть безбородым, советуя ему «навозить навоза себе на подбородок, чтоб быть, *как все мужчины»,* сыновья Ньяля, мстя за столь страшное оскорбление, убили родственника злоязыкой бабы — и запустили кровавый маховик родовой вражды, который, в итоге, погубил и их самих, и отца. Но сил снести такое оскорбление у норманнов не было!

А вот на вендском, славянском Рюгене стоял, как говорит «Книтлинг-сага», идол некоего «Бога Побед» с серебряными усами. Прозвище «Бога Побед» было Черноглав (Червонноглав? Вспомним «голову червонного золота» идола, описанного аль Масуди, и золотую

Я глубоко убежден, что все поморские и рюгенские «Чер-нобоги», «Триглавы», «Радегасты», «Свентовиты» и прочие «Руевиты» — это не имена Богов, а прозвища, имеющие больше отношения к конкретному кумиру — как, скажем, в Православии была богородица Троеручица или Казанская, что вполне соответствует поморянскому идолу «Триглав» и велетскому кумиру, по городу, где располагался храм, «Радегаст». Настоящие, общеславянские имена Богов, вроде «Проне»-Перун или Сваро-жич, прорываются реже.

голову киевского кумира), и антинорманнисты — настоящие антинорманнисты позапрошлого века — часто сравнивали его с летописным Перуном. А уж деревянные идолы вроде столбов с резной головой на вершине известны в славянских землях с IX века — и практически по XX. Известны такие изваяния — которые немецким крестоносцам приходилось *срубать,* а потом волочь к морю упряжкой в несколько пар волов — ив славянской Прибалтике. Том самом Поморье Варяжском русских летописей.

Так что Б.А. Рыбаков был тут не прав. Варяжское влияние на Киевские идолы чувствовалось. А вот скандинавского — не было, да и быть не могло. Не было в Киеве скандинавов в 980 году!

Вместе с тем Борис Александрович указал на еще один источник, подтверждающий, что Богов было именно пять (сам он, правда, полагал, что сокращение до этого числа произошло из-за «выпадения» непонятного новым поколениям «скифо-сарматского» Семарьгла). Этот источник мы подробнее рассмотрим в следующей главе.

После Б.А. Рыбакова киевское святилище никто не изучал подробно. Уже упомянутый Л.С. Клейн написал обширное исследование «Воскрешение Перуна», примерно треть которого состоит из «историографии», в которой Клейн восхищается аничковыми и критикует мифологов, а кроме того, излагает свои взгляды на современное русское Язычество, балансируя при этом — не всегда удачно — между нецензурной бранью и оперативной информацией для «компетентных органов». Еще треть посвящена развенчиванию покойного Б.А. Рыбакова и ругани в его адрес — критикой этот поток за-

мутненного ненавистью к ушедшему титану сознания назвать сложно. На каждое исследование академика Клейн напускается в уже описанной выше манере — «паспорт украл, фотокарточку вклеил». После чего пускается в собственное исследование — и вот тут-то весь критический заряд кончается: все и йся, включая святочного «умруна», весеннюю Масленицу и летнего Ярилу, объявляется воплощением Перуна, которому посвящены решительно все славянские праздники — только о собственно Перуновом дне 20 июля Клейн умудрился забыть. Кроме того, обнаруживается связь Перуна с древним ближневосточным Богом Илу (во введении Клейн долго и вполне справедливо высмеивал тех, кто сватает в «Русские Боги» египетского Ра), а также с «умирающим и воскресающим» Индрой (во-первых, в том же введении достается, опять же справедливо, т.н. «русским ведистам», а во-вторых, об этой детали биографии индийского Громовержца индологи отчего-то пребывают в неведении, Клейн же опять «забывает» давать ссылки). Для завершения картины надо заметить, что Клейн, раздраконивший покойного академика Рыбакова за посягательство выдать славянское Язычество за монотеистическую религию (что Борису Александровичу и во вне не снилось), справился с этой задачей куда лучше, сведя все славянское Язычество к культу Перуна. Под конец книгу становится неприятно читать — автор начинает буквально обсасывать собственные пристрастия в личной жизни, некогда, в советское время, приведшие его на скамью подсудимых и на тюремные нары. Я надеюсь, читатель простит меня, если я на этом завершу знакомство с книжкой господина Клейна. Ее полезно прочесть разве что для знакомства с уровнем доказате-

льности, а также этикой и эстетикой современных «объективных» ученых. Ряд статей М.А. Васильева полезнее — тем, кто интересуется историографией. Однако ничего нового в рассмотрение киевского капища 980 года эти труды не вносят.

В замечательной книге М.Л. Серякова «Голубиная книга» — священное сказание русского народа» (после работ Рыбакова это произведение— лучшее, что мне доводилось прочесть по славянскому Язычеству, а кое в чем и превосходит их) киевское капище упоминается в самой, на мой, по крайней мере, взгляд, слабой и спорной главе книги с названием «Небесная загадка славянских волхвов». Не буду утруждать читателя пересказом всех небезынтересных, но, по моему скромному мнению, именно в этом месте чересчур усложненных построений Михаила Леонидовича — эту книгу попросту должен прочесть сам каждый, кому небезразличны истоки Руси и ее древняя Вера. Говоря очень кратко, Перун, Даждь-бог, Стрибог и Макошь соотносятся им соответственно с Луной, Солнцем, ветром и Венерой. В его концепции это соответствует плечам, лицу, дыханию и глазам Первобожества, из которого родилась Вселенная. Хоре же и Семарьгл оказываются проявлением иранского влияния, частично воскрешая построения о сборном капище подчиненных Владимиру народов.

Каковы же итоги почти двухсотлетнего — если вести отсчет от книги Строева (если вспомнить про Ломоносова, тем паче про Гизеля, то речь придется вести о трех и более веках) — изучения киевских Богов? С одной стороны, продвижение вроде бы есть. Нашли остатки возведенного будущим крестителем святилища. Опровергли идеи о финском происхождении Макоши,

тюркском — Хорса и Семарьгла. Навсегда отошли в прошлое идеи скептиков о наобум подобранном летописцем перечне своих и чужих божков — или произволе князя, собравшего за оградой неродных народу и вскоре позабытых им кумиров. Точнее, увы, должны были бы отойти... к сожалению, история не похожа на, к примеру, самолетостроение. Там, допустив одну ошибку в конструкции или управлении, больше постараешься не ошибаться — если выживешь. Ошибочная же историческая теория может существовать столько, сколько существуют люди, которым она отчего-то нравится, или выгодна, или попросту удобна.

Однако положительный эффект изысканий пока невелик. Боги, стоявшие «вне двора теремного», так и остаются загадкой. По какому принципу их объединили? Почему именно столько? Кто из них за что отвечал? Наконец, отчего Владимир первым делом по восшествии на престол решил возвести им капище?

В этой книге, читатель, я постараюсь, учитывая находки и ошибки, открытия и промахи предшественников, дать ответ на эти вопросы. А уж насколько они, эти ответы, окажутся убедительными — решать вам.

Глава 2 Пятибожия у русов и других народов

А была ли реформа? «Явила ми ся пять Бог». Первое киевское капище. «Пантеон Владимира» или киевское Пятибо-жие? Панчадэватта. Галльские Боги Цезаря. Аналогии с киевским Пятибожием.

Древнего жертвенника Камни
замшелые, В трещинах пепел Тех
давних дней — Священных времен.

Велеслав, «Память об Аркаиме»

Через век без малого после возведения Владимиром капища в Киеве произошло новое знаменательное событие. Время было неспокойное, христианская вера, огнем и мечом укрепившаяся было сто лет назад на Руси, шаталась. Ее основная опора, княжеский дом Рюриковичей, погряз в усобицах, вооруженная сила за спиной проповедников кроткого и незлобивого Иисуса не была и вполовину такой, как в те времена, когда, по летописи, «крестил Путята мечом, а Добрыня огнем», когда, по полесским преданиям, реки текли кровью — и по этой крови вплывали в города кресты. Теперь же иные князья — к примеру, Всеслав Полоцкий, про которого говорили, что и родился-то он от волхованья[1], и на голо-

---

Много позднее то же самое говорили про первого русского царя, Ивана Васильевича Грозного — якобы его старый отец прибегнул к «волхвова-нию», дабы зачать себе наследника с молодой Еленой Глинской, отчего мальчик впоследствии оказался кровожаден. «Лютость на кровопролитие» приписывали и Всеславу Брячиславичу, однако даже составленная в столице его "рагов, сыновей Ярослава «Мудрого», Изяслава, Святослава и Всеволода, летопись не показывает ни одного примера кровожадности князя-оборотня, ЭДто рассказывает о поголовной резне населения Минска, принадлежавшего осеславу и захваченного христолюбивым воинством киевских Ярославичей.

ве носит потаенную повязку-науз, и волком может перекинуться, и в ночи перелететь за сотни верст, окутавшись синей мглой — и сами начинали поглядывать в сторону древних Богов. И то сказать — неурожаи чередой, у степных границ новые враги объявились — половцы, А виноват кто? А виновата — в глазах многих вчерашних, а то и нынешних язычников — новая вера. Прогневали старых Богов, а из нового, выходит, не слишком могучий заступник. Про простолюдинов говорить не приходилось — когда пришел в Новгород волхв, весь город поднялся по его слову на епископа, и не принеси князь Глеб топор на переговоры под полою плаща — кто знает, чем бы обернулось. Вот в Ростовской земле, от Ярославля до самого Белоозера, поднялись люди за двумя волхвами, которые приносили в жертву «лучших жен», стараясь тем исцелить изурочен-ную новой чужой верой землю, вернуть ее плодородие. Епископ Ростовский Леонтий, вскормленный в Киево-Печерской обители, попытался унять людей — убили. Это позже напишут житие, где убитый епископ воскреснет, и в ужасе повергнутся наземь убийцы, и сами будут лежать, как трупы, но епископ простит и исцелит их, и лишь потом отойдет. В скупой же записи монастырского летописца пока только одно, без угодных Богу, да только не сплетенных еще прикрас: умучен от поганых.

Вот в такое беспокойное время и произошло интересующее нас, читатель, событие: «В си же времена приде влъхв, прельщен бесчъмь. Пришъд бо Кыеву, глагола-ше: Явила ми ся пять Бог, глаголюще сице: поведай людьм, яко на пятое лето Дънепру потеши въспять, а землям преступати на ина места...»

Как сообщает летописец, «верные», то есть христиане, смеялись над Языческим пророком и грозили ему: «Бес тобою играет на погибель тебе», а «невегласи»,

как называли часто. летописцы земляков-язычников, его слушали. По всему видно — этих последних оказалось немало, поскольку «верные» на сей раз на откровенное, привселюдное убийство не пошли — просто волхв исчез однажды ночью. Впрочем, неудивительно — сторонников старых Богов будет в Киеве немало еще и сто с лишним лет спустя после этой истории: вот летописец сообщает о вокняжении в городе князя Рюрика в 1194 году: «И обрадовася вся Руская земля о княженьи Рю-рикове, кияне, и крестьяни (здесь: христиане. — Л.П.), и погани, зане всих приимаше с любовью: и кре-стьныя, и поганыя. И не отгоняше никого же».

Как видим, «поганых» очень долго оставалось значимое число даже в столице крещеной Руси. Но мы сейчас не о них, не о тех, кто в христианской, или, по крайности, крещеной Руси хранил верность прежним святыням. Это тема для отдельного разговора[1]. Гораздо больше сейчас нас должны занимать речи волхва.

«Явила ми ся пять Бог». На это изречение летописного волхва, смущавшего пророчествами жителей «Матери городов русских», обратил внимание еще Аничков. При всей неприязни, который сей давно покойный господин вызывает у меня как личность, не могу не признать, что у него случались удачные мысли. Правда, он, как и Рыбаков, считал, что летописный список нужно сокращать до пяти. Только, в отличие от Бориса Александровича, сокращал он его не за счет «птице-пса» Сема-рыгла, а за счет единственной Богини киевского капища.

Но ведь можно поступить проще. Еще Осип Максимович Бодянский — первым — предположил в 1846 году, посвятив этому особую статью, что Хоре — не

Автор готовит книгу «Повести черных лет: язычники кре-Щеной Руси от Богомила Соловья до Несмеяна Кривого».

имя отдельного Божества (благо в перечне оно не отделено от последующего союзом «и»), а эпитет, прирок, прозвище-«хейти» солнечного Даждьбога. Впоследствии к этому мнению присоединились такие корифеи российской исторической науки и фольклористики, как С.Н. Соловьев, А.А. Потебня, А.С. Фаминцын. Подробнее мы разберемся с этим, когда будем рассматривать значение каждого из пятерки Богов в заключительной главе. Однако сразу скажу, что присоединиться к такому мнению и пригласить к тому же вас, читатель, для себя зазорным не считаю. И отнюдь не потому, что в такой, мол, компании и ошибиться не обидно. Дело в том, что оба имени эти — Даждьбог вне всяких сомнений, Хоре по самым убедительным толкованиям — есть имена Солнечного Божества. А два Бога Солнца (да еще упомянутых подряд в одном перечне) — явное излишество. Добавлю также, что попытки распределить эти имена (вкупе с не имеющими к дневному светилу вовсе никакого отношения, как то — Ярило, Троян, Руевит и пр.) по временам года остаются целиком на совести фантазеров из числа современных «неоязычников». То есть вполне возможно предположить, что они-то истину и угадали — вот только нет для такого предположения никакого основания в источниках. А раз так, лично я, читатель, тебя ни в чем не неволю, а сам от согласия воздержусь.

Итак, мы знаем, что из шести имен два, следующих одно за другим, принадлежат солнечному Божеству, что именно эти имена не разделены в старейших списках летописи союзом «и», а фундамент капища 980 года в Киеве имеет пять лепестков. Опять-таки, читателя я ни в чем неволить не могу и не хочу — но для меня это вполне достаточное обоснование счесть, что кумиров

было пять, и не за счет Семарьгла или Макоши, но оттого, что Хоре Даждьбог — это просто имя *одного* Божества, Божества Солнца.

А значит, правы и Е.В. Аничков с Б.А. Рыбаковым, и неведомый волхв, приходивший в Киев, подразумевал именно тех Богов, чьи изваяния установил в 980 году за пределами своего двора будущий вероотступник. А из этого вытекает очень любопытное и крайне полезное для нашего расследования заключение. А именно — вряд ли бы смог продержаться почти век культ, наспех измышленный для сиюминутной выгоды и попранный собственным основателем через какие-то восемь лет. То есть на свете, конечно, многое бывает, но лично я таких примеров в истории религии что-то не припоминаю. Более того, обратите внимание, читатель, — наш волхв «пришъд бо Кыеву» — пришел в Киев. А стало быть, почитание пяти Богов существовало и вне столицы Руси.

Я уже говорил, что и у крайне неприятных людей бывают очень верные мысли и наблюдения. Л.С. Клейн также высказал в своем весьма сомнительном труде по меньшей мере одну дельную, очень достойную внимания мысль — а была ли «реформа Владимира»? Посмотрев на вопрос с позиции того, что мы уже знаем о возведенном князем святилище, с исследователем можно согласиться. В самом деле — культ Пяти Богов оказался слишком уж живуч для недолговечной «реформы», наспех измышленной князем по какой-то своей прихоти — «по бизарии своего гумора», как говорили в петровские времена. И чересчур широко распространен — новые идеи, особенно в области религии, распространялись в те времена непросто и не быстро. Значит, за «новостройкой» Владимира должна стоять какая-то традиция.

Если мы вглядимся попристальней в ситуацию дале-

кого 980 года, нам будет непросто понять, как вообще могла возникнуть у исследователей мысль о каких-то реформах, проводимых Владимиром. Нет спора, попытки реформирования Языческих религий истории известны — вспомним хотя бы Атона, которым попытался заменить все многообразие египетских Божественных Кошек, Скарабеев и Соколов фараон-еретик Аменхотеп («Амон доволен») IV, прославившийся под новым, самонареченным именем Эхнатон («Щит Атона»), муж прекрасной Нефертити, тесть прославленного богатствами гробницы Тутанхамона (печальный парадокс — этот фараон-мальчик, рано умерший и ничего особенного не свершивший, много известнее, чем великие правители Страны Пирамид — только лишь из-за того, что его могила осталась не замеченной грабителями). Или тот же Пантеон, возведенный императором Адрианом, или культ Божественного Солнца, которому попытался придать статус государственного император Диоклетиан. Тут уместно в скобках заметить, что в отличие от реформаторов в, скажем, христианстве, почти каждый из которых оставил в наследство человечеству пусть крохотную, но горсть учеников-последователей, реформаторы в Язычестве, как правило, заметного следа в истории не оставляли и их реформы не переживали их самих. Тут есть о чем задуматься и тем, кто считает Язычество, с христианских ли позиций, с материалистических ли, человеческой выдумкой — отчего же тогда люди не смогли изменить выдуманное другими людьми? И иным горе-«неоязычникам», блажащим о не ведающей запретов «религии свободы». Но, возвращаясь к нашей главной теме, именно за «равноапостольными», за теми, кому предстояло обратить свой народ к Христу — или

Мухаммеду, или Моисею — история таких опытов не знает. Не пытались реформировать Язычество ни франк Хлодвиг, ни норманн Олаф Трюггвасон, ни римлянин Константин, ни армянин Тиридат III, ни поляк Мешко. Революционеры часто приходят за реформаторами — но объединения этих сущностей в одно лицо история религий, история мировоззрений вообще не знала и не знает. Человек, вложивший ум и силы в попытки улучшить свою веру, вряд ли откажется от нее. А у Владимира, ко всему прочему, и не то положение было, чтобы заниматься экспериментами в области религии.

Напомню читателю — Владимира родила Святославу отнюдь не равноправная жена, княгиня, дочь государя какого-то славянского или хотя бы отдаленно родственного славянам племени. Матерью будущего святого была рабыня Малка, чем его и попрекали, называя «ро-бичичем» — рабским отродьем. Хуже того, рабыня эта была, как пишут не только Валерий Емельянов и Александр Добровольский, но и А.Ю. Карпов во вполне официальной биографии крестителя Руси, выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей», вовсе не славянского роду, а происходила из хазар — старинных врагов и поработителей славян, степных хищников, иудеев по вероисповеданию. Их — как и все степные народы, вошедшие в русский былинный эпос под собирательным именем «татар» , русские и за людей-то не считали. Не даром «татарский» царь в былинах спрашивает подданных «Кто умеет говорить языком русским, *человеческим?»* Впрочем, в этом наши предки были вполне еди-

---

Вадим Кожинов в своем труде «История Руси и русского слова» высказал очень ценную мысль, что именно хазары первоначально занимали в былинах место «татар».

нодушны с, скажем, готами, полагавшими кочевников-гуннов плодом соития ведьм и нечисти. Да и с византийцами, по словам ижевского ученого В.В. Пузанова, видевшими в кочевниках «зверей в человеческом обличье». Кстати, очень показательное обстоятельство; я настоятельно советую запомнить его всем сторонникам окологумилевских бредней о «симбиозе Руси и Степи», «тюркско-славянском братстве» и тому подобных химерах. В былинах и балладах никакой брак между степняками и русичами невозможен. Для русской девушки даже самоубийство или убийство желанная альтернатива такого брака, богатырь может попасться в сети азиатской колдуньи-соблазнительницы — как былинный герой Михайло Потык — но в конце чародейку ждет разоблачение и неминуемая казнь от рук прозревшего русича. Если же связь богатыря с чужачкой кратковремен-на — то и тут последствия печальны. Вспомним «Под-сокольничка» — сына Ильи Муромца от степнячки «бабы Аатыгорки». Русь, как мы увидим ниже, крепко верила во врожденность и наследственность моральных качеств, в то, что «от дурного семени не жди хорошего племени». И «Подсокольничек» показывает это убеждение во всем блеске — будучи побежден, узнан, признан и отпущен с миром богатырем-отцом, он пытается, пробравшись ночью в шатер, убить его. Илью спасает лишь «крест», в сохранившихся ранних вариантах — «оберег» (что ясно говорит о Языческом времени возникновения этой былины) на груди. Более того, перед этим он в некоторых вариантах убивает *мать* — а надо ли напоминать, что святее матери для былинного героя ничего нет! Былина «Хотен Блудович» вся посвящена мести главного героя обидчикам матери, в былине «Ва-

силий Буслаев» богородица (!) является матери Василия с просьбой унять его, сама, по всей видимости, не надеясь это сделать — даже явление божества не столь авторитетно для былинного героя, как его мать! Илья расправляется с ублюдком, разрывая его пополам, наступив на одну ногу и ухватив за другую. Больше ни один богатырь, ни в одной былине, ни с одним врагом не расправляется этим способом — но в несказочной народной прозе так уничтожают плод противоестественного сожительства человека с нечеловеческим существом — русалкой, лешачихой и так далее. Так что как смотрела Языческая Русь на плод союза руса и степнячки, представить можно легко. И Владимир не замедлил дать этому взгляду полное подтверждение — он убил брата, великого князя Ярополка — не стал косвенной причиною его гибели, как сам киевский князь Ярополк стал причиной смерти третьего Святославича, Олега, но продуманно и расчетливо заманил в смертельную ловушку. Опять-таки, братоубийству в морали язычников-северян не было оправдания — в «Старшей Эдде» соседей и родичей славян, скандинавов, фраза «братья начнут биться друг с другом» стоит в ряду ужасных примет конца времен, преддверия гибели мира. В русской былине богатырь Данила Ловчанин, поставленный злою волей князя перед выбором — стать братоубийцей самому или обречь на эту участь братьев, по приказу князя выступивших против него, с восклицанием «да и где же это видано, где это слыхано — брат на брата боем идет!», бросается на свое копье. Заметьте, и скандинавских сказителей, и наших былинников ужасает даже еще не братоубийство, просто ситуация, в котором оно может стать

возможным: «начнут биться», «с боем идет». Что уж тогда говорить о самом действии!

А теперь поставьте себя на место Владимира — представьте, как должны были относиться к нему его подданные. И вспомните, что одной из причин, по которой киевляне все же поддержали его против Ярополка, была терпимость последнего к христианам. То есть как раз склонность заниматься экспериментами в области религии. Стали бы вы в такой обстановке заниматься «реформами»? Если да — то единственное сравнение в ваш адрес, напрашивающееся у меня, — человек, пускающий петарды в пороховом погребе. Как говаривал незабвенный Козьма Прутков, «курящий над камуфлетом (так в старой русской армии называли пороховой ящик. — Л.П.), рискует быть отпетым». Идиотизм — еще не самое резкое определение подобного поведения — а о сыне хазарки Малки можно сказать много теплого, но дураком он все же не был. В его положении было самым разумным как раз лезть из кожи вон, демонстрируя свою приверженность «древлему благочестию», «обычаю отню и дедню».

Косвенное подтверждение этому взгляду — наличие в Киеве другого, более древнего капища, со следами почитания пяти Богов. Оно было найдено еще в 1908 году археологом В.В. Хвойко в старейшей части Старокиевской горы, датируемой VI—VIII веками. Это был выложенный из камней, скрепленных глиняным раствором, овал (4,2х3,5 метров) с прямоугольными выступами (70—80 см в длину), точно нацеленными по сторонам света. С северо-запада к овалу примыкало скопление пережженной глины вперемешь с остатками костей животных — следы жертвоприношений, как и в капище 980 года. И сам Хвойко, и другие археологи, съехавши-

еся на XIV археологический конгресс, единодушно признали находку остатками Языческого святилища. К.В. Бол-суновский связывал это капище с культом Святовита — четырехликого Бога Богов поморских и полабских славян. Впрочем, не только их — в его святилище в Арко-не на острове Рюген приезжали за предсказаниями еще в XI веке пилигримы из давным-давно крещеной Чехии, а четырехликие идолы найдены, помимо балтийского «Поморья Варяжского», в Западной Украине (Збруч, Иванковцы), Болгарии (Преслав), Белоруссии (село Тесновка на берегах реки Сож), Старой Рязани. Очень похож на такого кумира странный предмет, называемый археологами «Богородичный столп», найденный в руинах Боголюбова — резиденции князя Андрея Боголюб-ского. Это одинокая каменная колонна с капителью-верхушкой о четырех гранях, на каждой из которых вырезано по безусому и безбородому лицу. Не ошиблись ли археологи? Подобных изображений богородицы не знает ни православный Восток, ни католический Запад. Зато для славянского Языческого кумира это вполне обыденный вид. А резиденция «Боголюбивого» князя вполне могла быть построена на руинах сокрушенного святилища русских Богов. Так, Александр Ярославич, внучатый племянник Андрея Боголюбского, поставил полвека спустя свою усадьбу на священной горе Ярилы над Александровым озером. Надо сказать, что хотя, в отличие от отлученного и проклятого православной церковью Мазепы, эти царственные осквернители русских святынь были провозглашены по смерти святыми, все же их земная судьба была не завиднее, чем у злополучного гетмана. Андрей, кстати, судя по восстановленному по черепу обличью, пошедший обликом в мать-половчанку и даже носивший, кроме христианского, половецкое имя Катай,

был зверски убит в результате заговора его ближайших приближенных и сородичей, Боголюбово было безжалостно разграблено. Что до Александра, то он, кроме малозаметной для современников победы над шайкой шведских пиратов на Неве и разгромом — совместно с братом Андреем — рыцарей-тевтонцев на Чудском озере, отличился и иными делами. Когда его родные братья, Андрей и Ярослав, подняли восстание против захватчиков-ордынцев, великий князь... донес на них хану — и встал во главе карательных орд рядом с ордынским царевичем Неврюем. В ходе карательной акции были уничтожены и никогда не возродились родной город матери братьев-Ярославичей Рязань (ее имя сейчас носит бывший Переяславль Рязанский, а на месте прежней столицы княжества дожди и сейчас вымывают из земли изрубленные людские кости) и город Кле-щин — это не считая тех городов, по которым «просто» прошли, грабя и убивая, конные армады кочевников. Были захвачены и убиты молодая жена Ярослава и его малолетние дети — надо полагать, с ведома будущего святого, побратима командовавшего карателями царевича. Затем Александр заставил вольный Господин Великий Новгород поклониться хану, а противников подчинения орде казнил и калечил, выкалывая глаза, отрубая руки, сражавшиеся за него на Неве и Чудском озере. В конце концов осквернитель праотеческой святыни, предатель — будем, читатель, называть вещи своими именами — и братоубийца, от которого бежал родной сын Василий, во время очередного визита к своему азиатскому покровителю был опоен ядом (как свой, ордынский сановник — русских князей татары убивали не таясь, открыто) и умер долгой, мучительной смертью.

Не поленюсь повторить — не проходит безнаказанным осквернение древних святынь.

Но вернемся к нашему рассказу. Итак, кумиры с четырьмя лицами, подобные рюгенскому Святовиту, были широко распространены по всей Славянщине. Так что, в общем-то, предположение Болсуновского не выглядит чем-то чересчур наивным. Б.А. Рыбаков присоединяется к нему, утверждая, что «четырехликие идолы, четырехгранные столбы, как и четырехчастные композиции в орнаменте (начиная с собственно креста, древнего Языческого символа, узурпированного христианами[1] — Л.П.) действительно выражали идею защищенности «со всех четырех сторон»». Вообще-то все правильно, вот только... вот только сторон (как и стихий-первоэлементов) в традиционном мировоззрении не четыре, а *пять.* Мы не привыкли считать за сторону центр, вертикаль мировой оси — важнейшую часть мировоззрения традиционного человека и после падения Язычества, и, в осо-

---

[1] Как известно, распятие времен земной жизни Христа производилось на «Т»-образном столбе, а не кресте — в «Суде гласных букв» античный автор Лукиан (около 160 года) указывает, что именно букву «тау» (современное «1 ») «тираны приняли за образец, ее вид копировали, когда ставили столбы, на которых распинали людей». Его современник, христианин Ми-нуций Феликс, восклицает в сочинении «Октавий»: «Мы не почитаем крестов и не желаем их. Это вы (язычники. — Л.П.), имея деревянных богов, почитаете и деревянные кресты как принадлежности ваших богов». В болгарских культовых братствах так называемых русальцев всем участникам во время исполнений обрядов плодородия строго воспрещалось молиться христианскому богу и креститься — но в костюм русальца входил большой металлический нагрудный крест.

Этой чрезвычайно интересной темы мы в настоящей книге касаться не станем. Читателя же отсылаем к книге Станислава Эдуардовича Ермакова «Тропою забытого волшебства».

бенности, во времена его безраздельного господства. И святилище на Старокиевской горе, скорее всего, связано не столько с четырехликим Святовитом с далекого Рю-гена, сколько с киевским культом Пятерых Богов — тем, которому воздвиг святилище в 980 году будущий отступник, тем, которому служил пришедший в Киев в 1071 году волхв. И по-моему, читатель, правильнее будет оставить навязшее на зубах выражение «Владимировы Боги», «пантеон Владимира» в покое. Бессмертные не могут принадлежать смертному — и менее всего братоубийце и вероотступнику. Нет, не было, не могло быть «Владимировых Богов». А было — ну, назовем это «Киевское Пятибожие».

Прежде всего, однако, любопытно — а существовали ли такие пятерки Богов у других индоевропейских народов? Взгляды исследователей Русского Язычества — равно как и древних культов других индоевропейских, арийских народов — давно и заслуженно привлекает Индия, сумевшая сохранить веру Предков до наших дней (пусть и не в неизменности — но неизменного в этом мире попросту нет; скажем, православие наших дней очень отличается от православия XIX века — не говоря про более древние времена). Причем речь не только о Петуховых, уверенно «переводящих» Брахму, как Влаха-Волоса, а Арджуну — как Яруна, и Асовых, населяющих русские небеса небывалыми «Вышнями» и «Крышнями». Даже суровый и придирчивый Л.С. Клейн, как мы помним, не удержался от соблазна и проиллюстрировал свои построения по поводу «умирающего и воскресающего» Перуна ссылкой на Индру (правда, профессиональные индологи ничего не знают о качествах, приписываемых Клейном этому Божеству — ну да это, как говорится, совсем другая история). В ка-

честве «золотой середины» между этими крайностями (представляющими на деле-то две стороны одной фальшивой монеты) рискну предложить вам, читатель, труды Н.Р- Гусевой, СВ. Жарниковой, М.Л. Серякова и, отчасти, Юрия Шилова. В них достаточно рассказывается о сходстве древнеиндийской культуры с древнерусской, а также о памяти о далекой северной прародине, откуда пришли на Индостанский полуостров некогда светлово-лосые и светлоглазые арии , в индийских легендах и преданиях. От себя замечу только одно — когда-то, перелистывая дневник путешественника и младшего современника Пушкина графа Салтыкова, наткнулся на изображения индуистских храмов в предгорьях Гималаев. Бревенчатые стены, тесовая крыша, купол-луковка — пожалуй, лишь отсутствие креста над этой луковкой мешало поверить, что на рисунке — не старообрядческая часовенка где-нибудь на Вологодчине.

Обратимся к Индии и мы — и практически сразу найдем искомое. Кроме широко прославленной индуистской «Троицы»- Тримурти, существует и культ пятерки Богов. Он так и называется — Панчадэватта, буквально — Пятибожие. Эти Божества — Вишну-Нараяна, Сурья, Солнечный Бог, Рудра, Божество бурь и ветров, свирепый лучник, Ганеша — обаятельное существо с пухленьким телом младенца и головою слоненка — вы наверняка хоть раз да натыкались на Его изображение, читатель, — и Дэви, Богиня-Мать. Иногда этот культ приписывают индуистскому мудрецу и подвижнику пя-

---

[1] Обычные эпитеты Богов в ведических текстах — «белый, как камфора», «камышеволосый, русобородый, лотосовоголубо-окий». Короче говоря — очень мало похожего на тех смазливых Цыганят, которыми заполнены вклейки кришнаитских сочинений.

того столетия Шанкаре — он возродил в Индии почитание исконных Богов после тысячелетнего (цифра, над которой русским стоит задуматься) пренебрежения, в коем Они пребывали, потесненные торжествующим буддизмом. Другие же утверждают, что культ Пятерых существовал параллельно ведическим культам гораздо раньше. Я думаю, что с этим как раз можно согласиться. Не во всяком индийском доме все Пятеро стоят на домашнем алтаре — такое могут себе позволить в основном жрецы-брахманы, ведь творить ежедневно обряды всем Пятерым Богам — это немалая трата времени и сил. И что любопытно, расположение этих Богов, если Они все же почитаются все вместе, на прямоугольнике алтаря таково — самое почитаемое в доме Божество стоит в середине и чуть позади, ближе к стене, у которой воздвигнут алтарь, а остальные четверо — каждый в своем углу. Ничего не напоминает, читатель? Как по мне — так почти полное подобие Киевского капища 980 года, обнаруженного киевскими археологами. Впрочем, если изображения Пяти находятся далеко не на всяком алтаре, то хотя бы упоминаются они во время всякого индуистского ритуала: «Солнце (Сурья. — Л.П.), Ганапатха (Ганеша. — Л.П.), Дэви, Рудра, Кэшава (Вишну. — Л.П.) именуются Панчадэватта. Их следует почитать во всех обрядах». Так наставляет трактат «Щарадаталака тантра».

Однако и на другом конце индоевропейского «материка» мы встречаем нечто до крайности похожее. У галлов или кельтов — высокого, голубоглазого, золотоволосого народа, занимавшего когда-то огромные земли Европы от современной Португалии (буквально — «пристани галлов»), испанской Галисии и Голландии до нашего Галича и малоазиатской Галатии. Сейчас кель-

ты-гэлы ютятся на Британских островах (шотландцы, ирландцы, валлийцы) и Бретонском полуострове на северо-западе Франции. Это все, что осталось от былого великолепия народа бесстрашных воинов, великолепных металлургов, искуснейших ювелиров, отличных мореходов, великих певцов и поэтов (достаточно вспомнить, что слово «бард» — кельтского происхождения). Они подарили миру меч и кольчугу, свод и плетеный орнамент, короля Артура и легенду о святом Граале. Их культура оставила след в славянской, германской, скандинавской, англосаксонской, испанской, французской, византийской. Именно кельтские мореходы первыми проторили торговый путь по Восточной Европе из Бал--тики в Каспий. Чего не хватило народу мудрецов, воителей и творцов, чтоб сохранить свою цивилизацию? До сих пор загадка.

О сродстве кельтской Веры со славяно-русской говорят немало. Достаточно сказать, что, по предположениям многих ученых, слово «волхв» происходит от племенного названия кельтов — волохов для славян, вальхов, вельхов для скандинавов. Сходны обычаи в области жертвоприношений, устройство храмов и святилищ, а идолы кельтов часто представляли собою, по словам археологов, деревянные столбы, увенчанные кованной из металла личиной. Как тут не вспомнить Перуна из киевского капища 980 года — деревянного, с серебряной златоусой головой, а равно и истукана аль Масуди с «головою червонного золота»? К перечню можно добавить и рюгенского Черноглава «Книтлинг-саги», и золотую голову Купалы из полесских песен. Не меньшим почтением пользовались у кельтов многоликие Боги — в Европе их, кроме славян и самих кельтов, ни у одного

народа не было. Самая приблизительная параллель — двуликий Янус римлян.

В I веке до христианской эры великий полководец и государственный муж Гай Юлий Цезарь (о масштабах этой личности можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что славянское «царь» и германское «кайзер» происходят от его имени, да и месяц июль в нашем календаре хранит именно его память) отправился покорять галлов. Галлы были старинными врагами Рима — в свое время именно они подошли под стены Рима, и взяли бы его, если б не поднявшие тревогу священные гуси. Однако откупаться жителям городка на Тибре, который еще никто не звал Вечным городом, все же пришлось. А когда римляне стали складывать на весы золото для выкупа, вождь галлов Бренн швырнул на чашу с гирями длинный, тяжелый галльский меч (кстати, слово «меч» в славянских языках, по мнению некоторых ученых, происходит из галльского). На робкие протесты патрициев высокомерный усатый варвар ответил фразой, ставшей бессмертной: «Горе побежденным!»

Что ж, со временем это горе довелось изведать потомкам Бренна. Легионы Цезаря громили дружины и племенные, ополчения галлов поодиночке — не помогало даже то обстоятельство, что римский меч, после столкновения с галльским, зачастую приходилось... выпрямлять ногой. Цезарь завоевал Галлию и подчинил ее власти Рима. Вожди галлов сложили перед ним оружие.

Цезарь провел в Галлии восемь лет и свел дружбу с друидом — представителем всевластной жреческой касты галлов — Дивитиакусом из племени эдуев. Свои впечатления от той войны, от страны и народов, которые он покорил, Юлий Цезарь обобщил в труде «Галльская война».

Сам Цезарь, воспитывавшийся в детстве и отрочестве как жрец (фламин) Юпитера, конечно же, представлял важность знаний о религии народа, с которым ведешь войну. О верованиях галлов он рассказал в одной из глав своего труда, но по тогдашней традиции назвал — дабы быть понятым своими согражданами — галльских Богов римскими именами. Точно так же Геродот рассказывал, что скифы поклоняются «Аресу» в виде воткнутого в хворост меча, а египтяне — в облике сокола. Позднее Тацит будет утверждать, что германские племена почитают больше других Богов «Меркурия» (считается, что римский историк под этим именем понимал Одина-Вотана) и «Геркулеса» (в котором видят Доннара-Тора, громового Бога-богатыря, победителя чудовищ). Очевидно, в те времена считалось, что Боги у разных народов по сути едины, только по-разному называются (тот же Геродот сообщал, что скифы зовут «Аполлона» — Гойтосиром, а Зевса — Папаем) и выглядят. Правда, при этом надо заметить, что чужаков к участию в своих обрядах допускали неохотно (если речь не шла об «участии», скажем, военнопленного в качестве жертвы). Да и сами поминать чужие, непривычные имена и участвовать в незнакомых обрядах, мягко говоря, не рвались, за исключением, пожалуй, греков-эллинов, да и то не всех, а ионийских. Остальные, более приверженные традициям народы, особенно скифы, очень за это греков недолюбливали.

Цезарь, в отличие от Геродота, туземных галльских имен упоминать не стал. Так и остались они скрыты от будущих поколений под римскими «псевдонимами». Собственно, нам следует за это благодарить римского полководца, ибо от собственно галльской религии, унич-

тоженнои вместе с ее хранителями, жрецами-друидами, наследниками Цезаря, практически ничего не осталось, и перечисли великий завоеватель имена галльских Божеств, нам оставалось бы только гадать, что те из себя представляли. А так, по аналогии с римскими Богами (имена которых неудавшийся жрец Юпитера подобрал, конечно же, очень тщательно), мы можем, хотя бы приблизительно, представить, что собой представлял каждый из галльских Божеств.

Вы, наверное, уже догадались, читатель — главных Богов «Косматой Галлии» было пять. Цезарь называет их Юпитером, Аполлоном, Марсом, Меркурием и Минервой. Юпитера, говорит великий римлянин, галлы почитают как «Владыку неба», Аполлона — как целителя, Марс галлов, так же, как и римский, был Богом войны, а Меркурий — наиболее почитаемый в Пятерке — считался галлами изобретателем ремесел и покровителем торговцев. Про какие-нибудь особенности культа галльской «Минервы» Цезарь умалчивает. По более поздним надписям мы можем более или менее точно определить, что «Минерву» ее галльские почитатели звали Бриган-тией или Бригиттой — это имя исследователи считают родственным скандинавскому «Фригг» и славянскому «Берегиня». Впоследствии Языческую Богиню Бригитту сделали... католической святой, не сменив даже имени. «Юпитер» же на самом деле назывался Таранисом (буквально — «громом») и изображался с громовым колесом о шести спицах в руке — такое же в Древней Руси символизировало Перуна, его вырезали на притолоках дверей, потолочных балках-матицах, деревянном узорочье наружной стороны избы — полотенцах, очельях, причелинах, наличниках. Делали это с двойной це-

лью — защитить дом от недоброй силы знаком грозного Божества — и оберечь этот же дом от гнева самого Громовержца своеобразным мистическим «громоотводом». С прочими мужскими Божествами галлов такой ясности нет.

А теперь стоит сравнить киевское Пятибожие, индийскую Панчадэватту и пятерку главных Богов галлов из книги Цезаря. Во всех перечнях-пятерках только по одному женскому Божеству (Макошь, Деви, «Минерва»). В каждом — по одному солнечному Божеству (Хоре Даждьбог, Сурья, «Аполлон»). Повелитель бурь и ветров, лучник Рудра, вызывает в памяти строки русского «Слова о полку Игореве»: «Се ветры, Стрибожи внуци, веют стрелами от моря». Очевидно, им соответствует галльский воин «Марс». «Юпитер», верховный Бог и Громовержец, очень напоминает Перуна. И если Цезарь называет галльского «Юпитера» владыкой небес, то в одном из древнерусских сочинений XV века на вопрос: «Колико есть небес?» — дается ответ: «ПЕРУ НЪ есть многь». То есть Перун — это как бы и есть небо .

Но кто соответствует в индийской Панчадэватте галльскому «Юпитеру»-Таранису и русскому Перуну

С небом обычно отождествляют Сварога. Однако на размышления наводит то обстоятельство, что ни в одном тексте Сварог и Перун не упоминаются рядом. Оба они связаны с Небом, Железом, Огнем. Оба имеют святыней молоты. Обоим приписывают победу над Змеем. А если вспомнить, что рай, в котором правит ведический царь Богов и Громовержец Индра, называется СВАРГОИ, а сам Он — Свараджем-Самодерж-Цем, закрадывается, самое меньшее, подозрение — Сварог и 11ерун — а не два ли это имени одного Бога, как, несомненно, обстоят дела с Даждьбогом и Хорсом.

(оба имени, кстати, буквально обозначают «гром»)? На первый взгляд, Вишну-Нараяна, индуистское Божество-Хранитель, изображающееся как холеный принц или щеголеватый царедворец, увешанный золотыми украшениями и гирляндами, с заботливо уложенной высокой прической, с цветком лотоса и причудливой раковиной в руках, с мягкими, едва ли не женственными очертаниями ухоженного тела, очень мало похож на суровых Богов воинственных северян — русов и галлов. Ни один источник не отождествляет Вишну с Небом, не приписывает ему власти над громом и молнией.

Однако всегда ли на этом месте в Панчадэватте находился Вишну? В другой группе индуистских Божеств, знаменитой «троице»-Тримурти, Вишну как раз занимает место Громовержца. Кроме него, в Тримурти входят созидатель Брахма и буйный, косматый разрушитель Шива, предводитель злых духов и ночных чудовищ. У балтов, соседей и ближайших родичей славян, в главном святилище Ромуве почитались податель плодородия юный Потримпс, Бог колдовства и призраков, бородатый Патолс и Громовержец Перкун. У шведов в Упсале почитался Фрикко (Фрейр), дававший приплод скоту, урожай полям, чадородие людям, свирепый, длинноволосый и длиннобородый колдун, повелитель нежити Один и Громовержец Тор. У галлов, согласно римскому историку Лукану, кроме цезаревой пятерки, почиталась и триада Богов, в которую наряду со свирепым Богом-колдуном Тевтатом, которого изображали с длинными волосами, и добрым Езусом, изображавшимся в окружении деревьев и работающих крестьян (кстати, покровительствовал он и торговцам — уж не «Меркурий» ли Юлия Цезаря перед нами?), входил наш знакомец

«Юпитер»-Таранис. Наконец, в договоре русского князя Святослава Игоревича с императором Восточной Римской империи Иоанном Цимисхием упомянута странная триада: «клянемся Богом, в него же веруем, и Перуном, и Волосом». Отношение победителя Хазарского каганата к христианской вере известно хорошо и заключается оно в словах: «вера хрестьянска уродьство есть». Так что Бог договора — определенно не Христос. Как не может быть Христом тот Бог, о неизбежности Чьего суда уведомлял в «Слове о полку Игореве» Велесов внук, шаман-оборотень Боян полоцкого князя-чародея Всеслава Брячиславича. И тот Бог, что в той же великой поэме указывает путь князю Игорю из половецкого плена в Русскую землю — в ответ на Языческую молитву Ярославны, обращенную к Солнцу, Ветру и Днепру Словутичу! И тот Бог, о котором князь еще некрещеных болгар Пресиян'писал в своей так называемой Филиписийской надписи: «Когда кто-то говорит правду — Бог видит. И когда кто-то лжет — Бог видит. Болгары сделали много хорошего христианам, а христиане забыли об этом — но Бог видит!» Сам болгарский правитель, кстати, величал себя «От Бога князь» — при том, что от христиан он себя, как мы с Вами, читатель, только что видели, четко отличал. Так что Бог во всех приведенных цитатах — будь это одно Божество, или в каждом случае другое — определенно не Христос. Скорее уж называющееся так Божество подобно индуистскому Брахме или доброму Езусу галлов. Русский Волос-Велес, косматый повелитель зверей и мертвецов, прекрасно вписывается в один ряд с Шивой, Патолсом, Одином, Тевтатом. А вот на месте

Хранителя и в этой Языческой троице опять Громовержец Перун.

Между прочим, ученые, изучающие мифы индоиранских народов, давно обратили внимание, что десять воплощений-«аватар» Вишну почти полностью совпадают с десятью обличьями, которые способен принимать иранский Бог войны Веретрагна, чье имя означает «Убийца Вритры» — Вритрахан у индусов, одно из прозвищ уже упоминавшегося нами Индры, Громовержца Индии. В свою очередь, одно из прозвищ Вишну — Упендра, что можно перевести как «Младший Индра», «Меньшой Индра», «Искусственный Индра» или, наконец, «Заместитель Индры». Уж не в «Троице» ли, не в Тримурти ли Вишну замещал Громовержца Вед? Похоже на то, читатель, и замена еще не успела как следует позабыться — на одном из сравнительно поздних изображений XVI—XVIII веков в небесах над поляной, где воплощение Вишну, Кришна, играет и водит хороводы с пастушками-гопи, нарисовано Тримурти, состоящее из Шивы верхом[1] на быке, Брахмы на лебеде и... Индры на слоне .

Тогда следует предположить, что и в Панчадэватте произошла аналогичная подмена Индры Упендрой-Виш-ну. И изначально индийскую божественную пятерку возглавлял повелитель небес, Громовержец Индра, в Ведах — царь Богов-Дэвов, вполне сопоставимый с Перуном русов и «Юпитером»-Таранисом галлов.

Итого: в трех пятерках Богов главные места занимают Громовержцы, воплощающие собою небо (киевский

Интересно, что ископаемые волосатые «слоны» — мамонты — на русском Севере и в Сибири отождествлялись русскими поселенцами с мифическим зверем Индриком или Индрой (!).

Перун, индийский Индра, галльский «Юпитер»-Тара-нис), затем следуют солнечные Божества (Хоре Даждь-бог, Сурья, «Аполлон»). Очень похожи наш Стрибог-и индуистский Рудра — оба связаны со стрелами и бурей. Про галльского «Марса» мы знаем гораздо меньше (собственно, только о Его воинственности), но в компанию он, пожалуй, вписывается. Женские Божества — по одному в каждой Пятерке (Макошь, Деви, «Минерва»-Бригитта). Зато гораздо труднее сравнивать Сема-рьгла, про которого мы, по сути, совершенно ничего не знаем, кроме имени, с «Меркурием» галлов, о котором тоже не очень много известно, и Ганешей, про которого известно-то много, да вот только он явно чересчур изменился с тех пор, как ведические арии, предки индийцев, вторглись с севера в Индостан. Вряд ли по нашу сторону Гималаев маленький Бог тоже носил на пухлых детских плечах слоновью голову. Хотя... кто знает — на рисунках еще каменного века в знаменитой Каповой пещере, что на Южном Урале, изображено существо с толстым туловищем, тонкими ручками и ножками и головою мамонта. Неведомый персонаж явно главенствует над прочими изображениями пещеры, и как знать — может быть, уральский камень хранит самое древнее из изображений добродушного индийского Божества? Впрочем, славянам он, судя по всему, являлся все же под каким-то другим обликом.

Если же отвлечься от внешности и сосредоточиться на занятиях Богов, на их власти и дарах, то сходство между Ганешей и галльским «Меркурием» будет поразительное. Галльский Бог «Меркурий»-Езус — «добрый», а Ганеша единственный в сонме индийских Богов и Богинь не имеет гневных и ужасных воплощений. Ганеша покровительствует спутникам, хранит границы и

посылает материальное благополучие. Последнее качество (в сочетании с исключительной добротой) в наше меркантильное время делает маленького Бога одним из самых популярных индуистских Божеств как в самой Индии, так и за ее пределами. Я уже говорил, читатель, что на изображения слоноголового Бога можно наткнуться в едва ли не любой «эзотерической» лавке России, в самой же Индии, по отзывам путешественников, Его изображения и символы (в том числе, как ни странно, свастика) буквально повсюду. Кстати — вспомните оценку Цезарем галльского «Меркурия» как самого почитаемого Божества галльского пантеона.

Так что соответствие трех Пятибожий у народов, давным-давно раскиданных ветрами и бурями истории по простору Евразийского материка, едва ли не полное. В современной (а на самом деле — чуть не вечной, во всяком случае, одних лет с самой российской интеллигенцией) моде на поиски «заимствований» во всяком сходстве русского с нерусским нам с вами, читатель, пришлось бы сейчас ломать головы над неразрешимой задачей — кто и от кого заимствовал Пятибожие? Большинство современных исследователей мгновенно заявят, что славяне-то, «естественно», идею Пятибожия позаимствовали (правильно, где уж нам, сиволапым обитателям «этой страны»). А вот дальше и их мысли-скакуны поневоле должны будут попридержать бег, а то и вовсе остановиться — ибо очень и очень сложно представить себе проповедников из Индии, босиком, в оранжевых накидках на голое тело, бредущих через славянские земли в далекую Галлию. Или друидов, которые, покинув свои священные круги каменных глыб и заповедные дубравы, отправятся за тридевять земель в жаркую Индию.

Впрочем, этим людям не впервой, они и не такое представляли и даже записывали в учебниках. Чего стоит пресловутый «путь из варяг в греки», с легкостью необыкновенной проложенный нашими историками через поросшие непроходимыми лесами водоразделы Восточной Европы, где нет и никогда не могло быть никаких «волоков». По карте-то отчего не проложить — бумага, как известно, терпит. Или норманнская теория — по которой мифическая шведская русь, не отразившаяся ни в одном источнике, с ходу углубилась невесть зачем в леса и дебри Восточной Европы (при том, что в Западной скандинавы отдалялись от устья впадавшей в море реки только по направлению к добыче масштабов Лондона или Парижа), браво преодолела на веслах ее холмы и болота, ельники и дубравы, завоевала в рекордные сроки земли, вдвое-втрое превосходившие Скандинавию со всеми ее выселками — Нормандиями, Исландиями, Гренландиями — и в не менее рекордный срок позабыла и о завоевании, и о собственном происхождении, в считаные поколения переняв язык, веру, обычаи данников, ровным счетом ничего не сохранив из праотеческих. Что уж там перед этим нагромождением чудес (повторяю, «украшающим» собою учебники) странствие босого брахмана в землю неведомых никому в Индии кельтов?!

Я искренне люблю фантастику, читатель, и мне доводилось даже, признаюсь, ее писать. А как историку мне доводилось читать немало сочинений коллег. Так вот, как человек, немного понимающий и в том, и в другом, свидетельствую — все жалкие потуги наших фантастов блеснуть воображением меркнут перед тем, что зачитывает иной раз скучный серенький лектор полудремлющим над конспектами студентам исторических факультетов.

Но я-то не настолько богат фантазией, увы. То есть

если бы речь шла о сходстве только с индийским образцом, или только с кельтским, я бы еще нашел в себе силы принять очередную теорию заимствования хотя бы к рассмотрению. В конце концов долгое и не бесследное соседство славян с кельтами на Западе и индоиранскими племенами, господствовавшими в степи до явления гуннов в IV веке христианского летоисчисления, — это действительно факт. Но вот представить себе заимствование ТАКИХ масштабов — извините. Мое недостаточно развитое воображение — и уважение к вашему здравому смыслу, читатель — не позволяют мне сделать этот смелый шаг. И поэтому предлагаю вам несколько более простое объяснение — а именно: почитание Пяти Богов — Громовержца, Солнечного, Воителя-Бури (сразу вспоминается название русской сказки «Буря-богатырь Коровий сын»), Доброго Дарителя Богатств и Матери — существует с тех незапамятных времен, когда далекие предки индоариев, славяноруссов и кельтских племен были единым народом. Благо, и у кельтов, и у индоариев сохранились предания о далекой северной (у кельтов — северо-восточной, у индов — северо-западной) прародине.

Но ведь невозможно, чтобы в течение тысячелетий эта не самая простая структура сохранялась в разных странах с разной природой, разными соседями без существенной причины? Да, читатель, невозможно. Причина была, и очень веская. Настолько веская, что в этой главе я не стану рассматривать еще и ее, эту причину, объединявшую Индию, Ирландию и Русь, а посвящу этой причине следующую главу.

Глава 3 Пять каст, пять сторон света

«Артхашастра». Тело Пуруши и сыновья Ману. Пятины Ирландии и ее «завоевания». Палата в Таре. Пять частей Уэльса. Касты и Пятибожие

Шива-Жизнодавец, Повелитель Сил, Сидя у порога дома,
живность сотворил, И большим, и малым корм
и карму дал, И князьям, и нищим — всем,
кого создал

Редьярд Кишинг

Снова начнем с далекой Индии. За тысячелетия существования в особом мирке, огороженном от ледяных ветров истории — всесокрушающих переселений-нашествий, перемешивающих все и вся, — цепью высочайших в мире гор, индоарии успели отлить в чеканные строки трактатов то, что у оставшихся на севере сородичей было рассеяно в десятках и сотнях обычаев, обрядов, примет, преданий, легенд, пословиц, поговорок — да просто слов, внезапно открывающих осколочек ушедшего, забытого мира, каплю, отразившую в себе древний океан. Тут можно хотя бы вспомнить такое обыденное насквозь слово, как «пуговица» — уж чего привычней, но если вдуматься в смысл — «пуговица» ведь от «пугать». Не зря у Ильи Муромца и Дюка Степановича, героев русских былин, пуговицы, распугивая врагов, шипели змеями ползучими, рычали зверями рыскучими. А зачем пугать, и кого, и почему именно здесь, у ворота, уместно пугало-пуговица — это уж целый рассказ о

том, какой виделась жизнь нашим далеким предкам, каким был их мир. О кишащих вокруг славянина опасных духах-навьях и о том, как предок старался защитить от них жизнь, здоровье и душу себя и своих близких, подробно рассказывают поверья и заговоры, описанные Б.А. Рыбаковым в его книге «Язычество Древней Руси». А вот в Индии описание подобных существ и способов обороны от них можно не собирать с миру по нитке — а просто взять и прочесть трактат «Гаруда-пу-рана».

Или, скажем, поверья о том, как строить дом, куда должны — а куда ни в коем случае не должны смотреть дверь или устье печи. В Индии вот сохранились обширные книги, в которых, помимо прочего, сообщается, как правильно строить — нет, не дома, а целые города.

В частности, говорится об этом в трактате с мудреным названием «Каутилья Артхашастра». По преданию, сей труд создал для императора Чандрагупты из династии Маурьев советник Каутилья в IV веке до н.х.л. Посвящен он был в основном проблемам управления страной, но затрагивались и иные, находящиеся в ведомстве правителя, вопросы. И вот что там сказано о том, как должен выглядеть «правильный» индуистский город: в центре крепости находится храм — обиталище Богов, и «дом почитаемой жидкости» (пиршественная палата). Там же находится жилище царя. В северной части города живет жречество — брахманы. Далее по часовой стрелке расселились остальные касты — на востоке проживают воины-кшатрии, на юге — земледельцы, скотоводы, торговцы — вайшью, одним индийским словом. А на западе, там, где садится солнце, живут слуги

и рабы — шудры. Напомню, что мы говорили о пяти сторонах света в традиционном мировоззрении в связи с каменной вымосткой на Старокиевской горе.

Здесь надо сказать несколько слов о том, что такое касты. Этим словом — вообще-то португальским по происхождению, ведь именно португальцы Васко де Гамы были первыми с античных времен европейцами, посетившими Матерь Цивилизаций, сказочную Индию — переводят санскритское слово «джати». Люди из какой-либо касты-«джати» не женятся на женщинах из другой касты и не выдают замуж своих дочерей за людей другой касты . Это качество называется по-научному эндогамией — законом брака, замкнутого в узком кругу — так, скажем, в обществах, живущих родопле-менным строем, племя эндогамно, а род — нет. И жениться на девушке другого племени в таких обществах считается столь же безнравственным, как жениться на сестре. В этом каста похожа на племя — но в племени люди занимаются кто чем, есть и горшечники, и коноводы, и воины, и может быть так, что тот, кто утром ловил рыбу, вечером штопает одежду из шкур, а на следующий день сражается с нарушившими границы племени чужаками. Главным же и наиболее бросающимся в глаза отличием кастового общества было как раз разделение труда между кастами — одни воюют, другие, скажем, сеют просо, третьи — торгуют в лавке, четвертые —

Точнее сказать, так должно бы происходить в теории — но на практике индуистским законодателям даже пришлось определять статус детей-полукровок от сношения людей разных каст. Разрешались, скрепя сердце, даже межкастовые браки — но лишь между мужчиной высшей касты и женщиной низшей. В противном случае брак признавался незаконным, а нарушители кастовой чистоты безжалостно карались.

молятся Богам. В конце Средних веков и в Новое время дошло до каст, скажем, торговцев браслетами — бусами, очевидно, торговали совсем другие люди. Но такая дробность, по мнению большинства ученых, явление достаточно позднее. Изначально каст было все-таки всего лишь четыре — в науке их принято называть «варна-ми», но многие ученые все равно допускают путаницу, да и сами индийские источники зачастую называют «варну» кастой-«джати». Это, наоборот, никогда не случается, что еще раз подтверждает — касты отделились от варн исторически недавно. И первоначально «варны» и «джати» были синонимами, что позволяет мне называть кастами (словом, более-менее известным широкому читателю) именно варны. Варна на санскрите, священном языке древней Индии, означает «цвет». Цветом жречества был белый, цветом воинов и правителей — кшатры — был красный, хозяйственным вайшью соответствовал желтый цвет, а рабы — шудры — обозначались черным цветом. Мимоходом отмечу, что вся эта символика и за пределами Индии мелькает — достаточно вспомнить белые одеяния кельтских друидов, священнослужителей зороастрийского Ирана и русских волхвов. Или багряные плащи римских цезарей и красные плащи с того же цвета сапогами русских князей, и красные щиты их дружинников, красные — «червленые», «чёрмные» по-древнерусски — стяги над их шлемами. А также такие русские выражения, как «черная кость», «держать в черном теле», «девка-чернавка». Варны, согласно Ведам, священным текстам древних ариев, не выдуманы людьми, но появились из тела пер-вочеловека Пуруши, принесенного в начале времен в жертву.

Его рот стал брахманом, (Его) руки сделались раджанья , (То,) что бедра его, — это вайшья, из ног родился шудра.

(Риг Веда, X, 90, 12)

Из этого тела появились также Солнце — из глаза Пуруши, гром (Индра) и пламя (Агни) — из его уст, дыхание Пуруши породило ветер, а из головы появилось небо. То есть разделение человечества на касты в глазах древних ариев было столь же исконно, вечно и непререкаемо, как устройство Вселенной. И не просто подобно с ним, а взаимосвязано — по магическому «закону подобия». Поэтому всякие отступления от рамок варны и попытки заняться не своим делом жестоко пресекались. Ибо посягал нарушитель ни много, ни мало — на устойчивость мироздания.

Надо, кстати, добавить, что Пуруша вовсе не выведен в гимне беспомощным и безвинным страдальцем (качества, обычно приходящие на ум европейца при слове «жертва») — в последнем куплете только что процитированного гимна Вед, Пуруше же и посвященного, говорится «жертвою Боги пожертвовали Жертве» — то есть его принесли в жертву ему же. Пуруша был не только первочеловеком, но и верховным Богом в то же самое время, и в более поздние времена его пытались отождествить с кем-то из трех Богов Тримурти. Чаще всего — с Творцом Брахмой: «...а ради процветания миров сотворил Он (Брахма) из своих уст, рук, бедер и ступней брахмана, кшатрия, вайшью и шудру» (Законы Ману, I, 31). Реже это был Вишну Хранитель (как

'То же, что кшатра — правители и воины.

правило, в воплощении Кришны), наконец, совсем уж изредка честь отождествления с Пурушей доставалась Разрушителю Шиве. В тех же «Законах Ману» приведена иная версия происхождения каст — они произошли от риши, ведических поэтов и учителей, сыновей вот этого самого Ману (его иногда сравнивают с легендарными правителями и законодателями иных народов — Миносом эллинов, Менва кельтов, даже с легендарным фараоном Менесом египтян[1]). Надо сказать, Ману был прославлен в преданиях Древней Индии не только, и даже, может быть, не столько как законодатель, сколько как спаситель человечества. Это, если так можно выразиться, индийский Ной — во времена Потопа он, за свою праведность извещенный Богами о надвигающейся катастрофе, выстроил ковчег, в котором и спасся со своею семьей, животными и семенами растений. Его сын Кави Бхригу стал предком жречества, брахманов, его брат Ангирас стал предком воинственной кшатры, следующий сын спасителя человечества, Пуластья, стал прародителем вайшью, наконец, на долю Васиштхи выпала незавидная доля родоначальника шудр-холопов. В скобках отметим — все же ведические арии не считали своих рабов ни «двуногими животными», как высококультурные эллины, ни «говорящими орудиями», как просвещенные римляне. В одном предании они возникают из части тела — не самой важной, но все-таки части тела — Первобожества, в другом — их предок великий мудрец. Надо сказать, что в преданиях Индии Васишт-

[1] Впрочем, все мифы, связанные с Ману и его братом Ямой, и их отражения в мифах иных племен, в том числе финнов и даже северно-американских индейцев, тема настолько обширная, что я не рискну здесь к ней обращаться.

ха — весьма почтенная особа, образец брахмана, личный друг целого ряда Богов, настолько святой человек, что мог, скажем, приказать реке течь в обратную сторону.

Да — надо также заметить, что Ману величался «царем людей». То есть получается та картина, что вполне соответствует распределению в идеальном городе «Кау-тилья Артхашастры»: царь, брахманы, кшатра, вайшью, шудры.

Положение и роль царя в индийском обществе были весьма высокими. Без царя никакое дело не могло быть успешным. «Те, у кого нет царя, не могут сражаться», говорит «Таиттирья Брахмана». Великая индийская поэма «Рамаяна» дополняет: «в стране без царя увенчанная молнией громогласная туча не окропляет землю небесной водой. В стране без царя ни сын не повинуется отцу, ни жена мужу. В стране без царя люди не создают радостно ни дворцов для собраний, ни прекрасных дворцов, ни храмов. В стране без царя богатые не имеют защиты, земледельцы и пастухи ложатся спать с запертыми дверьми. Как реки без воды, как лес без травы, как скот без пастуха — страна без царя». Царь считался Божеством, и в обращениях к владыке неизменно использовалась форма «дэвапутра» — сын Бога, а то и «дэва» — Бог. Царям некоторых династий (например, Чола) даже воздавалось почитание в храмах. «Владыка создал царя Для охраны всего этого мира», — говорят «Законы Ману» — «Царь... блеском превосходит все живые существа. Даже (если) царь — ребенок, он не должен быть презираем (думающими, что он только) человек, так как он — великое Божество с телом человека». Какое же именно Божество воплощалось в царях Индии? «Рамаяна» числит в заслугах царя жизнетворящие дож-

ди из громовых туч. Во время обрядов посвящения царя он отождествлялся с Громовержцем Индрой. «Артхаша-стра» тоже указывает, что царь выполняет на земле то же дело, что и Индра на небесах. В некоторых преданиях первым царем назван Вираджаса, сын Вишну-Упенд-ры. .Величайшие из царей — такие как Рама, которому посвящена «Рамаяна», или справедливейший Юдхишт-хира — носили титул дигвиджайинов, «покровителей четырех сторон», что согласуется с центральным положением царя в системе идеального города по «Артхаша-стре». Соответственно, четыре стороны, которым покровительствует царь, воплощают четыре касты, и царь несет на себе признаки всех этих каст, воплощая единство общества.

При этом, однако, не нужно думать, что такое почитание царя способствовало деспотизму вроде того, каким отличились в истории других стран требовавшие себе божеских почестей тираны, вроде создателя великой китайской стены Цинь Ши Хуанди, римских Нерона, Калигулы, Гелиогабала или нашего Ивана Грозного. Царь как человеческое существо был лишь вместилищем духа Индры, живым кумиром Громовержца. А кумир, ставший непригодным, гм... и сменить могут. Согласно второй (но, пожалуй, первой по значению) эпической поэме Индии, «Махабхарате», царь, не способный защищать подданных и обеспечивать их благополучие, а тем паче царь-угнетатель, и не царь вовсе, его можно и нужно убить, как бешеную собаку. Во пса место, как сказали бы в древней Руси. Поневоле вспоминаешь, что согласно летописному преданию князя Игоря Старого, отца Святослава и сына Рюрика, за попытку собрать двойную дань древляне убили, как волка. Разумеется, на са-

мом деле в этом рассказе много неясного, настоящий детектив[1], но интересно само убеждение в праве подданных восстать и казнить неправедного правителя, как пса или волка.

Обязанности царя ясно объяснены во все той же «Каутилья Артхашастре»:

«Обет царя — это его деятельность, его жертвоприношение, его повеления по делам... Счастье царя в счастье подданных, в пользе подданных его польза. Польза для царя — не то, что ему приятно, но что приятно подданным — в том польза царя. Поэтому царь, всегда напряженный в работе, пусть велит делать, что нужно. Корень того, что нужно — это напряженность в работе, противоположное — корень вреда». Как видите, читатель, здесь не так уж много общего с «Государство — это я!» позднейших христианнейших государей Европы.

Обязанности, строго распределенные между остальными четырьмя кастами, подвластными царям, сформулированы в тех же «Законах Ману».

«87. А для сохранения всей этой Вселенной он, пре-светлый (Брахма-Пуруша. — Л.П.) для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия.

88. Обучение, изучение (Веды), жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и по лучение (милостыни) он установил для брахманов.

89. Защиту подданных, раздачу (милостыни), жерт вопринощение, изучение (Веды) и неприверженность к мирскими утехам он указал для кшатрия.

90. Пастьбу скота и также раздачу (милостыни),

Подробности этой запутанной истории изложены в моей книге «Святослав».

изучение (Веды), торговлю, ростовщичество и земледелие — для вайшья.

91. Но только одно занятие Владыка указал шудрам — служение этим варнам со смирением».

Брахманы, как и цари, почитались воплощенными Божествами. Они подразделялись на множество разрядов — по происхождению, Божествам, которым служили, обрядам, которые совершали (так, кстати, семья Виджпаи, из'которой происходил недавний премьер-министр Индии, имела права совершать по заказу царя ашвамедху — торжественное жертвоприношение коня). Но все это многообразие сводилось к двум основным разновидностям — городские брахманы и деревенские. Городские брахманы хранили законы, обычаи, совершали сложные обряды, были советниками и наставниками правителей. Их деревенские коллеги пробавлялись в основном ублажением местных божков (лока-дэват), предсказаниями и чародейством.

Делом кшатриев, соответственно, была защита общины от врагов — внешних и внутренних. Они были воинами, военачальниками, судьями. В отличие от брахманов и вайшью, кшатрии, по понятным причинам, никогда не сосредотачивались на идеях ненасилия, и даже во времена после императора Ашоки, когда, не без буддийского влияния, отказ от мяса стал чуть ли не общим правилом в Индии, кшатрии продолжали считать своим священным правом охоту и, естественно, поедание мяса добытых зверей и птиц. Нормальными для кшатры были такие брачные обычаи, как умыкание невесты, или сваямвара — нечто вроде рыцарского турнира, на котором судьей и призом в одном лице выступала невеста.

В касту вайшью входили самые разные люди — тор-

говцы, скотоводы, ремесленники и земледельцы. Собственность (общинная или частная), богатство, выгода — все это было предметом помыслов вайшью. Они платили налоги и подати, кормя жрецов-брахманов и защитников-кшатриев. Каста вайшью объединяла живущего в роскоши купца-миллионщика, члена влиятельной гильдии, принятого при царском дворе, и деревенского крестьянина.

Шудры собственниками не были — они были собственностью. Они не были «дваждырожденными» — это слово, смысл которого я намерен разъяснить читателю несколько позже, чаще всего употреблялось в адрес брахманов, но охватывало и две другие касты свободных людей. Но при том законы строго определяли и то, что нельзя делать хозяину с шудрами. Эллинский писатель Мегасфен, описывавший обычаи и уклад Индии, даже не сумел опознать в шудрах рабов — настолько их положение отличалось от привычного греку положения «говорящих орудий труда» в просвещенной Элладе.

Нарушение предписаний, повторяю, каралось безжалостно, шла ли речь о кшатрии, взявшемся зарабатывать на жизнь ручным трудом и вообще искать иного пропитания, чем дань, военная добыча и охота (снисхождение также проявлялось и к выигрышам в азартные игры, до которых воинственные кшатрии были большими охотниками), о вайшью, решившем заняться охотой, привилегией кшатры, или о шудре, взявшемся толковать Веды и приносить жертвы Богам. Вопрос, хорошо или плохо справляется человек с делом чужой касты, даже не ставился. «Законы Ману» сурово указывали — лучше плохо исполнять свой долг (или, в терминах индуизма, свою дхарму), чем преуспевать в исполнении чужого.

Позднее то же было повторено в знаменитой «Песне Господа», Бхагават-Гите, и не кем-нибудь, а самим Кришной, говорившим в этот момент от имени Всевышнего Божества.

Но вернемся к нашей основной теме — и что же мы увидим? Пятеричность буквально пронизывала жизнь древнеиндийского общества. Пятеричной (центр и четыре стороны) была структура индийских городов, пятеричной (царь и четыре касты-варны) было и устройство общества.

А не осталось ли чего-то подобного у кельтов?

У собственно галлов мы видим лишь слабый намек на подобное устройство. Впрочем, слаб он, без сомнения, лишь потому, что о галлах мы знаем исключительно с чужих слов, из сочинений эллинов и завоевателей-римлян, с которыми друиды галлов, конечно, не торопились делиться сокровенными преданиями об мироустройстве — а потом были попросту уничтожены этими римлянами. Четыре племени — битуриги, карнуты, ар-верны, эдуи — населяли середину страны галлов, а в середине находилась священная роща, куда собирались на свои советы друиды всех галльских племен. Верховного короля у галлов в то время не было, а простонародье, общинники, настолько были подавлены авторитетом друидов и властью военной знати, которую Цезарь в своем сочинении величает «всадниками», что иноземцы с трудом могли отличить их от рабов — особенно это касалось греческих и римских демократов. Однако несомненно, что и рабы, и цари у галлов наличествовали.

Отчетливее пятеричное устройство земли и общества в заповеднике кельтской древности — Ирландии. Так же, как Индия — Гималаями, Ирландия была защищена от исторических катастроф и передвижек океаном.

Даже христианство в Ирландии было много терпимее к «языческой бесовщине» — чего стоит только переименование кельтской Богини Бригитты в святую, о котором мы уже говорили. Церковнослужители ирландской церкви сплошь и рядом вербовались из вчерашних друидов, и сам их вид мог шокировать (да и в действительности шокировал) континентальных священнослужителей — достаточно сказать, что эти «святые отцы» носили длиннейшие, заплетенные в косы бороды, выбривали на голове полосу от уха к уху и раскрашивали лицо. Эти странные священники и не менее странные монахи (достаточно сказать, что в Ирландии обычным делом были смешанные монастыри, где монахи и монахини проживали вместе!) хранили и записывали древние ирландские предания (их часто не совсем удачно называют сагами, но все же сагами правильнее именовать предания скандинавов), восходящие зачастую не то что к Языческим временам (Ирландию в пятом веке крестил святой Патрик), но и ко временам до рождества Христова! Иной раз эти предания обнаруживают изумительнейшее сходство с индийскими легендами: так, послушник Тайрхелл, тремя прыжками посрамивший злого духа и получивший за это прозвище Молинг («Мой Прыжок») — под этим прозвищем его и канонизировали — удивительно напоминает Вишну, тремя шагами посрамившего царя демонов Бали и получившего прозвище Трижды шагнувший. «Приключение Неры», рассказывающее, как воин Нера в ночь на Самхайн (у нас этот праздник более известен под англосаксонским именем Хэллоуин) носил на плечах снятого со столба пленника-мертвеца и узнал от него тайны и пророчества, перекликается с вводным рассказом «Двадцати пяти рассказов Веталы», где раджа в ночь новолуния идет за телом повешенного

у великого кладбища, а дух-ветала, вселившийся в тело висельника, говорит с ним и предупреждает о грозящей опасности. Так что предания Ирландии, по всей вероятности, уходят корнями в ту же невероятную древность, когда предки ирландцев и индийцев были одним народом. Ирландия, согласно этим преданиям, искони делилась на пять частей-пятин. На Севере находился Уль-стер, на Востоке — Лейнстер, на Юге — Мунстер, на Западе — Коннахт. Эти провинции существуют поныне, однако, хотя их, как легко убедиться, четыре, они носят именно название «пятин»—coiced по-ирландски. Выражение «пять пятин Ирландии» в значении «вся страна» в ходу до сих пор. Это память о более древнем делении острова, когда существовала еще одна область, в середине Ирландии — Мид. В центре же Мида в легендах находится столица великих королей Ирландии, Тара — именно в честь ее носила свое название усадьба семейства ирландцев О'Хара из «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл. В центре Тары, понятное дело, находился дворец этих великих королей. Дворец состоял из пяти частей — четыре соответствовали Ульстеру, Мунстеру, Коннахту и Лейнстеру, а серединный носил название «Медового» — там представители всех пятин собирались для общих пиров и советов вокруг престола великого короля. Вы еще не забыли, читатель, что в центре царской крепости, согласно «Каутилья Артхаша-стре», находился «дом почитаемой жидкости»? Чем не «Медовая палата»? Кстати, само название напитка «мед» намекает на его «серединность» — межа, между, латинские «медиум» — посредник между духами и людьми, «медитация» — соСРЕДоточение и так далее. В самом «медовом покое» вдоль стен располагались места представителей четырех пятин Ирландии, а сам ве-

ликии король сидел на возвышении в центре квадратного зала.

Если о соответствии между четырьмя галльскими племенами и центральной священной рощей и кастами мы ничего не знаем, то в Ирландии дело обстоит по-иному. В средневековом манускрипте «Установление владений Тары» рассказывается о том, как во времена короля Диармайда, сына Кербалла, ирландская знать стала выказывать возмущение величиной — с их точки зрения, чрезмерной — земельных владений великого короля. Было решено обратиться к мудрецу Финтану сына Бохры. Этот персонаж в преданиях наделяется совершенно невообразимым возрастом, делаясь чуть ли не свидетелем всемирного потопа (который он пережил в виде лосося), хотя, если вспомнить, что кельтские друиды не меньше мудрецов Индии верили в переселение душ, многие вопросы снимаются. В данном случае в предпотопные воспоминания Финтан пускаться не стал, «скромно» ограничившись временем распятия Христа. По его рассказу, в этот день среди ирландцев внезапно объявился необыкновенный человек (если он был человеком — легенда говорит, что именно он управлял восходом и закатом Солнца — могущество, явно превышающее человеческие возможности) с не менее необыкновенным именем Трефуйлнгид Треэохайр. Этот муж исполинского роста со светлым лицом обратился к ирландцам с вопросом об их старинных преданиях, на что островитяне отвечали пришельцу, что среди них нет «мудрых знатоков старины». «Будут они у вас от меня, — ответствовал великан, — ибо я установлю связь преданий и старины о владениях Тары и четырех частей Ирландии вокруг нее, ибо я истинно мудрый очевидец, толкующий каждому все неизвестное». В присут-

ствии «самых мудрых, искусных и осмотрительных» людей Ирландии — по семь от каждой из пятин — светлоликий великан изложил им деление острова. Финтан так передал свойства пяти пятин: «Мудрость на Западе, битва на Севере, процветание на Востоке, музыка на Юге и власть в Центре». Позднее он распространяет перечень свойств пятин — я приведу его здесь, выделив особенно значимые свойства курсивом.

ЗАПАД (Коннахт)

МУДРОСТЬ, основы, *учение,* союз, *суждение, летописи, советы, предания, знание прошедшего, ученость,* красота, *красноречие,* прелесть, скромность, доброта, изобилие, богатство.

СЕВЕР (Ульстер)

БИТВА, *распри, дерзость, суровые места, споры, кичливость, бескорыстие, гордость, захваты, нападения, жесткость, войны, сражения.*

ВОСТОК (Лейнстер)

ПРОЦВЕТАНИЕ, *припасы, пчелиные ульи,* соревнования, боевые подвиги, главы семейств, знать, чудеса, *добрый обычай, обходительность, роскошь, изобилие, достоинство,* сила, *избыток, хозяйство, много-искусность,* снаряжение, *сокровища, атлас, полотно, шелк, одежды, зеленая крапчатая ткань, гостеприимство.*

ЮГ (Мунстер)

МУЗЫКА, водопады, *чудеса,* знать, *разбойники,* знание, искусность, *музыканты, мелодии, песни,* мудрость, честь, *напевы,* учение, наука, доблесть, *игра в фидхелл,* неистовство, свирепость, искусство поэзии, защита, скромность, законы морали, *свита,* плодородие.

ЦЕНТР (Мид)

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ, *слуги, достоинство.*

превосходство, твердость, установления, поддержка, разрушение, военачальники, колесничие, воины, верховенство, высшая власть, олламы Спридворные поэты *), мед, доброта, пиво, слава, процветание.*

Качества пяти каст распределены здесь по пятинам Ирландии почти так же, как в Индии, только Жрецы (Мудрость) находятся не на Севере, а на Западе — и соответственно сдвигаются и остальные, распределенные по ходу Солнца, касты. Это деление пронизывает весь ирландский эпос. Предания о племени сынов Богини Дану, связанные с Коннахтом — волшебные, предания воинственного цикла Кухулина описывают события, разворачивающиеся на севере острова, в Ульстере, а романтические истории о судьбах простых людей — цикл Финна — имеют местом действия юг Ирландии. В легендах описывается, как правительница Коннахта, кол- ■ дунья Медб, враждовала с Ульстером, которым правил король Конхобар и его племянник, один из самых известных героев ирландских легенд богатырь Кухулин. В богатырском эпосе, естественно, воители и герои одерживают верх над чародеями из Коннахта. А вот в более древних преданиях о битве при Маг Туиред племена Богини Дану, волшебники и друиды, одолели воинственное племя Фир Болг.

В преданиях же Лейнстера — о доме Бухета, доме Да Дерга, доме Мак Дато, описываются столкновения между домами гостеприимных, зажиточных землевладельцев с знатными воинами. Землевладельцы платят дань, но когда ее размеры становятся черезмерными, а поведение знати — нестерпимым, они восстают. Не в силах справиться со знатью в открытом бою, они либо пускаются в «партизанщину» — в одном из преданий

леинстерцы таким образом схватили самого великого короля! Либо же ищут защиты у других знатных людей.

Юг острова связывался с музыкой — музыканты и певцы-рифмачи были в Ирландии людьми несвободными. Исключение делалось лишь для придворных арфистов знати — уже упоминавшихся олламов. Уделом мунстерцев было служить другим, именно там обретает обитель изгнанное за преступления против великого короля из прежних обиталищ племя десси (исследователи сопоставляют его с индийским «даса, дасью» — слуга, враг или чужак). Прародитель южан носит имя Муг — «слуга».

Короли считались ответственными равно за закон и справедливость — что делало их сродни друидам, победы в боях — даже когда войско на врага водил другой — и плодородие страны, хотя, понятное дело, не пахали земли и не ухаживали за скотом. При идеальном короле Кормаке Мак Арте, гласит предание, с каждой борозды собирали по мешку зерна, реки изобиловали лососем, а посуда в доме не вмещала дневной удой коровы хозяина. Напротив, во время правления узурпатора Кайрбре Кайтханна вызревало лишь одно зерно в колосе и лишь один желудь на целом дубе, рыба в речках Ирландии перевелась, а коровы перестали давать молоко. Как видим, в возрениях ирландцев на королевскую власть было много общего с отношением жителей древней Индии к своим царям. Верховные правители как бы соединяли в себе три касты, а в Индии в облачение царя вместе со знаками собственно царской власти входили символы каждой варны. А первый из индийских царей, великий Ману, был отцом родоначальников всех четырех варн.

Кастовое деление на острове связывалось с предани-

ем о пяти последовательных «захватах» Ирландии после потопа различными, хоть и родственными племенами (касты Индии происходят, при всех своих различиях, от одного Божества, или от одного мудреца Ману). Первое из пришедших после потопа племен, дети Партола-на, было славно успехами в ремесле и ручном труде, но власти королей не знало, а имя самого знатного из вождей этого народца переводится как «раб, холоп». Это племя погибло от мора. Опустевший остров заселили дети Немеда (буквально «свободного»), скотоводы и земледельцы, первыми засеявшие пшеницей поля Зеленого острова. Затем пришли воинственные и властные Фир Болг, которые поделили остров на пятины, установили королевскую власть и правосудие. При их короле Риннале («Острие Копья») «изготовление оружия достигло совершенства». Вслед за ними появились и высадились в Коннахте славные мудростью и колдовством Туатта де Даннан — Дети Богини, народ друидов и чародеев. Сами Боги Языческой Ирландии были их вождями — или превратились в таковых под пером переписчика-монаха, в данном случае это совершенно неважно, важно то, что Дети Богини были ближе всех к бессмертным Богам. И в первой битве при Маг Туиред победу над сородичами Фир Болг им принесла магия.

Что до верховной власти великих королей, то ее ирландцы-гойделы «скромно» отождествили с собственными непосредственными предками — сыновьями Миля.

Через пролив от Ирландии, в Англии существует еще один островок кельтской традиции, Уэльс. Эта небольшая страна поделена между четырьмя епископства-ми — Бангор (на северо-западе), Сент-Асаф (на северо-востоке), Аландав (на юго-востоке) и епископат святого Давида (на юго-западе). Там, где сходятся земли

четырех епископств, возвышается гора Пумлумон — «Пять вершин», а земли, лежащие у подножия этой горы, называются Первед — «Серединный край». Стоящая в этих землях древняя церковь Аланбадан Фар издревле считалась центром пятого епископства Уэльса. Согласно средневековой поэме, описывающей население Уэльса, северо-запад края населяют высокородные мудрые мужи, хранители святых реликвий. Северо-восточный Поуисс, согласно этой поэме, населен «храбрыми мужами, которые без колебания вступают в битву, они гостеприимны к поэтам». В юго-восточном Гламоргане «мужи добрые, жены величавые и много там скупцов и богачей». Население же юго-западного Диведа, без особых иносказаний огульно названо «рабским». И здесь мы видим то же распределение качеств людей и пространства, что и в Индии и в Ирландии.

Кастовое устройство общества обычно связывают с завоеванием одного народа другим — первыми, кто начал именно так объяснять эту систему, были, как мы видели, ирландские монахи, изложившие историю возникновения ирландского общества как череду «завоеваний» острова разными племенами. Но можно ли говорить о череде одинаковых завоеваний, идущих в одном и том же порядке, в Индии и Ирландии? Очевидно, приходится искать иное объяснение возникновению системы каст.

Есть ли связь пятеричного деления общества и Пяти-божия? На мой взгляд, читатель, она очевидна. Громовержец, повелитель Богов («Юпитер»-Таранис, Индра, Перун), именем которого творили суд, с именем которого шли в битву и от которого ожидали урожая, вполне соответствует образу верховного правителя — князя, царя, короля. Целитель «Апполон», Хорс-Даждьбог,

Сурья соответствуют жречеству. Буйные Боги бурь и войны — «Марс» галлов, Рудра индоариев, Стрибог русов — найдут свое прямое отражение на земле в облике буйных, кичливых, воинственных и гордых дружинников, кшатриев, рыцарей. «Меркурий»-Езус из Галлии, «Добрый», покровитель торговцев, изображавшийся в окружении деревьев и работающих крестьян, обаятельный податель жизненных благ и материального благополучия Ганеша — как, очевидно, и загадочный Семарьгл — вполне подходящие покровители для хозяев-общинников, тороватых купцов, домовитых хлебосолов. Что же до последней из списка, великой Богини-Матери, то можно вспомнить, что в Индии из всех Божеств шудры допускались лишь к таинствам и обрядам Дэви, а в Ирландии именно Мунстер, страна слуг, усыпана урочищами, связанными с именами кельтских Богинь и колдуний — парные холмы Сосцы Ану в Кил-ларни, главный сид (священный холм) Мунстера назывался Сид Белых Женщин, местности Эблиу, Кнок Айне. В Мунстере располагалась деревня Бере, из которой происходила самая знаменитая ведьма-каллях гэльского фольклора. Такой же обителью ведьм предстает в валлийских преданиях и «рабский» Дивед.

Пятеричность мира верховных Богов у кельтов и индийцев соответствовала пятеричности мира людей, общества, системе каст из трех основных (жрец, воин, общинник) и «обрамляющих» их верховного правителя и массы несвободных-рабов. Означает ли это, что и в древней Руси киевское Пятибожие отражало ту же систему из пяти каст?

Глава 4 Касты в Древней Руси

«Роды»-касты в Древней Руси. Священный царь. Волхвы. Витязи. Хозяева. Челядь.

Как у солнышка Владимира
все Славьича Начинался
почестей пир, На князей-бояр, На богатырей,
На всех на гостей на торговыих, Да на тех ли мужичков
чернопахотных...

Былина

Касты — и древняя Русь? Может ли быть такое? Русь зачастую представляется нам — ив эпохи много более поздние, чем Языческая древность — чем-то очень молодым, начинающимся, где еще толком не отделились богатые от бедных и знатные от незнатных. Историки М.Н. Тихомиров и В.В. Каргалов, конечно, могли сурово выбранить кинорежиссера Эйзенштейна и романиста Тумасова за нелепые картины Александра Ярославича Невского, с рыбаками волокущего невод из речки, или Ивана Даниловича Калиты, «в холщовой рубашке» помахивающего топориком на строительстве Кремлевских стен. Только миллионы простых людей сердитых рецензий не читали, а представление о родной старине составляли по таким вот фильмам и романам, где и князь то и дело норовил взяться за ручную работу, а какой-нибудь герой, появившись в поле зрения читателя простолюдином-«смердом», к концу романа становился дружинником, а то и воеводой.

Да что там читатели и писатели! Иной историк (прежде всего имеется в виду автор интересной и содержательной книги «Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI—XIII веков», В.В. Долгов) рисует в своих трудах образ Руси — опять-таки, не Языческой Руси Изначальной, а православной Руси XI—XIII веков — в виде этакого «общества равных возможностей», где общественное положение обеспечивалось исключительно «личными качествами» человека и не было четких границ не только между знатными и незнатными, но даже и между рабами и свободными. Какие уж тут касты!

Между тем тот же самый автор, описывая общество Киевской Руси, по необходимости начинает со слоя, принадлежность и роль в котором всецело определялась *происхождением.* Я, конечно, говорю про княжеский род Рюриковичей. Никакой человек некняжеского происхождения князем стать не мог ни при каких обстоятельствах, и когда боярин Володислав в Галицкой земле в XII веке запоздало решил последовать обычаям Запада и Византии, то есть *стать* князем — как, скажем, в X веке *становились* императорами крестьянин из Дунайской провинции Василий Македонянин, армянин-адмирал Роман Лакапин, полководец Никифор Фока, его сподвижник Иоанн Цимисхий, как в земле франков еще до Рюрика становились королями низкородные Каро-линги — то окружающие такого новаторства не поняли и не приняли. Про самозванца презрительно говорили — «Володислав *княжится»* — не «княжит»! Никому даже не пришло в голову сравнивать, хуже или лучше боярин справляется с делом правления, чем природные Рюриковичи. «Лучше терпеть неудачи в своей

дхарме, чем преуспевать в чужой!» В других русских городах — даже в буйном и своенравном Новгороде! — за несколько веков так никому и не пришла в голову мысль, что человек, рожденный не в «соколином гнезде» Рюрикова рода, может претендовать на звание князя. И напротив, человек княжеского происхождения был *князем* вне зависимости от каких бы то ни было «личных качеств» и заслуг, и даже при полном таковых отсутствии. В том же X веке Олег вынес из ладьи к узурпаторам Оскольду и Диру маленького Игоря: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода, а вот — сын Рюрика!» После смерти Игоря его маленький сын Святослав на поле брани едва может перекинуть копье (наверняка не огромное боевое копье, а легкий дротик-сулицу) через голову коня, на котором сидит, но воеводы кричат: *«Князь* уже начал! Дружина, за князем!» Обе схватки кончились победой тех, кто привез с собою малыша княжьего рода, зато двумя веками позже киевское войско позорно бежало, бросив переправу половцам. «Не было с ними князя, а боярина не все слушают», поясняет летописец. А ведь у «боярина» и опыта, и заслуг, и прочих «личных качеств» было в любом случае не меньше, чем у трехлетнего Святослава! «Как велик зверь без головы, так и многи полки без князя», пишет в то же время Даниил Заточник . Заметьте, читатель, не «без хорошего князя», «опытного

Сразу вспоминается — «те, у кого нет царя, не могут сражаться... даже если царь — ребенок, он не должен быть презираем думающими, что он только человек, так как он — великое Божество с телом человека». Разве не выглядят эти индийские премудрости иллюстрацией к строкам русских летописей — про войско, беспомощное без князя, про малыша-князя, приносящего победу своим сторонникам одним фактом присутствия?!

князя», «смелого князя» — просто *«без князя»*\ Важен *род*\ Важен, как наличие головы, без которой — глупой ли, умной ли — любой, самый большой «зверь» — просто мясо!

Как видим, в отношении коллективного главного героя русских летописей, княжеского рода, нет никаких двусмысленностей. Рюрикович может быть только князем. Князь может быть только Рюриковичем. «Личные качества» — вторичны[1]. Главное — происхождение. Что до неясностей с остальным обществом, то они, в основном, вызваны двумя обстоятельствами. Во-первых, русские книжники на низшие слои общества не обращали особенно много внимания. А во-вторых, чернецы-летописцы находились под очень большим влиянием образа «идеального общества», явленного для них во «Втором Риме», «богоспасаемой» Византии, этом отечестве «истинной Веры». А там, как я уже писал, никакой прочной связи между происхождением и положением в обществе, происхождением и занятиями не было. Вчерашний крестьянин, Юстиниан Великий или Василий I, становился императором. Император Никифор Фока собственноручно трудился на стройке — вот *там* это действительно *было*\ — а его брат торговал хлебом. В патриции — в настоящем, Языческом Риме титул *родовой* — стали *назначать,* в том числе и выходцев из печенежских степей, вроде Алакаса, заманившего в 969 году сородичей-печенегов в ловушку в Болгарии. Император Лев Философ, при котором Вещий Олег осаждал

Что, разумеется, не означает «не важны»! Как хорошо известно любому, знакомому с русскими летописями, к качествам князей русичи были очень внимательны — вот только для того, чтоб твои качества, как князя, кто-то стал рассматривать всерьез, необходимо было *родиться* Рюриковичем — и никак иначе.

Царьград, писал, насмехаясь не то над античными идеалами родовитости, не то над варварами, что происхождением гордятся лишь не имевшие собственных заслуг. У него были основания это утверждать — сын простолюдина, шагнувшего к трону через труп убитого им собственноручно своего государя и благодетеля, точно не мог гордиться происхождением.

И как перед этим примером русская книжность XI—XIII веков должна была рассматривать родовые идеалы соотечественников? Безусловно, как дикость и постыдное варварство, о котором чем меньше говоришь, тем лучше — особенно если учесть, что у истока этих идеалов стояли «бесовские» Языческие верования. То есть там, где совсем нельзя было умолчать — как в случае с Рюриковичами — говорили, но не очень много. Про остальных и вовсе молчали. Иногда, правда, проговаривались — как увидим.

Однако там, где молчат книги, говорит фольклор, в частности, говорит богатырский эпос. Вот очень известная былина о бое Ильи Муромца с чужеземцем-«нахва-льщиком» — иногда им оказывается сын Ильи Подсо-кольничек, иногда чудовищный великан Жидовин (память о враге-соседе Руси, иудейском Хазарском каганате). Обнаружив едущего мимо заставы чужака, богатыри задумываются — кого послать на перехват (и ведь даже мысли не возникает отправиться на одинокого нарушителя всей заставой, для пущей надежности... называйте средневековой дикостью или рыцарской честью, это уж на ваш вкус, читатель). Выдвигают то Алешу Поповича, то некоего Гришку Боярского, но главный богатырь безжалостно бракует кандидатуры. Оба не могут быть достойными представителями киевского богатырства в таком ответственном поединке:

> Неладно, ребятушки, удумали, Гришка *роду боярского, Боярские роды хвастливые,* На бою-драке призахвастается, Погинет Гришка по-напрасному... Алешенька *роду поповского,* Поповские глаза завидущие... Увидит Алеша на нахвальщике много злата, серебра, злату Алеша позавидует, погинет Алеша по-напрасному...

Очевидно, есть *роды* поповские и *роды* боярские. И поведение, и нрав человека главный герой былинного эпоса здесь напрямую выводит из происхождения, из рода! Более того, сама вежливость, у нас ставшая синонимом воспитанности, то есть качества по определению приобретенного, в былинах оказывается врожденным даром богатыря. С дипломатичным поручением следует направить Добрыню — у него

> Вежество рожоное, Рожоное вежество и ученое...

Отсутствие «вежества», таким образом, порождало неизбежные и вполне определенные подозрения: «Ты невежа, ты невежа, неотецкий сын!» или, соответственно, «неотецкая дочь».

И не только в этой былине дело обстоит так. Вот как раз представитель поповского роду Алеша освобождает от трех кочевников-«татар» девушку и выспрашивает ее:

> Какого ты роду-племени?
> Царского аль боярского?
> Княженецкого аль купецкого?
> Аль последнего роду — крестьянского?

Как видим, и здесь «род-племя» оказывается накрепко связан с занятием. Есть свидетельства о подобной связи и в письменных источниках. В житии Феодосия Печерского, когда будущий святой в городе Курске порывается вместе с рабами убирать хлеб на поле или молоть зерно, окружающие упрекают его: «позоришь себя и *род свой».* Отец Феодосия — княжеский служилый человек, дружинник, один из тех самых «курян, сведомых кметей», воспетых «Словом о полку Игоре-ве». В X веке Святослав Игоревич заявляет в ответ на полное угроз письмо византийского императора Иоанна Цимисхия: император скоро узнает, что имеет дело не с какими-то ремесленниками, добывающими в поте лица средства к пропитанию. «Мы — мужи крови, оружием побеждающие врага». О том, отчего русские родовитые воины так старательно сторонились участия в святом вроде бы деле — выращивании и приготовлении хлеба — мы еще, читатель, поговорим. Пока отметим другое. Снова и снова занятия ставятся в прямую связь с происхождением — «родом», «кровью».

А отчего Алеше Поповичу потребовалось расспрашивать спасенную девицу? Ответ в былине про Добрьшю и Змею[1]. Победив чудовище и освободив красавицу Забаву Путятишну, богатырь получает от спасенной предложение руки и сердца. Отвечает он на это так:

Ах ты молода Забава дочь Потятична! Ты есть нунчу
рода княженецкого,

[1] Часто неправильно называют побежденное Добрыней чудище Змеем Горынычем, однако в большинстве записей упоминается именно Змея или Змеиха. В славянской мифологии именно змеиха (хала, ламя и пр.) выступает вредоносным персонажем, в отличие от Змея (см. приложение 3).

Я есть роду крестьянского,
Нас нельзя назвать же другом да любимыим.

В этом месте наши, поголовно пораженные, по удачному выражению Олега Носкова, «народобесием», исследователи намертво вцепились в «трудовое происхождение» богатыря. Между тем в большинстве былин Добрыня княжьего роду, потомственный воин, его отец «жил... шестьдесят годов, снес... шестьдесят боев, еще срывочных, урывочных — да счету нет». В этом месте былины внимания достойно совсем иное — оказывается, «роды», определяющие занятия человека, могут заключать браки только внутри себя, они, выражаясь научно, эндогамны. Оттого-то и Алеша, надеясь жениться на спасенной девице (позже он прямо говорит, что думал обрести в ней жену), выспрашивает ее о «роде-племени» — вдруг она «не того» происхождения, вдруг «нас нельзя назвать же другом да любимыим»?!

Если кому интересно — невесты из спасенной девицы и впрямь не получилось, она оказалась Поповичу... сестрой.

В другом памятнике русского фольклора, «Голубиной книге» — ее первые записи относятся к XVIII веку, но упоминается она еще в житии Авраамия Смоленского, XIII столетия, причем будущего святого за знакомство с нею собираются отлучить от церкви — содержится предание о происхождении всех этих «родов». Они, как и явления Природы — Солнце, «Ветры буйные», «Громы небесные», «Зори ясные» — «зачались» или «пошли» от тела Первочеловека-Адама или «Нового Адама»-Христа. «От главы» произошли «цари», «от плеча» — «князья-бояре», «от колена» — «крестьянство православное». И точно такой же миф мы находим в стране каст — Индии. Согласно преданию, касты, вместе с яв-

лениями Природы — совсем как в «Голубиной книге»! — произошли из тела Первочеловека и Богочеловека Пуруши. Брамины — жрецы — появились, как вы помните, читатель, из уст Пуруши. Раджанья — воины и правители — из его рук. Вайшью — крестьяне и купцы — из бедер.

Следы мифа об обществе-теле часто мелькают в русском фольклоре и книжности. Чаще, конечно, в фольклоре — вспомните об угрозе отлучения, нависшей над Авраамием! Однако и книжники иногда — осторожно, с оговорками — вспоминали о нем. Летописец в 1015 году жалуется, что земляки и современники его «согре-ших от главы и до ног — еже есть от царя до простых людин». Итак, царь — голова, «простые люди» — ноги, как и в кастовой мифологии русских язычников и индуистов. Слова Заточника, сравнившего «великое войско без князя» со зверем, лишенным головы, мы уже приводили. В Языческом «Слове о полку Игореве» сказано — «тяжко ти, голове, кроме плечю, зло ти, телу кроме головы — Руской земле без Игоря». Исследователь «Слова» В.И. Стеллецкий обоснованно предположил, что слова эти, цитата из Велесова внука Бояна, изначально относились не к герою «Слова», а к его древнему тезке — Игорю Рюриковичу. И в самом деле, на место «головы» Русской земли больше подходит Великий князь Киевский, «хакан-рус» Игорь, нежели правитель заурядного Новгород-Северского княжества. Но как бы то ни было, опять мы встречаем это сравнение: князь — «голова» земли!

Позднее распространилась и другая легенда — о происхождении священников, правителей и земледельцев от трех сыновей Ноя — Сима, Иафета и Хама. Пошла

она вроде бы из южнославянского апокрифа (так называются сочинения на библейские темы, не признанные церковью) Мефодия Патарского, возникшего не без влияния богомилов — этого странного учения, смешавшего темные ереси Востока с остатками болгарского Язычества. Но вот ведь дивное дело — опять славянская легенда находит дословное подобие в Индии! Вспомним Ману и его четырех сыновей. Иафет соответствует Ангирасу, Сим — Кави Бхригу, Хам — Пула-стье, а его сын Ханаан — Васиштхе. Верховная же царская власть соответствует или Ною, или его апокрифическому сыну Мунту (имя подозрительно созвучно Ману). Не могу не заметить — индийское предание добрее к труженикам, чем околобиблейское. Последнее сделало их предком не почтенного мудреца и святого, а оскорбителя своего отца, проклятого им.

Однако не это нас интересует, а новое свидетельство кастовости создавшего и воспринявшего эту легенду славянского общества! Ведь если у крестьян или правителей есть ПРАРОДИТЕЛИ — значит, звание крестьянина (правителя, воина, жреца) — наследственное!

Между прочим, я уже говорил, что слово «каста» — не индийское, а португальское. Обозначает оно «чистый» — намек на чистоту кастового происхождения и боязнь ритуально «запачкаться» общением с низшей кастой. И говорил также, что сами индусы, на своем древнем языке санскрите, называют касты «джати». А обозначает это диковинно звучащее для русского уха слово просто-напросто... род. То есть былинные «роды княженецкие», «поповские», «крестьянские» и прочие не только передавали занятие внутри рода, не только старались не жениться на девушках из занятых другим ро-

дов, не только происходили, как в Индии, из частей тела Божества или от сыновей патриарха, спасшего человечество от потопа — они еще и назывались-то точно так же, как в Индии. Роды. Джати. Касты.

Следует обратить внимание и на следы кастового строя у ближних соседей и сородичей славян — германцев. У скандинавов эпохи викингов, согласно «Старшей Эдде», три сословия — рабов, свободных хозяев и воинской знати — произошли от трех женщин, с которыми переспал Бог Риг — Хеймдаль, страж Асгарда, родивших после его визита трех родоначальников этих сословий: соответственно Трэля, Карла и Ярла. Потомок Ярла становится Коном — первым королем. То есть занятие считалось наследственным, а вот эндогамии, отрицательного отношения к неравнородному браку, мы в скандинавских преданиях не встречаем (хотя в «Песне о Риге» к каждому из сыновей Бога приходит невеста равного положения). Зато оно есть у германского племени саксов, соседей славян. В IX веке хронист Рудольф сообщает про них: «Этот народ состоит из четырех категорий людей: благородных, свободных, отпущенников и сервов. По установлениям закона, никому из этих людей из этих четырех сословий не дано нарушать границы между ними путем бракосочетаний, но благородные должны сочетаться с благородными, свободные со свободными, отпущенники с отпущенницами, а рабы со служанками. Если кто-то из них возьмет жену из другого или более высокого сословия, он должен искупить свой проступок ценой своей жизни». Тут кастовые законы, пожалуй, суровее тех, что существовали в Индии, где, как мы помним, законодатели, что называется, одной

рукою запрещали межкастовый брак, а другой — определяли статус детей, родившихся от такого брака.

Итак, можно утверждать, что у славян могли быть касты. Те же саксы входили в один «суперсоюз племен», своего рода прагосударство, с фризами — и славянами-велетами. Долго бы просуществовал этот союз, если бы общественное устройство саксов кардинально отличало их от союзников? Былины определенно говорят за существование каст-«родов» -джати. Но вот оставили ли эти самые касты следы своего существования в источниках письменных?

Начнем сверху — с фигуры верховного правителя. Князья летописной эпохи не совсем подходят под этот образ, это, скорее всего, просто воины, вожди своих дружин — первые среди равных. Таков последний великий государь Языческой Руси, Святослав Храбрый, про которого и летопись говорит: «Таков был он сам, таковы были и все воины его», и, по словам видевших его византийцев, отличался от своих дружинников разве что белоснежной чистотой льняной рубахи, золотой серьгою в левом ухе да клоком волос на выбритой голове — «знаком высокого рода». Таков был его внук, Тъмутороканьский князь Мстислав, лично вышедший на поединок с Редедей, вождем касогов. Сын Святослава и отец Мстислава таким не был, но в битвах и походах ему все же приходилось участвовать самолично — что и обогатило биографию этого человека эпизодом с прятками под мостом от печенегов-победителей, развеявших его дружину.

Однако стоит нам обратиться к тем же былинам, и мы обнаруживаем картину, разительно непохожую на привычный облик летописного правителя древней Руси.

Князь Стольнокиевский Владимир Красное Солнышко, которого многие привычно и совершенно ошибочно принимают за портрет не то крестителя Руси, не то его тезки-правнука, Владимира Всеволодовича Мономаха, ничего общего с летописными князьями, вождями своих дружин, не имеет. Достаточно сказать, что он ни в одной былине не изображен во главе войска — или хотя бы отдающим распоряжения своим полководцам. Обороной былинной Руси от врагов ведают другие — как правило, в былинах это Илья Муромец. Даже жены богатырей знают, что

> Не Владимир служобки накидывает, Накидывает старый
> казак Илья Муромец...

Или еще один замечательный пример. В Киев приехал очередной «грозен посол» с сообщением об агрессивных намерениях еще одного «царища»: спалить Киев, убить Владимира, взять за себя его супругу королевну Апраксею, повырубить «чернедь-мужичков», и так далее. Илья собирает богатырей — и закатывает с ними пир в княжьем тереме на несколько дней. На робкую попытку князя сподвигнуть свою «дружинушку хоробрую» на более активные действия по разгрому врага старший богатырь Русской земли чуть ли не одергивает его:

> А ты Владимер князь да Святослаевич, Убирайсе ты ко своей
> княгины Апрексеньи-то И ты ей же да все распоряжайся же
> А до нас-то тебе да все же дела нет.

Что это — просто грубость в адрес нелюбимого правителя? Вряд ли. Ведь киевский князь в былинах и впрямь ведет себя так, как будто защита Руси от врага — совершенно не его дело. Все, что он делает, — это возглавляет пиры.

И в этом он чрезвычайно похож на «царя русов» у арабского автора X века, Ахмеда ибн Фадлана. Вот что пишет этот путешественник и дипломат:

«В его («царя русов». — Л.П.) очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа его богатырей, его сподвижников... Эти четыреста человек сидят под его престолом... На престоле с ним сорок девушек-наложниц, и иногда он сочетается с одной из них в присутствии сподвижников. Он же не сходит с престола... Царь русов не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться с девушками, пить и предаваться развлечениям. У него есть еще заместитель, командующий войском, который нападает на врагов и собирает для него дань». Сходным образом описывает царя русов Мухаммед Ал Ханафи: «Есть у них царь, сидящий на золотом троне. Окружают его сорок невольниц с золотыми и серебряными кадилами в руках и окуривают его благовонными парами». В последнем описании очень ярко выступает роль «царя» русов как живого кумира.

Картина, удивительно схожая с той, что предстает нам в русских былинах. Владимир точно так же не сдвигается с места, его богатыри во главе с «заместителем» — Ильей Муромцем — собирают «дани-выходы» и нападают на врагов — былинных «татар». Его пиршественная палата с «питьецом медвяным» — своего рода центр былинной Руси (вспоминается «дом с почитаемой жидкостью» из «Каутилья Артхашастры» и «Медовый покой» ирландских королей). Причем былинное изображение княжеской палаты несколько отличается от того, что привычно нам по многочисленным иллюстрациям и экранизациям былин: длинный покой с выставленными «покоем» столами, и в глубине, на воз-

вышении — княжеский престол. В былинах, когда рассказывается о появлении в княжьей «светлой гриднице» богатыря, обычно говорится:

> Поклонился на все четыре стороны, А князю с княгиней — наособицу.

То есть надо понимать, есть «четыре стороны палаты — и еще какое-то место, на котором расположились «князь с княгиней». Я думаю, читатель, Вы уже сами догадались, что речь идет о князе, восседающем в центре — как в центре «Медовой палаты» восседали великие короли Ирландии, как в центре своей крепости находился индийский царь, как в центре пиршественного покоя сидел на возвышении Аттила. Кем бы ни был он и его гунны, к моменту, когда византийский посол Приск Паннийский посетил его двор, они достаточно ославянились, чтобы жить в деревянных теремах, пить хмельной напиток, называемый «мед», а погребальный пир величать «стравой». А значит, и описание его пиршества имеет отношение именно к славянам — благо никто из гуннов не сидел на полу, скрестив ноги, и не потягивал кумыс из пиалы.

Тему связи правителя и сакрального центра блестяще раскрыл В.Н. Топоров, крупный отечественный лингвист: «К числу несомненных выводов... исследований института царской власти относится установление скорее жреческой (а не царской в более позднем понимании этого слова) функции царя, чем административно-политической. Древний царь выполнял роль жреца, который не только знал космологическую структуру мира и ведал космологическими измерениями, но и соотносил ее с социальным устройством общества; точнее, этот царь-жрец определял на уровне правил и религиозно-юриди-

ческого права, каким образом должна быть организована данная социальная группа (или их совокупность) с тем, чтобы она соответствовала космическому порядку. Это соответствие идеальным образом могло осуществляться в центре мира, определяемом местом, где проходит axis mundi (мировая ось. — Л.П.). Этот центр и был наиболее сакральной точкой пространства. В нем совершалось царем-жрецом жертвоприношение, также рассматривавшееся как акт установления связи (проверки соответствия) между космическим и социальным началами. Понятно, что благополучие данного социума зависело от умения царя-жреца найти эту сакральную точку в пространстве и времени. Лишь найдя ее, можно было определить место и время жертвоприношения и через него — всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом, — алтарь, храм, поселение, его границы (четыре стороны света) и его временные координаты». Все это имеет самое прямое и непосредственное отношение к славянам, достаточно вспомнить, что русское слово «князь» само по себе подразумевает жреческие обязанности: польское «ksidz» — священник, по-чешски и по-лужицки. Достойное внимания обстоятельство — одним и тем же словом князья и жрецы называются не у восточных славян, а у лужицких, остатков балтийского славянства, у которого существование жрецов хорошо отражено в источниках. Стало быть, аргументом в пользу того, что жречества-де у славян не было, а жреческие обязанности лежали на князе, эти слова служить не могут. «Knez» — священник же, «predniknez» — епископ, «knezstwo» — духовенсто, «czerno-knezik, cerno-knezstwo» — чародей, чародейство — как видим, мифическая «черная книга» тут ни при

чем. В чешском евангелии X века архиереи названы «cnaezi popsti», а в евангелии XIV века — «kniezata po-powa». То есть изначально титул князя был... жреческим титулом. Когда же князья стали по преимуществу водителями дружин, те из них, кто сохранял древние священные функции, нареклись тюркским именем «каган» (обозначавшим как раз священного, ритуально неподвижного владыку) — у арабских авторов X столетия владыка русов называется «хакан-рус». В англосаксонской поэме «Видсид», записанной в VIII веке, упоминается «хаган — правитель островных ругов», то есть русов с Рюгена-Руяна. В Вертинских анналах под 855 годом правителя «народа рос» — скорее всего, балтийских русов-«ругов» — называют каганом. За русскими великими князьями этот титул удерживается до XI века включительно — так называет Иларион самого крестителя Руси, так же величают в выцарапанной на стене черниговской церкви надписи его внука Святослава Ярославича, а по мнению некоторых исследователей, его сына Олега («Ольгова коганя», как говорит «Слово о полку Игореве»), тоже титуловали тем же именем. И скорее всего, заимствование было не от хазар, а от аварского каганата, с которым предки русов соприкоснулись много раньше, чем с хазарами (византийские и грузинские летописи называют русами славян, пришедших под стены Константинополя в войске аварского кагана в 626 году).

На неподвижность былинного Владимира обратил внимание еще в 1960-е годы В.В. Чердынцев, замечательный исследователь русского былинного эпоса, указав, что Красное Солнышко «никогда не участвует сам в сражениях, никогда не покидает Киева и является, по

сути, главным «сиднем» нашей народной поэзии». Чер-дынцев справедливо соотнес эту черту правителя былинной Руси с ритуальной неподвижностью священных царей из «Золотой ветви» Дж. Фрэзера. Позднее к тем же выводам пришли русские ученые И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин. Судя по удивительному сходству с былинным князем, образ «царя русов» у ибн Фадлана также почерпнут арабским путешественником не из рассказов русов, встреченных им в Волжской Болгарии, об их правителе, а из их эпических песен. Для X века этот образ уже чересчур архаичен — современник ибн Фадлана русский князь Игорь Рюрикович самолично водил дружины на неприятеля (что засвидетельствовано и иноземцами — Львом Диаконом, Лиутпрандом). Хотя пост «заместителя» верховного владыки в военной и юридической сфере — воеводы — у славян сохранился.

Еще одна черта облика священного правителя, роднящая его как раз с верховными правителями индоарий-ских и кельтских обществ — тема священного брака. Не зря Илья Муромец указал Владимиру Красно Солнышко на отношения с женой как основные обязанности!

Фигура супруги правителя стала предметом внимания исследователей еще в конце XIX, начале XX вв. Одним из первых к ней обратился в книге «Золотая ветвь» Дж. Фрэзер. Исследование латинских, скандинавских, греческих и бриттских преданий привело его к выводу, что «у некоторых арийских народов... было обычным видеть продолжателей царского рода не в мужчинах, а в женщинах». Несколько позже ряд исследователей вскрыли мировоззренческую подоплеку этого обычая. В супруге правителя видели женское воплощение его земли, страны и одновременно его власти. Любопытно, что

древнерусское «волость» объединяет оба эти понятия. Особенно хорошо это явление изучено на кельтском материале. Тут и фигура Власти, предстающей ужасной старухой, но превращающейся в прекрасную даму после соития с нею, впервые появившаяся в саге о Ньяле Девяти Заложников, а потом — в повести о сыновьях короля Даре, и многочисленных английских и французских романах. И ирландские королевы-тезки, по имени Медб, из Коннахта и из Лейнстера. Про вторую говорится, что «не мог стать королем Тары тот, чьей супругой она не была». Схожие сведения сообщает Саксон Грамматик о королеве пиктов Гермутруде: «Тот, кого она считала достойным своего ложа, тут же становился королем; она приносила королевство вместе с собой. Так что рука ее и скипетр были неразделимы». А. Краппе и А. К. Кумарасвами соотносят этих олицетворяющих Власть женщин с индийской Богиней Шри Аакшми, супругой Индры и «персонификацией царского правления, духом власти, взаимоотношения с которой носят сугубо брачный характер».

В. Я. Пропп пришел к тем же выводам на основе исследования русских сказок, где герой зачастую становится царем, добившись руки и сердца царевны. В «Слове о полку Игореве» борьба князя-кудесника, полоцкого оборотня Всеслава, за власть описывается как попытка добиться любимой девушки: «връже Всеславъ жребий о девицю себе любу». Очень любопытно, что дань в Древней Руси платили «по куне» или «по белке» от родовой общины-«дыма». Вести речь о наживе, «рыночной ценности» мехов тут не приходится — полтысячи лет спустя, когда и лесов, и белок, конечно, больше не стало, в Московском государстве штраф за синяк со-

ставлял пятнадцать беличьих шкурок. То есть с общины брали за год... одну пятнадцатую штрафа за синяк. Скорее дело тут как раз в символике — и белка, и, особенно, куница обозначали в славянском фольклоре возлюбленную или невесту. В случае с куницей значение и смысл символа видоизменялись от тонко-духовного (в предании странник видит, что по постели спящих молодоженов скачет «кунка» — значит, над их браком почиет благодать небес, они живут в любви) до самого грубого, физиологичного (куна, кунка — женский половой орган — сравни английское жаргонное cunt и индийское «кунти», имеющие то же значение). На всем пространстве Древней Руси сваты до XX века рассказывали родителям невесты, что они, мол, «охотники», и пришли сюда «за куницей» по ее следу. Сравнивают куницу с девушкой или женщиной многочисленные песни, русские («говорила куна с куною, говорила сестра с сестрою», «да не есть то куна, то невестка моя», «прибежал соболь к кунице, а приехал удалой молодец к красной девице»), украинскими («б1жи, чужа жоно, по полю куною») и даже сербскими («окичена куна, то йе твоя вереница люба»). И принимая дань куницами или белками, князь как бы символически обозначал свой брак с землей и общиной, уплатившими ему эту самую «кунку». Недаром в былинах *кунья* шуба — отличительный признак правителя или, по крайней мере, вождя. Кунью шубку набрасывает на плечи Владимир, и за ней же он прячется от страшного свиста Соловья Разбойника, куньей шубкой укрывается «король ляховинский» от разгневанных богатырей-сватов, Добрыни и Дуная. Такие шубы носят Дюк и Чурило — Фроянов и Юдин

Подруга.

показали, что эти герои былин — родоплеменные вожди. Илья обретает шубу лишь в тех былинах, где уже выступает вождем богатырской дружины Киева («Три поездочки Ильи Муромца», «Илья Муромец на Соколе-корабле») — а место это он занял не без помощи Апраксеи. Былинные же персонажи, не имеющие статуса правителя или, по крайней мере, вождя, этого предмета одежды, такого, казалось бы, естественного в условиях Руси, лишены.

Любопытно, что многим из перечисленных героинь предания приписывают столь же, мягко говоря, легкомысленный характер, который наши былины приписывают Апраксее, прилюдно обнаруживающей свою связь с Тугарином, заигрывающей с Чурилой Пленковичем, пытающейся соблазнить калику Касьяна. В ирландских источниках женское воплощение Страны называют куртизанкой, у Медб из Лейнстера, кроме четырех законных мужей, было множество любовников, «поскольку было в ее обычае, чтобы тень одного мужчины падала на другого», Гвиневера, жена Артура, была неверна ему, и так далее.

Ветреность Апраксеи вовсе не обязательно связывать с конкретной личностью сестры Мономаха Евпраксии, «королевской блудницы», как делал это Б.А. Рыбаков. Это — просто типичный облик супруги правителя, олицетворения непостоянной, ветреной власти, удачи. Характерно, что «руку и сердце» захватившего Киев «татарина» Идолища «легкомысленная» Апраксея решительно отвергает. Так что когда Илья или Алеша говорят о «б... Апраксе-королевичне», это много ближе к современной народной мудрости («политика — б...ское дело»), чем к «королевской блуднице» немецких хроник.

«Распутство» Апраксеи подчеркивалось множество раз. Реже принимается во внимание, что былинная княгиня еще и мудра. Перед сватовством к ней Владимир говорит: «Было бы мне, князю, с кем... думу думати». И он получает именно такую жену — совет Апраксеи всегда мудр, она спасает Илью Муромца от княжьего гнева, она советует помириться с ним, она же, как мы помним, ободряет и поддерживает Владимира, перепугавшегося при известии о нашествии «татар». А когда Владимир не слушает ее, — например, в былине про Ставра Годиновича, где княгиня моментально распознает в «грозном после» переодетую женщину — то попадает в весьма неловкое и даже смешное положение.

Особенно заметно представление об Апраксее как Власти в былине о «бунте Ильи Муромца против Владимира», которые, по ряду признаков, представляются скорее переосмысленным описанием инаугурации или инициации военного вождя. Илья в начале былины устраивает пир, что является посягательством на монополию князя как устроителя пиров и претензией на власть, о чем в ряде случаев говорится открыто: «Я буду завтра в Киеве князем сидеть», «завтра сам буду править княжеством». Илья стреляет по золотым и серебряным «маковкам» княжеского терема, что уже истолковывалось И.Я. Фрояновым и Ю.И. Юдиным как ритуальный вызов князю и магическая атака на него, с чем можно согласиться лишь отчасти. Стрельба по золотым и серебряным мишеням встречается в эпосе в контексте как соревнования за власть (в былине про Доб-рыню и Василия Казимировича стрельба из лука является одним из способов, с помощью которого решается, кто кому будет платить дань — Владимир «поганому»

царю, или тот — Владимиру), так и свадебных ритуалов («Ставр Годинович»). Последнее восходит еще к сказочным сюжетам: выбор невесты с помощью лука и стрел в сказке «Царевна-лягушка», испытание стрельбой из лука, полностью аналогичное былинным, как одно из испытаний, устраиваемых невестой-царевной женихам; в ряде случаев метательный снаряд падает «на терем королевны, что весь дворец пошатнулся», «стрела полетела в Индейское царство и сшибла второй этаж у королевского дворца». В этих случаях сходство с былиной об «бунте» Ильи еще большее. Вообще стрельба из лука как элемент свадебного состязания героя и правителя, брачно-эротический символизм лука и стрел уходят в глубокие слои доиндоевропейской, ностратической или «евразийской» архаики. Для нас особенно любопытно указание британского исследователя Роберта Грейвса на английский средневековый обычай, *по* которому победа в состязании лучников, мишенью в котором служила *золотая или серебряная* монета с изображением *креста* (в ряде вариантов Илья сшибает золотые *и серебряные кресты* с церквей , чтобы устроить на них пир — т.е. превращает их в платежные средства, в *монеты),* а призом — любовь карнавальной «девы Мэрион», Майской королевы и звание Майского короля, карнавального «Робин Гуда»..

Наконец, Илья попадает в подземелье, где его кор-

В этом видят отношение насильственно крещеной Руси к новой вере. Р. Грейвс также полагает описанный им ритуал антихристианским. Возможно, что и в Англии, и в России в подобные сюжеты и вкладывалось впоследствии именно такое содержание, но сами они древнее и крещения своих стран, и христианства как такового — а то и авраамических религий в целом.

мит и поит все та же Апракса. Проникновение в «погреба», в глубь земли, не составляет для нее никакой трудности — *она и есть земля.* Даже когда сказители «задним числом» придумывают какие-то «рационалистические» объяснения ее проникновению в «погреба» (всегда разные, что само по себе говорит об их позднейшем происхождении), Владимиру, отправляющемуся освободить Илью, никогда не удается сделать это тем же способом. Иногда ее заменяет дочь, но это не принципиально — речь в любом случае о женщине княжеского рода. Символично и кормление княгиней Муромца. Старуха по имени Власть угощает Ньяля, будущего короля, водой из волшебного колодца. Про воду эту говорится: «Мягким будет твое питье в королевском роге — хмельной мед и сладкий мед, и крепкий эль». Королю Кон-ну во сне является дева Власть, но не ложится с ним, а *угощает едой и питьем.* После этого заточения Илья становится победителем «татар» и вождем богатырской киевской дружины.

Тот же мотив встречаем в былине «Царь Саул Лева-нидович», где сына заглавного героя «углицки мужики... лукавые» приглашают «царем-королем», но по въезде в город запирают «в погребы глубокие» (Древние Российские стихотворения... С. 77—78). Возможно, речь и здесь о ритуале инициации вождя, правителя, непонятом позднейшими сказителями. Иначе совершенно непонятно, отчего выпущенный на волю и снабженный оружием пленник не спешит расквитаться с коварными плените-лями, не уходит попросту на все четыре стороны, предоставив их своей судьбе, а едет защищать «углицких мужиков» от подступающего к городу врага.

Здесь необходимо присоединиться к В.В. Чердынце-

ву, видевшему в этом сюжете «обычай заточения будущего вождя», который «широко распространен в раннем родовом обществе».

Схожий мотив мы встречаем в скандинавском эпосе — в саге о Стюрлауге Трудолюбивом, и в саге о Волсунгах, откуда, как предполагают ученые, данный мотив и попал в первую сагу. В саге о Волсунгах этот мотив также может быть истолкован как конечный этап инициации Сигмунда и Синфьотли как воинов и вождей. Показательно, что во время заточения в кургане, носящего, как и в случае с Ильей, черты погребения заживо, заточенным помогает *женщина,* сестра одного из них, мать другого и *жена короля-конунга.*

Наконец, показательно отношение к княгине богатырей и киевлян вообще. Это отношение весьма ясно обрисовано в той же былине о сватовстве Владимира: «Аще вам, молодцам, было б то кому *поклонятися»,* «И всему красному городу Киеву было бы кому *поклонятися».* Илья Муромец, который после заключения в погребе «оцьми низвел» на князя, покидает погреб и берется за оборону города лишь по просьбе княгини.

Апраксея былин не имеет ничего общего с летописной Евпраксией. Если уж обязательно связывать ее с летописным персонажем, то лучше всего подойдет жена того, древнего Владимира из Иоакимовской летописи: «Владимир... имел жену от варяг Адвинду, вельми пре-красну и мудру, о ней же многое от старых повествуется и в песнех восклицают». Как видим, все сходится: Ад-винда «от варяг», и Апраксея из земли Поморянской - (Ляховецкой, Политовской). Адвинда прекрасна и мудра, Апраксея наделена обоими этими качествами в избытке. И главное, Адвинда, судя по Иоакимовской ле-

тописи, являлась героиней многочисленных эпических сказаний («Многое от старцев повествуется и в песнех восклицают»). А изменение имени не должно удивлять — в XIX—XX вв. в эпосе постоянно шла смена имен, древних, непонятных на знакомые православные. Убийца Чурилы Пленковича Бермята превращался в Ермила, Хотен в Фадея и Фотея, Саксон Колыбано-вич, предшественник Муромца на посту главы киевской богатырской дружины, в Самсона Самойловича, царь загадочной «земли Алыберской» Саур Ванидович в Саула Леванидовича. То же самое могло произойти с живой богиней Земли и Власти, супругой Владимира свет Славьевича Красное Солнышко, Адвиндой. Еще одну параллель былинной Апраксе составляет Остасия или Остансия, жена «короля Гертнита» , которая «была красивейшей и мудрейшей из женщин». В «Тидрек саге» она изображена чародейкой, помогающей своему мужу-славянину отстоять «королевство» от готов и гуннов.

Невыясненным остается вопрос о *нескольких* наложницах «царя русов» и единственной Апраксе-Адвинде-Остасии в эпосе. В ряде былин упоминается Марфида (Малфрида?) Гориславна как другая жена Владимира. Федор Иванович Буслаев упоминает 12 жен былинного Владимира, но мне не удалось отыскать в текстах былин упоминания о них. Однако обращает на себя внимание

---

[1] По мнению А. Веселовского, видного специалиста по русскому эпосу, Гертнитом (от *Hreidnid — славный) в скандо-германских преданиях именовали эпонима (легендарного героя-прародителя) славян Слава или Всеслава. Былинному Владимиру Всеславичу Красному Солнышку в западном эпосе соответствует «конунг русов Вальдемар, сын Гертнита», современник Ат-тилы и Теодориха, ничего, повторюсь, не имеющий общего с Владимиром Крестителем, кроме имени.

опять-таки четырехкратность числа былинных жен (вспомним сказанное выше о правителе как воплощении идеи Центра). Возможно, каждая из жен или наложниц соответствовала покоренному племени или земле (отдельные роды или общины, как уже было сказано, отделывались символизировавшим невесту откупом в виде куньей или беличьей шкурки). Ясно тогда, отчего былинный король, отец Апраксы, столь решительно отказывался выдать ее за чужака, т.е. признать таким образом свой «вассалитет», зависимость от Владимира. Обращает на себя внимание явная параллель с 12 женами первого правителя Великоморавского государства Само и 24 наложницами князя балтийских славян-поморян.

Да и с пирами все не так уж просто. Ижевский исследователь С. Козловский указал, что хмельное питье было зримым воплощением магической удачи, своего рода Языческой благодати, и былинный князь Владимир, имевший монопольное право подносить чару богатырям, оказывается, ведал распределением этой таинственной силы. То есть опять-таки выступал как жрец. К жреческим же обязанностям относят многие исследователи русского эпоса и поручения тому или иному богатырю (Потыку, Сухману, Ловчанину) доставить к княжьему двору «Лебедь белую» или какого-нибудь «лютого зверя» «живым, не кровавленным» — не иначе как для жертвоприношения.

Как видим, в памяти русского народа сохранился достаточно убедительный портрет священного верховного правителя, резко отличного от дружинного вождя летописных времен.

Так что аналогия с вершиной пятеричного кастового общества у нас есть. Теперь следует перейти к жречеству.

Часто можно встретить в книгах и статьях самых различных авторов утверждения, будто никакого жречества в древней Руси не было, а были «только» волхвы, являвшиеся не то деревенскими ведьмаками, не то и вовсе приблудными «финскими» шаманами.

Начнем с тех, кто пишет, что волхвы были «просто» колдунами, а не жрецами. Действительно, «волхвы» времен Алексея Михайловича, которых в указах поминали между скоморохами и «бабами-ворожеями», или «волхв Дорофейко» петровской эпохи и впрямь не более чем колдуны. Но всегда ли было так? Для тех, кто верит в пресловутую «эволюцию», в то, что жрецы и священнослужители когда-то «произошли» от колдунов и знахарей, это, конечно, доказательство. Раз уж в начале Нового времени «волхвы» были простыми колдунами, так понятно, что в X веке они «не могли» быть ничем иным.

Только вот нигде нет примеров того, чтобы знахарь,-колдун превратился в жреца. Зато есть обратные примеры. Слово «маг», в древней Персии обозначавшее жрецов, превратилось в название средневековых колдунов, а там — перешло на цирковых фокусников — маг Игорь Кио , скажем. Точно так же в современном ирландском языке колдун — drui. Слово это происходит от древнего названия могущественной касты кельтских жрецов-друидов. При чем тут, спросит читатель, маги и друиды, мы ведь говорим о волхвах?! Да хотя бы при

Я бы охотно счел это превращение — от жреца к цирковому фигляру — примером самой поразительной деградации, если б не был знаком с некоторыми современными «волхвами» из неоязыческого движения и изображением волхвов в «славянской фэнтези». Увы, сравнение судеб персидского и славянского слов — не в нашу пользу.

том, что евангельский злодей, то выдававший себя за мессию, то пытавшийся купить у апостолов благодать, которого латинские переводы называют Симоном Магом, а ирландские книжники — Симоном Друидом, в славянском переводе стал Симоном *Волхвом.* В русской литературе Средневековья слова «волхв» и «жрец» употребляли как равнозначащие и взаимозаменяемые: царь Охозия в русском переводе библейского предания «послал къ идолу Ваалу и къ *жрецомъ* его спросити: буду ли жив или умру? Посланные шли спросить *вол-хвовъ...».* В «Великих Четьях-Минеях»: «Старейшина *волхвом* введе я (ее. — Л.П.) в церковь идольскую[1] и понуди я отрещися Христа и поклонитися идолам». Как видно, что волхв, что жрец — для русского книжника все равно, различия между этими понятиями он не делает. В «Сказании об основании града Ярославля» в святилище Волоса приносил жертвы и гадал волхв. Смело можно предположить, что, как и в случае с магами и друидами, первым значением этого слова было не «колдун», а именно «жрец», «священнослужитель». Тем более что само слово «колдун» в других славянских языках обнаруживает сродство с делами, далекими от сельской ворожбы и заговаривания больных зубов: по-хорутански калдовати — приносить жертву, калдова-нец — жрец, калдовница, калдовнище — жертвенник. В.В. Колесов так прямо и пишет в своей книге «Древ-

---

[1] Любопытно, что «церковью» здесь называют Языческий храм. Подобное встречается и в русском эпосе. Так, в одной из записей былины «Илья Муромец и Калин-царь» княгиня говорит перепуганному появлением «татарского» посла Владимиру Красному Солнышку: «Ты пойди-тко-сь во божью церковь, И ты молись *Богам* нашим могуциим».

няя Русь: наследие в слове»: «Колдун — именование Языческого жреца, приносящего жертвы».

Между прочим, привычка смотреть на священнослужителя свергнутой религии как на колдуна не оставила людей и в не столь далекие времена, в просвещенной Европе. Тайлор в «Первобытной культуре» сообщает нам, что жители протестантских стран — Германии, Англии — смотрели на католических священников и монахов как на могучих чудодеев, способных помочь там, где свой, протестантский, пастор оказывался бессилен — унять буйство полтергейста, отвадить покойного дядюшку Вилли от вредной привычки выть и скрестись в двери скорбящей родни лунными ночами, усовестить эльфов, повадившихся заводить в трясину коров...

Бедные патеры попросту разделили судьбу, постигшую магов в зороастрийском Иране, друидов — в католической Ирландии, и, надо думать, волхвов в православной Руси. Продлись Средневековье еще столетья три, и мы бы сейчас гадали, не является ли римское «патер» — священник — производным от германского «патер» — колдун. И эволюционисты бы в это свято верили!

Надо еще сказать несколько слов о гипотезе «финского» происхождения летописных волхвов, высказанной еще в начале XX века и с тех пор часто всплывающей в литературе, как сугубо научной, так и популярной. Оснований у этой теории, собственно, два — согласно «Повести Временных лет» во время богословской беседы с воеводой Янем Вышатичем пленные волхвы рас-сказали-де ему «миф» о творении мира, очень напоминающий мордовские легенды, записанные в XIX веке. Нашли также сходства и в обряде, которым два волхва

из Ярославля (те самые, взятые в плен Вышатичем) выявляли «прячущих гобино» (так называли магическое благополучие, причину урожая) «лучших жен» с обрядом подготовки к Языческому празднику у той же мордвы. Иногда эти сопоставления даже выдаются за «давно доказанные».

На самом деле все это, что называется, вилами по воде писано. Начать с того, что летописный рассказ о богословской беседе княжеского воеводы с пленными мятежниками вызывает большие сомнения — с чего бы? В переданных летописцем «речах волхвов» они сначала рассказывают какой-то «миф» с фигурирующим в нем «сотоной», и более всего напоминающий христианский апокриф, отдающий болгарской ересью богомилов. Похожие легенды были известны и в Сербии, и на Украине — в местах, весьма далеких от каких бы то ни было «финно-угров». Далее, на вопрос воеводы: «Кто ваш Бог», волхвы вдруг заявляют: «Антихрист (который. — Л.П.) сидит в бездне». Наконец, парой строк спустя, воевода спрашивает: «Что сказали вам Боги?» Так Бог с «сотоной», «Антихрист» из бездны или Боги? Скорее всего, прав был советский историк Тихомиров, утверждавший, что летописец излагал Языческие воззрения «в нарочито карикатурном виде», и обвинявший летопись в «подлоге». Что до обряда, то тут бы нашим ученым не хвататься за поверхностное «сходство» летописного описания с мордовским обрядом, а изучить вопрос подробнее — есть ли такой обряд у других финских племен, не общавшихся со славянами? Ведь, по меньшей мере, равновероятно и заимствование этого обряда мордвой у славян. Однако на самом деле, как отметил в «Поэтических воззрениях славян на природу» еще

Афанасьев, не наблюдается и достойного внимания сходства: «Мы, со своей стороны, не усматриваем в этом описаний ничего общего с летописным рассказом: в мордовском обряде укол ножа представляет не более как символическое действие, и самый обряд этот имеет це-лию собрать припасы для общественного жертвоприношения, какое совершается в благодарность за дарованный Богами урожай. Летопись же говорит о действительном избиении жен, заподозренных в похищении гобина». Точно так же в болгарской песне герой рассекает тело ведьмы-ламии. Из разрубленного тела тремя реками бегут зерно, вино и мед, отнятые у людей злодейкой. Сама история о двух волхвах, странствующих от Ярославля к Белоозеру по округам-«погостам» и возвращающих им благополучие-«гобино» путем, рассечения «лучших жен», очень напоминает одну русскую сказку. В ней поп вместе с превратившимся в другого священника «святым Николой» (православной заменой Волоса, кумир которого стоял в Ярославле) ходит по «царствам», в которых царит «печаль великая» из-за болезни или «беснования» «царевен», и исцеляют последних, рассекая на мелкие части в бане, промывая в котле и, воскрешая к новой жизни. Когда поп по жадности решился взяться за дело в одиночку и не сумел оживить рассеченную «царевну», его даже повели вешать — как повесили в конце концов плененных Вышатичем волхвов. И если в сказке «Никола»-Волос спас непутевого и жадного спутника, то в летописи Волос в образе своего священного зверя-медведя лишь похищает тела казненных, да и «царевны» — лучшие жены погостов — по летописи, не воскресали. Ну а какая из версий ближе к истине — как знать?

Какие еще доводы в пользу «финского» происхождения волхвов? Культ медведя у уральских племен — но медведь и у славян был священным животным, как и у финно-угров, связанным с загробным миром. Больше того, медведи изображаются даже на Языческих надгробиях Англии эпохи викингов, где, уж конечно, про финнов разве что слышали. По-видимому, вообще бесполезно доискиваться, кто у кого перенял культ медведя — черепа пещерных медведей заботливо сохраняли в каменных ларях еще неандертальцы; они же делали глиняные (с настоящими черепами) идолы могучего зверя.

Еще один «довод» сторонников финского происхождения летописных волхвов — в одной из летописей они названы «кудесниками», а это слово происходит-де от «кудесы» — бубен, а бубен якобы славянам был неизвестен и перенят ими у финских племен в XV веке. При этом ссылаются на Фаминцына, автора, конечно, почтенного, но писавшего более века назад. Уже в его время Любор Нидерле называет бубен среди «инструментальной основы славянской музыки»; упомянут бубен, вместе с гуслями и гудками, в Киево-Печерском Патерике XI века, причем миниатюра к сказанию изображает именно прекрасно известный нам инструмент.

Более всего против «финского» происхождения волхвов говорит их роль в летописных событиях. Роль эта будет подробна рассмотрена ниже, но сразу скажу — немыслимо представить на месте волхвов презренных «мордовичей» или «чухну», постоянных покорных данников славян. Судя по русскому эпосу (сошлюсь на мое же исследование «Этнос и раса в былинах»), финское население заселяемых славянами лесов, как и степняков, русичи за людей не считали. Русская девушка, бегущая

из татарского плена в балладе «Полонянка», услышав от перевозчика- «мордовича» предложение руки и сердца в обмен на перевоз и спасение от настигающих татар, предпочитает броситься в реку и погибнуть. В Кировской области, по воспоминаниям хорошего знакомого автора этих строк, еще в 80-х годах прошлого столетия потомки русских, новгородских переселенцев в Кировской области, брезгливо сторонились жителей деревенек, населенных русскоязычными потомками крещеных «вотяков»-удмуртов и «черемисы»-марийцев, а в Удмуртии, при коллективизации, русские крестьяне не желали объединяться в один колхоз с удмуртами-односельчанами и требовали создания отдельных хозяйств. Как видим, презрительное отношение к финно-угорским племенам сохранялось веками даже после тысячелетней проповеди церкви с ее «нет ни эллина, ни иудея». Можно ли поверить, чтоб тем же презренным финнам вдруг начинали оказывать такое почтение, которое в летописях и у ибн Русте русы выказывают своим волхвам?

Самое первое упоминание о славянских жрецах относится к VI веку. Византиец Фофилакт Симокатта рассказал о трех славянских послах-гуслярах, прибывших к императору Маврикию. Они поведали, что народ их живет «на краю Западного океана», что, очевидно, обозначает Балтийское море — ни к какому другому «Западному океану» поселения славян не выходили. Спустя полтысячи лет без малого византийцы будут там же, «на дальнем берегу Океана», располагать родину своих «ва-рангов» — варягов, балтийских славян-вендов, служивших в армии императора (в Западной Европе византийских «варангов», которых, как я уже говорил, как и по-лабских славян, звали в Европе «вандалами»). Послы

рассказали, что «кифары (гусли. — Л.П.) носят потому, что не привыкли облачать свои тела в железное оружие — их народ не знает железа, и потому мирно и безмятежно проходит у них жизнь... Тем, для кого война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным занятиям».

Этот рассказ породил среди историков множество толков. Были времена, когда его полностью и без сомнений приняли на веру. Один из отцов норманнской теории, Август Шлецер, скажем, и так считал славян — да не VI, а IX века! — настолько дикими, что они и дань-то платили шкурами белок и куниц лишь оттого, что у них «не было орудий для охоты на медведя». Почтенный немец, всю жизнь проведший в библиотеках и университетских аудиториях, вряд ли догадывался, что для охоты на медведей как раз нужны более простые орудия, чем для добычи мелких и шустрых пушных зверьков, и сама медвежья охота на добрые сто тысяч лет (те же неандертальцы) старше беличьей. Но в такую, с позволения сказать, концепцию, славяне, не знавшие-де железа в конце VI столетия, вполне укладывались. Да что немец Шлецер, если век спустя поляк Юзеф Кра-шевский в романе «Старое предание» на полном серьезе описывал ушлых немецких купцов, в том же IX веке продающих славянам, предкам поляков, металлические вещи, рассказывая, будто их делают подземные карлики-гномы! А старый славянин Виш, в доме которого на почетном месте хранятся каменные молоты и секиры, ворчит: «Будто нет у нас камня, рога и кости...От отцов и прадедов достались они нам в наследство, ими били жертвы Богам, разбивали головы врагам и рога обламывали зверям. Не будь камня, не было бы человека и

жизни на земле... Ваш металл ест вода, и воздух, и земля, а камень бессмертен».

И сейчас, впрочем, мода на славян с каменными топорами вовсе не ушла в прошлое. Вспомните только, читатель, фильм «Тринадцатый воин» с Антонио Бандёра-сом в главной роли. Многие русские зрители даже не осознают, что обитающие в пещерах, размахивающие каменными топорами, одетые в косматые шкуры дика-ри-«вендели» с размалеванными рожами — это венды, славяне в представлении Голливуда конца XX века. Правда, при всем том эти дикари ездят верхом в седлах со стременами, растаскивают на диво хлипкую городьбу поселка викингов *железными* крючьями на веревках... но Голливуд и логика суть вещи несовместные — ну не будешь же всерьез интересоваться, где злодеи-«вендели» держат своих коней в пещерных жилищах, путь в которые пролегает через зыбкий плетеный мостик над пропастью, по которому и пешком-то пройти страшно. Или отчего герой Бандераса, *ара.б-мусульманин* ибн Фоцлан (читай ибн Фадлан, из записок которого сценаристы фильма многое позаимствовали), щеголяет гладко выбритой физиономией (искренне желаю авторам фильма попытаться побрить взрослого мужчину-мусульманина — современного, не средневекового! — лучше в какой-нибудь исламской стране).

Осталось только заметить, что фильм, в котором норманны и мусульманин обороняются от закидывающих их крепость факелами славянских дикарей, снят в те самые годы, когда североатлантические «норманны» из НА ГО, «защищая» боснийских и албанских мусульман, старались «вбомбить в каменный век» славянскую Сербию. Такие вот неакадемические последствия могут

иметь высказанные столетия назад гипотезы ученых мужей.

Другие авторы обратили внимание не на «отсталость» описанных Симокаттой славян, а на их неимоверное миролюбие. Сентиментальному писателю Карамзину рассказ византийца о славянских гуслярах очень понравился, но он все же еще колебался. Зато протестантский пастор чех Шафарик и немец Гердер уверовали в него беззаветно. Гердер, расписывая жизнь славян, утверждает, что они были «щедры, гостеприимны до расточительности, любили сельскую свободу, но вместе с тем были покорны и послушны, враги разбоя и грабежа... они не домогались владычества над миром, не имели жаждущих войн наследственных государей и охотнее делались данниками, если только тем можно было купить спокойствие своей страны». Право, потомку готов стоило б лучше помнить слова гота Иордана, сказанные еще до Симокатты, о славянах, что «ныне по грехам нашим *свирепствуют повсюду»*. Или слова славянского вождя Дабренты, переданные византийцем же Менандром, тоже до Симокатты: «Не отдавать свою землю другим, а *владычествовать над чужими землями* привыкли мы, и в том мы уверены, пока есть на свете война и мечи». Это в том случае, если бесчисленные упоминания немецких и скандинавских источников о славянских набегах на Германию, Британию, Данию, Норвегию и Швецию, о господстве на Балтике свирепых «вендских викингов»-варягов списывать на позднейшее искажение кротких славянских нравов под тлетворным влиянием тевтонов, как то делали славянофилы. Это наивное объяснение, пожалуй, основной недостаток великолепного и, к сожалению, почти не переиздававшегося труда Гиль-

фердинга «История балтийских славян». Разумеется, он тоже отдал дань рассказу Симокатты.

Наконец, когда нелепость рассказов о славянах, вы-шедших-де в раннее Средневековье прямиком из каменного века, и о кротком нраве «голубиного народа» стала очевидна, стали говорить о том, что послы (а то и скрывшиеся под личиной послов разведчики, как полагал Аюбор Нидерле) сознательно ввели в заблуждение византийцев. К этой версии склонился в своем романе «Славянский меч» словак Финжгар. Или же, по новой моде «текстологического подхода», твердили про «стереотип варваров, живущих в Золотом веке».

Мне все же кажется, что варвары не были настолько искусны во лжи, а византийцы — настолько простодушны и наивны. Что до «текстологического подхода», то им можно обесценить любое сообщение любого источника, подогнав его под цитату из библии, «античную традицию» и так далее. Гораздо любопытнее то обстоятельство, что в варварской Европе действительно существовал слой людей, сторонившихся военного дела и самого железа!

В сохранившемся в Англии датском эпосе «Бео-вульф» (кстати, еще одном источнике «Тринадцатого воина») упоминается некий пользующийся доверием правителей Унферт. Доверяли Унферту и прислушивались к его советам вопреки тому, что «с родичами своими в игре железа он был нечестен». В чем же была «нечестность» Унферта? Германский исследователь Геза фон Неменьи полагает, что дело в сане Унферта — «тул», Языческий жрец. Сопровождавшие готское войско жре-Цы, по свидетельству Иордана, лишь пели (!) боевые песнопения, но в бой не вступали. «Церковная история англосаксов» Беды Достопочтенного тоже говорит о за-

прете для жрецов на участие в битвах. Вполне понятно, что позже, в эпоху викингов, такое поведение уже понималось как «нечестное» — а может, сыграло роль и то обстоятельство, что «Беовульф» дошел до нас в монастырских списках. От вольностей монастырских переписчиков пострадал не один источник — чего только стоит порожденный их воспаленным воображением облик античного мира, переполненного мужеложцами! И конечно, не было ничего проще и естественней для такого деятеля, чем объяснить «нечестностью» нечестивого идолослужителя его ритуальное нежелание прикасаться к «играм железа». Те же запреты накладывались на галльских друидов, фламинов римского Юпитера Капитолийского, индийских браминов. Иногда даже запрещалось смотреть на вооруженное войско или... прикасаться к железу! Дж. Фрэзер уделил немало внимания в своей «Золотой ветви» табу для жречества на прикосновение к железу. У римлян и их соседей сабинов жрецы не имели права даже бриться железными бритвами или остригать волосы железными ножницами — только бронзой[1]! Когда в священные рощи вносился железный предмет, надо было принести искупительную жертву. Древний священный мост через Тибр был построен и ремонтировался без железных инструментов — как тут не Вспомнить русские церкви «без единого гвоздя», то есть с минимальным использованием железа! Одна из знаменитых рунных надписей — так называемый камень из Эгьюма — содержит гордое указание, что при ее нанесении к камню не прикасались железом. В средневековой Европе общим местом была неприязнь таящегося среди холмов и пустошей «Древнего», «Волшебно-

---

У славян бронза употреблялась слабо — не в этом ли секрет длинных волос и бород славянских волхвов и жрецов?

го», «Языческого» народа к «холодному железу». Напомню, читатель, только один рассказ из киплинговско-го сборника «Подарки фей», который так и называется — «Холодное железо». В Ирландии этим народом стали ушедшие в волшебные холмы от завоевателей гой-делов Туата де Данан — как мы помним, читатель, ми-фоэпический аналог жрецов-друидов. Стоит заметить, что Волх свет Славич, Волх сын Славена из новгородских былин и преданий, предок-эпоним[1] волхвов, хоть и предстает охотником и вождем дружины, однако ни разу не берется за оружие — «рубит-сечет» добычу и врагов его дружина. Сам же Волх на охоте загоняет добычу, оборотившись последовательно соколом, туром и щукой, на войне в облике волка и горностая производит разведку, двери в убежище врага вышибает ногой, не прибегая к оружию. Наконец, с самим врагом, Санталом, расправляется Волх опять голыми руками — ударяет его «о кирпичей пол».

О связи Языческого жречества с певческим искусством вряд ли особенно надо распространяться. Песни были одним из основных способов хранить священное Знание о Богах и обрядах. В «Слове о полку Игореве» гусляр Боян назван Вещим и «внуком» Велеса-Волоса, бога Волхвов. В «Голубиной книге» упавшую с небес книгу, содержащую все тайны мироздания, толкует царь-гусляр Давид, а в самых архаичных, сохранившихся в глухих углах Сибири, вариантах — вещий Калига. Польское «гусла» — колдовать, «гусляж» и «гусляр-ка» — колдун и колдунья, лужицкое «гуссловач» —

Эпонимом называется фигура предка группы людей — народа, племени, города, сословия — *по* которому эта группа получила имя. Скажем, братья Лех, Чех и Рус из известного сказания — эпонима, соответственно лехов-поляков, чехов и русов.

Языческий обряд, жертва, колдовать, «гуссловар» — ведун, литовское «гослус» — чародейство. Разумеется, надо вспомнить и Садко из былины, одной игрою на гуслях вошедшего в близкое знакомство с Языческим Божеством — Морским Царем. Языческое значение игры на гуслях прекрасно понимала церковь, с Феодосия Печерского сурово осуждавшая ее, а во времена Алексея Михайловича наконец добившаяся истребления гуслей в государственном масштабе.

Пение готских жрецов нам уже знакомо, у галлов певцы-барды пользовались почтением наряду с друидами, входя вместе с ними в жреческую касту. Со жречеством связаны ведические певцы-риши, эллин Орфей, учредитель Элевсинских мистерий и великий певец.

Наконец, появление не прикасающихся к оружию и железу гусляров на дипломатическом поприще находит подобие и у кельтов, где жрецы-друиды часто выступали в роли послов, и в крещеной Руси, где послами оказывались христианские попы.

Итак, вполне вероятно, что описанные Симокаттой загадочные славянские гусляры-послы, сторонящиеся железа и не участвующие в войнах — это впервые упомянутые славянские жрецы-волхвы. Очень показательно, что происходят они с «края Западного океана», из мест, где стояли главные святилища славян — Аркона на Рюгене и Радигощ, иногда неправильно называемый Ретрой. Еще в XI столетии два века как крещеные чехи посылали в эти святилища за предсказаниями и советом. «Остров Буян» русских сказок и заговоров — тот же Руян. Четырехликие изваяния, подобные истукану Свен-товиту Арконскому, находят по всей Славянщине — на Украине, в Беларуси, в Болгарии, в Рязани. Точно так же распространены и обряды, описываемые немецкими

хронистами в Арконе. И в Болгарии, и на Украине домохозяин прятался за горку пирогов, как жрец в Арконе за священный каравай, спрашивая, не видно ли его, и желая, чтобы на следующий год было не видно. И на Руси девушки гадали, водя коня через принесенные парнями ослопы, как в Арконе — через копья, разве что гадали не об успехе боевого похода, а о замужестве. Еще занимательней наблюдение археологов Русановой и Тимощука. Оказывается, система расселения, при которой славянские жилища собирались вокруг святилища — места на возвышении без культурного слоя (так в археологии называют следы постоянного проживания людей на одном месте — отходы, обломки, потерянные вещи, всяческий сор) и зачастую защищенного чисто символически, очень небольшими валами, со следами постоянно поддерживаемого огня, возникла сперва в VII веке у прибалтийских славян, а уж потом распространилась на все славянские земли. Очевидно, Варяжский берег — «поморье Варяжское за Гданьском», как, напомню, выражался летописец — и впрямь был средоточием славянской Веры.

Что до Руси, то описанные в наших летописях волхвы выглядят просто двойниками варяжских жрецов, как тех описывают немецкие монахи-хронисты, и тех «знахарей», которые, как писал безвестный перс IX века, автор географического труда «Худуд-аль Алем», пользуются у русов большим почтением. В X столетии Ибн Русте развивает тему; «Есть у них (русов) знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их (русов) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если зна-

хари приказывают, то не исполнить их приказания никак не возможно... и они говорят, что так повелел бог».

Судите сами — в западных хрониках говорится, что балтийские славяне-варяги «жреца почитают больше, чем короля», «король у них, по сравнению со жрецом, пользуется меньшим почтением». И в летописях сказано, что против волхвов в XI веке осмеливались выступить только князья да княжьи воеводы, и то — крещеные пришельцы с лесостепного юга (между тем, кстати, финнов никто особенно не боялся — да и с чего бояться собственную кормушку, основной источник дани?). До крещения же даже великий князь Вещий Олег покорно выслушивал грозные пророчества волхвов. Показательно, что из многих подробностей рассказа о его смерти, коим так любят находить «фольклорные параллели», якобы свидетельствующие о ложности летописного предания (будто фольклор не отражает действительность, будто описание какого-то события в фольклоре делает его невозможным), упускают одну, ни фольклорных, ни литературных подобий не имеющую, и оттого-то самую достоверную. Олег *едет к волхвам, чтобы узнать, когда и как он умрет.* Одд из скандинавской саги, с которым Олега чаще всего сравнивают, буквально отбивается от такого пророчества — и это и литературно, и чисто по-человечески гораздо достовернее и понятнее. Нигде в преданиях и сказках не встретишь человека, который всерьез захотел бы узнать день своей смерти. Объяснить это можно лишь одним образом — Олег *должен* был узнать срок своей смерти у жрецов, ибо именно они определяли этот срок — а может быть, и вид смерти. Любопытно и упоминание в некоторых летописях о смерти братьев Рюрика, а иногда и его самого, от укуса змеи. Вкупе со смертью Олега это наводит

на мысль о *ритуале* ухода утратившего свою божественную силу вождя — вроде тех, что описаны у Мэри Рено в романе «Тезей», и отразился в европейском предании о родовом роке знатных семей. А экспертами в вопросах ритуалов, рока и утраты вождем связи с Богами выступали, понятно, жрецы.

Далее, именно жрецы выбирали жертвы, в том числе человеческие, у балтийских славян. И именно волхвы в XI веке выбирают во время голода в Ростовской земле жертвы среди жен местной знати, «старой чади», тех, кого следует убить, дабы возвратить «гобино» — плодородие земли, удачу охотников. И никто из местной знати „не пытается противиться этому, покорно приводя к жрецам сестер, жен, дочерей (только представить себе, ЧТО бы сделали с финном, явившимся к славянскому старейшине с предложением принести в жертву его сестру или жену!). Даже схваченные, связанные, едва живые от пыток, жрецы, похоже, продолжают внушать страх — княжеский воевода Янь приказывает родне принесенных в жертву мстить. Без приказа те не отваживаются поднять руку на пленных, связанных, истерзанных воеводскими палачами кудесников. Кстати, и сам воевода тоже не спешит казнить волхвов, предпочитая расправиться с ними чужими руками.

Наконец, когда в Новгороде появился волхв, «творя-ше ся аки Бог», то за ним поднялся весь город. Подчеркиваю, читатель, *весь*. А если непонятно, почему я делаю на этом такой упор, напомню, что политическая история Новгорода началась словами «и восста род на род; и не бысть в них правды», а заканчивается междоусобицей сторонников Аитвы и Москвы, конец которой положил лишь приход Московского войска. Так что единодушие пошедших за волхвом новгородцев — это

через сто без малого лет после кровавого крещения «огнем и мечом»! — само по себе беспримерно (и снова совершенно невероятно представить в роли всенародного вождя презренную «чухну белоглазую»). За епископа встал лишь пришлый князь, черниговец Глеб Святославич со своей южной, вполне возможно в основном тюркской, дружиной.

В «Сказании об основании града Ярославля» говорится, что слова волхва воспринимались как слова самого Волоса. А про другого волхва некие «невегласи»-невежды (так иногда называют русские книжники язычников-соотечественников) еще в XVII веке уверенно рассказывали, что тот «в Боги сел»! Кстати, что самое любопытное, с «Божественным» статусом волхвов «соглашались» и православные авторы — естественно, с существенной поправкой на свой взгляд на природу Языческих Божеств: «волсви — плотяные (воплощенные. — Л.П.) бесы суть».

Но и в славянской Прибалтике жрец, обращаясь к славянину, мог заявить: «Аз есмь твой Бог, аз есмь тот, кто облекает луг травою и растения листвой, в моей власти дать плоды нивам и деревьям, приплод стадам и все, что служит на пользу людям; все это я даю почитающим меня и отнимаю от отвращающихся меня».

Вот это и есть летописное — «творяше ся аки Бог» .

---

[1] Между прочим, сходство летописных русских волхвов с жрецами балтийских славян столь велико, что есть соблазн истолковать в этом смысле загадочный «доместиков двор» в Киеве времен Ольги. Дело в том, что доместиками зачастую латинские авторы называли жрецов балтийских славян. Почему русский летописец выбрал для киевского жреца латинское слово? Да потому же, почему называл язычников латинским по происхождению словом «поганые» (вместо греческого «этникои»), а ино-славных христиан — еретиками, а не гетеродоксами.

Между тем Фрэзер передает слова современных ему индусов «Миром правят Боги, Богами — мантры, а мантрами — брамины, поэтому брамины — наши Боги». Тогда же в Индии говорили: «Кто прогневит Бога, того защитит брамин. Но того, кто прогневит брамина, не защитят даже Боги». Исследовательница кельтских друидов Франсуаза Леру пишет, что в глазах соплеменников «всякий друид был Богом» (вспомним Богов и Богинь среди племени друидов, Туата де Данан из ирландских сказаний). Так что отношение русов арабских источников, варягов-руси летописей и полаб-ских славян к своим «знахарям», волхвам, жрецам полностью совпадает с обычаями кастовых обществ иных индоевропейских народов. Могли ли внушать такие же почтение и страх выборные должностные лица общины, вроде скандинавских годи или большинства жрецов Эллады классической эпохи? Заметим, кстати, что ни тем, ни другим обыкновенно никаких сверхъестественных (и тем более — божественных) качеств не приписывали. Еще бы — это же были свои, вчерашние соседи, насквозь известные и знакомые, ну разве что уважаемые чуть больше, других. Что до сообщений о «выборах» жрецов в городских святилищах балтийских славян (точнее, в торговом Вольте), то можно предположить, что, как и князей на Руси, или, по сообщению Константина Рожденного в Пурпуре, у хорватов, жрецов этих выбирали из одного рода, и существованию жреческой касты это никак не противоречит.

Если для человека княжьего рода было немыслимо никакое применение своих сил, кроме власти, если жре-Цам запрещалось прикасаться к железу или к оружию, то не менее строгие запреты существовали для знатных

воинов. И прежде всего это касалось, конечно, запрета на любое участие в производительном труде. Противники существования каст — и даже вообще четкого разделения труда в древнерусском обществе — любят ссылаться на замусоленный миф, лелеемый околопатриотическими публицистами, о главном заступнике земли Русской: деревенском мужичке, бросавшемся при первых тревожных криках набата к сундуку, в котором лежат шишак, меч-кладенец и хрестоматийная «короткая кольчужка», в которой он через час-другой вступит в смертное единоборство с поганым степняком или немецким псом-рыцарем. Вне родной для этого персонажа среды лакированных миниатюр под Палех это выглядит так: «Защиту родной земли от внешних врагов осуществляли те же люди, что и производили материальные ценности». Такие выводы очень легко даются тем, кто в последний раз дрался в детском саду, а с земледелием был знаком исключительно по собственному огороду, и то вряд ли. Как, интересно, по мысли этих исследователей, человек должен был поддерживать боевую форму (в качестве ликбеза — минимальная форма рукопашного бойца нарабатывается месяцами, а теряется напрочь через неделю, проведенную без упражнений) и одновременно пытался бы прокормить себя и свою семью в нечерноземной «полосе рискованного земледелия», имея только этот источник не дохода даже — пропитания (ну и одежды заодно — про «лен-конопель» и все хлопоты, связанные с превращением этой травки в одежду — а другой нет и быть не может — не надо забывать).

Я уже говорил о словах великого князя Святослава Игоревича про «Мужей Крови», непохожих на «ремесленников, в поте лица своего добывающих средства к

существованию». И приводил оценку деятельности будущего святого Феодосия его родней — когда паренек пытался работать в поле вместе с рабами или печь хлеб: «Укоризну творишь себе и роду своему!» Русская летопись полна примеров, разрушающих миф о могучем земском ополчении напрочь. В 1071 году у города Белоозеро двенадцать отроков — *младших* дружинников — во главе с княжеским воеводой Янем Вышатичем сошлись с тремя сотнями взбунтовавшихся смердов. Смерды были обращены в бегство, единственной потерей воеводы стал... походный поп. Пошедший «за волхва» Новгород — вот уж где, казалось бы, боевое искусство общинников регулярно оттачивалось в побоищах, в которые зачастую перерастало вече! — вовсе не торопится атаковать князя с дружиной — единственную защиту епископа. Во времена Святослава Игоревича осадившие Киев печенеги равнодушно любуются столпившимся на том берегу ополчением — и обращаются в паническое повальное бегство при известии о возвращении княжеской дружины. Другой князь-воин, праправнук Святослава Храброго, Владимир Мономах на знаменитом Любечском съезде в выступлении перед сородичами-князьями, уговаривая их пойти на половцев, в ответ на ворчание, что лошадям будет трудно в весенней степи, восклицает: «Лошадей вам жаль, а смерда не жаль ли?!», и рисует облик беззащитного пахаря, который, вне сомнения, будет убит и ограблен половцами, если тех не прогонит в степь княжья дружина. И совершенно не важно, какое конкретное юридическое наполнение вкладывалось в те дни в слово «смерд» — ученые сломали немало копий в этих спорах; любопытствующих отошлю к трудам Игоря Яковлевича Фроянова. В конце

концов Мономах скорее всего и сам не очень придерживался юридической точности в своих выступлениях. Его современник, князь, как-то поименовал смердами население города Киева — и ничего. Суть выступления Владимира Всеволодовича в другом — пахарь, как бы он ни назывался, беззащитен без дружинника!

Да на что вообще могла понадобиться русским городам вся эта спесивая, буйная, агрессивная вольница дружинников, сегодня воюющая под одними знаменами, а завтра оказывающаяся под другими, желающая есть и пить с золота и указывающая зачастую князю, что и как делать, если бы ополчение было боеспособней или хотя бы при очевидном численном перевесе сравнимо в боеспособности со «сведомыми кметями»?!

Если уж летописи наших историков не убеждают — так отчего бы поборникам поголовного героизма «народа» не послушать глас народа — те самые былины, которые народ если и не создал, то сохранил?! Стоит «дружинушке хороброй» удалых святорусских богатырей покинуть Киев — и на горизонте появляются всевозможные полчища, и князь Владимир Красное Солнышко ударяется в панику — а ведь ушли-то только богатыри! Население Киева, те самые «чернедь-мужички», которых, как правило, собирается «повырубить» ворог, на месте. Чего проще — создавай из них могучее народное ополчение и бей очередное Идолище Поганое. Однако вместо этого и Владимир, и даже Илья пускаются на поиски дружинников-богатырей, не помышляя о боеспособности «простого народа». Может, радетелям «народности» стоит уважать их мнение — и мнение поколений самых что ни на есть народных певцов и сказителей, веками хранивших былины? Что до версии, по

которой богатыри есть представители «вооруженного народа» — позвольте не обсуждать ее всерьез, читатель. Просто вспомните, что сказал Саксон (позднее в былинах это имя заменили на христианское Самсон), глава киевской богатырской дружины, покинувшей князя после бессудного заточения Ильи «во погреба во глубокие» тому же Илье, когда тот призвал его и прочих богатырей «постоять за веру, за отечество», вернуться в Киев, спасти стольный град от разорения ордами Калина царя:

> Да не будем мы стоять за веру, за отечество... У него
> (Владимира. — Л.П.) ведь есте много
> да князей-бояр,
> Кормит их и поит, да и жалует, Ничего нам нет от
> князя, от Владимира.

«Ничего нам нет от князя» — а стало быть, входи, враг, в стольный город, жги храмы, руби горожан... кто-то хочет сказать, что эти люди и впрямь ополченцы? Вооруженные представители «земли святорусской»? Или перед нами голос представителей воинской *касты,* которым нанес оскорбление местный правитель — и которые знают, что найдут себе радостный прием у любого вождя? Богатырь Дунай заявляет, что служил «семи королям во семи ордах». И он вовсе не исключение, вопреки Проппу. Исследователь возмущенно вопрошает, можно ли представить себе на месте Дуная Илью Муромца, но в былине про встречу Ильи с дочерью главный богатырь наших былин сам отвечает на этот вопрос: «А служил я у короля у Тальянского».

А вот когда киевские богатыри узнали, что в плен к Калину попал Илья (тот улучил возможность выпустить в сторону богатырской ставки стрелу) — тут-то киев-

ское богатырство и взвилось. Нет, никакой «патриотической сознательности» в них не проснулось. Былина излагает все со средневековой откровенностью: «Мне от крестничка да любимого пришли подарки да нелюбимый». Ни слова о «земле Святорусской», граде Киеве, князе Владимире. *Наш* в беде! *Наш* в плену! Это важнее осажденного города, важнее жизней киевлян — *наш* в опасности!

Это — народное ополчение? Или все же каста? Как по вашему, читатель?

Часто указывают на таких былинных героев, как Илья Муромец и Микула Селянинович — смотрите! Простой, крестьянин в наших былинах становится главным богатырем киевским! Смотрите! Другой крестьянин оказался сильнее князя с дружиной!!!

Я не буду рассказывать, что В.Ф. Миллер и Б.М. Соколов давно и прочно доказали, что Илья стал «крестьянским сыном» очень поздно, по воле крестьян-сказителей — точно так же, как «превратились» в выходцев из простого народа рыцарь Родриго Руас де Бивар по прозвищу Сид, герой испанских «романсеро», и сэр Роберт Фиц Ут, граф Хантингтон, по прозвищу Робин Гуд. Установлено даже примерное время, когда это произошло, — начало—середина XVII века... Впрочем, все это я подробно разобрал в своей работе, посвященной былинам. Не буду я также и повторять своих доводов о совершенно некрестьянском облике и поведении Микулы Селяниновича, вышедшего на пашню с сохою, отделанной серебром и золотом, в пуховом колпаке, куньей шубке (вспомните, что говорил я о символизме этого предмета одежды) и сапогах зеленого сафьяна на

высоких каблуках. Этому я тоже посвятил немало страниц в работе о былинном эпосе русского народа.

Я даже не буду говорить, что из былин, на которые ссылаются мои оппоненты, можно с той же легкостью вывести обыденность и нормальность для древней Руси превращения калеки-паралитика с тридцатитрехлетним «стажем»[1] в могучего воина или способности идущего за плугом пахаря три дня удерживать дистанцию между собой и нагоняющими его конниками. Даже в своем сегодняшнем варианте былины ясно говорят — пахарь, крестьянский сын, может стать в один ряд с родовитой воинской знатью только чудом. В самом буквальном смысле слова. Чудо может произойти с ним (Илья), чудо может сотворить он сам (Микула), но без чуда не обойтись... В Индии, кстати, тоже подобное случалось — кшатрий Вишвамитра стал брахманом путем, обычным для индуистских преданий, — неистовой аскезой заслужил благосклонное внимание Бессмертных. Но из этого нельзя ведь делать вывод, что индийское общество — не кастовое.

Кстати, Илья в одной былине сам говорит, как отно-

---

[1] Сама история о врожденной болезни Ильи, неразрывно связанная с деревенской, «карачаровской» версией его происхождения, и выдумана-то скорее всего единственно затем, чтобы главный богатырь русских былин остался непричастен к сельскому труду. Расчистку им отцовского поля в расчет можно было не брать — это всего лишь *освобождение* земли от леса и камней, а не созидательный труд. Кстати, любопытное истолкование этому эпизоду предложил реконструктор древнерусских единоборств, Александр Белов. По его мнению, речь изначально вообще шла не о собственно расчистке полей, а о молодецкой потехе — метании коряг и валунов, засвидетельствованной источниками, например, у кельтов (читатель мог видеть подобное в фильме Мэла Гибсона «Храброе сердце»).

сится былинная мораль к подобным переменам общественного положения без чудес:

> Не дай Боже делать из боярина — холопа, Из холопа — дворянина, из попа — палача...

Чудо — это одно, это вмешательство Воли, предопределившей все в этом мире, в том числе и отличия каст-«родов». А вот посягать на это человеку — «не дай Боже».

Но я не буду особенно на всем этом задерживаться. Нет, я просто-напросто спрошу — а как часто с момента исцеления Илья показан в былине за пресловутым «созидательным трудом»? А Микула — после встречи с Вольгой и вступления к князю «во товарищи»? Читатель, если вы знакомы с былинами, вы и сами знаете ответ — никогда.

В былине про исцеление Ильи его мать, наблюдая, как выздоровевший и наполнившийся небывалой силой сын расчищает лес под пашню, грустно произносит:

> Видно, дите будет нам не кормилицо, Станет ездить, видно, по полю чистому...

То же в других вариантах произносит отец: «Этот, видно, сын у меня будет ездить во чистом поле, во чистом поле будет поляковать, и не будет ему поединщи-ка». А казалось бы — почему? Ну, повоюет, а потом — как впоследствии и будут поступать отслужившие солдаты — снова к крестьянским хлопотам, за плуг, за косу, за плотницкий топор. Но былина четко говорит — так нельзя. Ставший воином никогда не будет хлеборобом.

Микула, приняв предложение князя стать его спутником, навсегда расстается с сохою, иногда даже заки-

дышает ее на небо. Он прощается с нею, говоря, что ему не придется больше пахать. Кем бы ни был человек изначально, став (чудом, как мы говорили; другого пути былины не предполагают) воином, он больше не может уже прикасаться к орудиям пресловутого «производительного труда». Даже в крестьянской обработке былины ясно говорят — человек ИЛИ воин, ИЛИ пахарь. Удачное совмещение этих занятий возможно разве что в кинофильме-сказке советских режиссеров Роу или Птушко — но не в реальной жизни, и не в эпосе, созданном людьми, знавшими, что такое война, и сохранявшемся людьми, знавшими, что такое труд пахаря.

Да и отчего бы не знать о невозможности такого сочетания русским певцам, когда еще в XVII веке донские казаки, к которым хлынула из взбаламученной Смутным Временем центральной России толпа переселенцев, нарушая их привычные обычаи, постановили: «А егда кто из казаков станет землю пахать и хлеб сеять, того казака бить и грабить». Там, на окраине Русской земли, сохранились старые обычаи, и не зря за пределами расселения новгородцев разве что на казачьем Тихом Дону сохранились песни на былинные сюжеты.

В чем же дело, откуда эта «укоризну творишь... роду своему»? Во всяком случае, речь не о презрении к труду и труженикам. Здесь дело совсем иное — скажем, викинги ничуть не презирали своих женщин, но даже одна деталь женской одежды или украшение на мужчине могли стать вечным позором, поводом для развода, и не было для норманна оскорбления непростительней, чем сравнение с женщиной (поэтому, кстати, норманны, в отличие от славян, не носили серег). Кастовое общество — мы уже говорили об этом — как раз отлича-

лось меньшим презрением к низшим, чем позднейшее классовое, будь то классические рабовладельцы античности, феодалы Средневековья или буржуа Нового Времени. Голова — если в ней есть хоть чуть-чуть мозгов — не презирает свои ноги.

Что до причин, по которым воины избегали принимать участие в выращивании и приготовлении хлеба и в других, подобных этой, работах, то они вообще-то предельно просты. Во-первых, надо помнить, что в глазах язычника успех всякого дела, в том числе — и пожалуй, в особенности — земледелия, связан с благосклонностью Богов и духов, в данном случае духов плодородия, всех этих полевых, дворовых, овинных, ядреев, спорышей, обилух, полудниц, росомах, жицней. Как относились подобные существа к железу, я уже говорил. А еще сильнее и еще хуже на них действовал «запах», если так можно выразиться, аура недавно пролитой крови, насильно отнятой жизни. Существуют обширные списки мер, которыми ограждали каждого убийцу самые разные племена на разных континентах. И причин всегда две — гнев Земли, ее дающих жизнь духов, оскорбленных насильственной смертью (это Языческое представление умудрилось просочиться даже в библию: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя» (Бытие, 4:11)) и страх перед *теми,* кто, напротив, жадно слетается на запахи крови, боли и смерти, и перед *теми,* кто спешит протиснуться в распахнутую убийством дверь мира Смерти — оттуда сюда. Массой обрядов — постами, временным отшель-

ничеством, ритуальной раскраской или татуировкой — ограждает племя себя от убийцы — обычного, «разового» убийцы. Этим обрядам и поверьям посвящена целая глава в книге Джорджа Фрэзера «Фольклор в Ветхом завете», называется эта глава «Каинова печать». А как быть с воином, за плечами которого темной стаей должны виться десятки теней неупокоенных мертвых, с тем, кто десятки, если не сотни раз распахивал врагу дверь в мир Смерти? Вообще-то торжество воина над врагом часто оформлялось как жертвоприношение Богам — недаром воины русских былин (Илья, Алеша), одолев супостата (Тугарина, Жидовина и пр.), зачем-то (это для нас непонятно, зачем, современники и ближние потомки — отлично все понимали) рассекал его тело на кус-кк, раскидывал эти куски по сторонам, а голову, вздев на копье, привозил в родной стан — на заставу или на княжеский двор. Это обряд жертвоприношения... впрочем, я подробно рассказал об этом в работе, посвященной былинам, в главе «Череп-трофей в былинах». Убитый таким образом враг отправлялся прямиком к Богам войны и более опасности для оставшихся на земле, в мире людей, не представлял.

Впрочем, и сам воин заранее, изначально определял себя в жертву этим суровым Богам. Принимая воинскую участь, принимая посвящение, он принимал и такую смерть — голову на копье и разбросанные в поле куски тела. И если доживал до старости, его все же хоронили по тому же обряду, по которому приносили жертву — в костре.

Но это если дело шло о поединке. А ведь бывали и большие сечи, битвы, сражения, в которых «обезвредить» каждого убитого врага как следует не представля-

лось возможным. Конечно, не могло речи идти о том, чтоб отлучить воина-защитника от общественной жизни, как это происходило с преступником-убийцей. Но вот отлучение от процессов, научно выражаясь, производства материальных ценностей, в особенности пищи (в работах этнографов особенно подчеркивалось вредоносное влияние убийцы на пищу, строжайший запрет на разделение с ним даже процесса ее потребления, трапезы — не говоря уж о приготовлении) было, с точки зрения племени, сугубо необходимо.

Конечно, у воинов были свои защитные чары и обереги. Но все они были посвящены Богам Войны, Огня, Железа, Грозы и Бури —* Богам, чье грозное присутствие — пусть только в виде обрядов и символов — пугало маленьких Хозяев и попечителей крестьянских полей и подворий едва ли не столь же сильно, как неупо-коенные мертвецы и слетевшиеся на запах крови и смерти хищные духи.

Говоря кратко, воин, прикасаясь к труду крестьянина-хлебороба, совершал воистину бесчестное и позорное деяние — ставил под угрозу благорасположение духов Земли и Урожая к общине, к племени. Ставил под угрозу сам урожай. То есть он сам мог пропитаться и охотничьей добычей, как это и описано в былинах про Волха-Вольгу — не зря же самой древней разновидностью княжеских владений были не пашни, не пастбища и не покосы, а охотничьи угодья — «ловища». Но, надеясь на охотничью удачу для себя, оставлять без хлеба тех, кто доверял твоей защите... низость, хуже которой не враз придумаешь. Потому-то родственники Феодосия и возмущались так его поведением — а будущий

святой, почитая причины возмущения родни за дремучие «языческие суеверия», не внимал их упрекам.

Но ведь он сам не был воином, никого не убивал? Да ведь мы уже говорили об этом, читатель. Вторичны личные качества, дела и ответственность. Еще в XVII веке православные московские государи будут обрушивать опалу на целые боярские рода — за вину одного представителя. И так же поступало за полтысячи лет до них новгородское вече. Феодосии — потомок воинского *рода,* а стало быть, и на нем почиет все та же, небезопасная для урожая и благополучия общины, сила. Но, опять-таки, все это поверья Языческого, кастового общества, до коих юному фанатику христианства не было ровно никакого дела.

А мы этот факт отложим в и так уже полную копилку следов, оставленных в письменных источниках существования на Руси каст. Воин — это не только занятие, это и происхождение. Феодосию, как воину по происхождению, считалось постыдно участвовать в крестьянских делах — вот ясный смысл этого сообщения жития святого. И ни на какое «влияние» этот мотив не спишешь — мне уже доводилось говорить — в Византии сословия только-только складывались, еще сидел на престоле потомок крестьянина, патрицием могли назначить не то что простолюдина, но и вообще инородца. Незадолго до рождения Феодосия правящий император — ничего общего с предыдущим не имевший — работал на стройке, а его брат торговал хлебом.

Несколько слов об Алеше Поповиче. Как опять-таки доводилось мне писать в работе, посвященной русским былинам, этому герою находится полная аналогия в преданиях Польши, где фигурирует Лешко Попелюш,

хитростью расправившийся с врагом-«Змеевичем» — точно так же, как Алеша хитростью победил Змеевича Тугарина. В преданиях многих славянских народов, восточных и западных, упоминается Попялов, Попелек, Попелышек, Попельвар —-хитростью побеждающий врага, сочетающего в себе змея и всадника, сопровождаемого птицами и собаками, как и Тугарин в русской былине. Да и хитрость обычно одна и та же, совершенно незамысловатая — герой, почти побежденный врагом, говорит, мол, обещал прийти на поединок — а за тобою целое войско. Тот недоуменно оглядывается — и герой сносит чудовищу голову. Так что сюжет былины уходит во времена славянского единства, задолго до крещения Руси, и, соответственно, ни о каком «поповском» происхождении молодого богатыря речи вести не приходится. Учитывая к тому же, что в былинах крест заменяет древний оберег, а в храмах, которые уже зовут «церквями», молятся «Богам нашим могуциим». Да и сам Алеша поступает с Тугарином, как полабские славяне с пленными, которых приносили в жертву Богам, а из его головы на полном серьезе предлагает князю Владимиру Красну Солнышку изготовить сосуд для питья — поступая явно не по-христиански. Как видите, читатель,

---

[1] Молод-то он молод, и в былинах приставку «млад» к его имени всегда делают. Да вот только в былине о первом появлении Добрыни в Киеве Алеша сидит на пиру и советует князю послать Добрыню на «Змеиху Горынинскую». А в былинах о первом приезде в Киев Ильи Алеша вздорит с будущим главой богатырской дружины, а Добрыня уговаривает могучего новичка на Алешу не сердиться. А вот в былине про Алешу и Тугарина в Киеве нет ни одного богатыря, кроме Алеши. Так что, получается, по возрасту-то Алеша — «млад», а по «сроку службы» — «дедушка»!

Алешка-Лешко («Аешко» по-польски — хитрец, обманщик, лгун, в говорах русского Севера «алёха» — плут, «алёшки подпускать» — хитрить, обманывать) был не большим Поповичем, чем Илья — крестьянским сыном. Былинная богатырская дружина изначально представала кастово монолитной.

Были и другие проявления кастовой воинской этики, отличавшие благородного воина от простолюдина-ополченца (на Руси, как, впрочем, и в Индии, наряду с «кшатриями» существовало и «войско земли» — ополчение). «Законы Ману» запрещали воинам-кшатриям «поражать врагов вероломным оружием — ни зубчатым, ни отравленным, ни раскаленным на огне... убивать ни оказавшегося на земле (когда сам воин находится на колеснице. — Л.П.), ни стоящего со сложенными руками (с просьбой о помиловании. — Л.П.), ни имеющего распущенные волосы (? — Л.П.), ни говорящего «я твой», ни спящего, ни ненадевшего доспехи, ни нагого, ни безоружного, ни (уже) сошедшегося (в схватке) с другим, ни не сражающегося (а только) смотрящего, ни оказавшегося в затруднительном положении, ни пораженного, ни устрашенного, ни отступающего».

В былинах есть выражение «не честь-хвала молодецкая». «Не честь-хвала молодецкая» убить спящего («Добрыня и Дунай»), нагого («Добрыня и Змей»), безоружного. Не бьют подневольных: Хотен Блудович отпускает живыми мужиков — должников враждебного семейства, натравленных на него (трудно понять, что тут является причиной — жалость или брезгливое нежелание «марать руки»). Щадят врага царской крови — «а и вас-то, царей, не бьют, не казнят» — но это несколько другое, скорее благоговение перед «священным ца-

рем», чем жалость. У Саксона Грамматика находим эпизод, когда Яромир, правитель Рюгенских русов, во время войны с другим славянским племенем атакует двух неприятельских воинов. Убивает одного, но копье застревает в теле. Второй замахивается, но, увидев, что поднял руку на князя, отбрасывает оружие и падает ниц. «Столь велико почтение среди этого народа к людям, облеченным высоким саном», заключает хронист. Любопытно, что из всех черт священного правителя эта одна оставила какие-то следы в летописи: «Князь Мстислав Юрьевич проеха трижды сквозь полки Юрьевы и Ярославли... И прииде на него Александр Попович, и, имея меч наг, хотя разсещи его. Он же возопил, глаголя, яко аз есмь князь Мстислав. И рече ему Александр Попович: «Княже, ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты убиен будеши, и что суть иные, и камо ся им дети?». Обращает на себя внимание появление в цитируемом отрывке Александра (Алеши?) Поповича *(та самая* Никоновская летопись, прославленная заимствованиями из былин). Не оказала ли влияния на летописный текст былинная идеология?

О том, что богатыри никогда не атакуют вместе одиночного противника, даже если тот очень силен, мы с вами, читатель, уже говорили. Богатырские схватки, описанные в былинах, — это целый ритуал, начинающийся с обмена тяжеловесными «любезностями» вполне в духе героев поэм Гомера или «Старшей Эдды», бранящимися перед боем, и идущий всегда на равном оружии — палица на палицу, меч («сабелка булатная») на меч, копье против копья. Несколько странно, что схватка на копьях в былинах, как правило, завершает ряд из трех сшибок — казалось бы, должно было быть наоборот.

Завершается поединок, что называется, «в партере» — рукопашной схваткой и борьбой. Побежденного убивают, причем достаточно жестоко — впрочем, как я уже говорил, это отголосок воинских жертвоприношений Богам войны. Однако у побежденного есть возможность сдаться, «сохранив лицо» — предложить победителю побратимство, естественно, с собой в качестве «меньшего» брата. Похвальба над трупом побежденного противника решительно осуждается в былине «Камское побоище».

Представление о благородном и неблагородном поведении в бою повлияло даже на отношение к тому или иному виду вооружения. В «опалу» угодил топор — былины вообще не упоминают его в качестве оружия, в летописях знатные воины-русы не используют до XIII века топор против равного противника — исключительно против зверя или взбунтовавшегося смерда. В былинах в схожей ситуации — против явно неблагородного противника — знатные воины, Чурило, Вольга, Мику-ла, используют неясные «шалыги подорожные». Любопытно, как прокомментируют это сторонники «народного» (крестьянского) происхождения эпоса и его героев?

Столь же отрицательно относится этика былинных богатырей к метательному оружию. Любопытно, что первым это подметил еще в XVIII веке Василий Алексеевич Левшин в своих «Русских сказках»: «Русские богатыри считали за стыд сражаться чем-либо, кроме ручного оружия, ибо убивать пращом или стрелою не вменяли в приличное человеку храброму». В былинах эта неприязнь распространена, кажется, на все виды метательного оружия, на само метание. Только враг-инородец вроде Идолища или негодяй вроде Тугарина способен метнуть нож в противника — причем богатырь,

перехватив или отбив брошенный в него клинок, никогда не бросает его обратно в хозяина, но вызывает напавшего на поединок или расправляется с ним ударом. Русские богатыри бьют даже там, где, казалось бы, естественней метнуть. Хотен Блудович *ударом,* а не *броском* копья расшибает конек крыши дома враждебных ему Чусовых. Стоящую на воротах дочь Соловья-разбойника, пытавшуюся убить Илью приворотным брусом или по-иному, богатырь убивает не *броском,* а *ударом* копья. Любопытно, что и летопись хранит представление дружинно-княжеской среды о сугубой подлости, неблагородстве броска: когда на Любечском съезде обсуждают подлость князя Давыда, заманившего в ловушку и ослепившего князя Василька Теребовльского, ему говорят: «Кинул ты нож в нас!» Как и в былинах, брошенный нож здесь — знак вероломства и подлости.

Аук богатырь применяет разве что на охоте да на состязаниях (о которых мы говорили, рассказывая о священном браке правителя с девой-Властью Апраксеей). Илья до вступления в дружину (и едва ли не под влиянием версии о его неблагородном, «карачаровском» происхождении) использует лук против нечеловеческого противника, оборотня Соловья (странно, что самые ранние изображения Соловья-Разбойника — изразец и лубок XVII века — изображают его конным воином с копьем, а не сидящим на дубу «чудом»; не решусь утверждать, что и поединок воинов-всадников'превратился в выстрел по оборотню под влиянием крестьянской «карачаровской» версии). Став дружинником, Илья вспоминает о луке дважды, но один раз просто не пускает его в ход, ограничившись заговариванием стрелы («Илья Муромец на Соколе-корабле»), а другой — стреляет в

дуб, распугивая разбойников («Три поездочки Ильи Муромца»). Впрямую против человеческого (хоть и не совсем — «татары»-степняки, как мы помним, в понятиях былин — не люди) противника стрелы во всем былинном эпосе использует один Васька-Пьяница — человек явно не дружинного круга.

Эти наблюдения я советую взять на заметку не только сторонникам «крестьянского» происхождения былинных богатырей, но и тем, кому не лень воскрешать построения Стасова и Потанина о каком-то не то ордынском, не то половецком происхождении наших былин. Хорош был бы половец или ордынец, не признающий метательного оружия, особенно — лука. Впрочем, столь же уместно смотрелись бы в тюркском «Диком поле» могучие дубы, стены белокаменные, терема златоверхие и ограды высокие русских былин, а в юртах кочевников — окошечки косящаты, печи, «палатный брус», сидя на котором Алеша Попович поддразнивает Тугарина Змеевича, лавки и столы, мед-пиво вместо кумыса в чарах. Да, наконец, само вот это: «Ой же вы, *тата-ровья поганые*\ Кто умеет говорить языком *русским, человеческим?»* — это тоже татарское?!

Иное дело — меч, копье, палица — оружие, достойное богатыря. К ним отношение у русских воинов было совсем иное. Особенно, конечно, к мечу.

Мечом русы-язычники клялись при договорах с Византией в 907 и 944 годах. Особенно трогательно, что это приводят («типично норманнская клятва на оружии») в доказательство их скандинавского происхождения. Тогда пришлось бы занести в норманны и ведических ариев с их клятвой на мече — варуной, и японских самураев, и испанских идальго, и арабов, и много кого

другого. Павлов-Сильванский в статье о символизме русского права, не касаясь вовсе вопроса о происхождении варяжской руси, отметил только, что в договорах меч *«покладаху»* перед кумирами Перуна и Волоса, а норманны и гордившиеся своими готскими корнями знатные люди Западной Европы, присягая на мече, всегда *втыкали* его в землю. Так что правда остается за С.А. Гедеоновым, вот уж больше века назад сказавшим, что договоры эти «не являют никаких признаков норманнского права, религии, обычаев». Различие глубоко не случайно — легендарный меч в рыцарских преданиях Западной Европы и сагах — Северной всегда *воткнут* — Грам в древо Вольсунгов, Экскалибур — в наковальню, меч Галахада — в плывущую (типичный кельтский сюжет) скалу. В русском же фольклоре меч всегда *кладенец.* Он *лежит* под каким-нибудь спудом, будь то камень Алатырь ряда заговоров, былин и сказок, голова богатыря Росланея в повести о богатыре Еруслане Залазаровиче, в церкви (как в заговорах и «Повести о Петре и Февронии») или «тереме» на острове Буяне. В двух последних вариантах можно увидеть воспоминание о тех мечах, что хранились в капищах на балтийской прародине варягов-руси. В капищах Арконы и Кореницы на Рюгене, Радигощи на континенте мечи висят на стене или поясе кумира, или лежат, или находятся, наконец, в руке кумира — но никогда не воткнуты.

---

[1] Разумеется, именно этот мотив использовал А.С. Пушкин в «Руслане и Людмиле». Возможно, что история с хранящей клад «головой» — отзвук жутковатого обычая создавать для клада охранного духа-«кладовика». А лучшим способом создать духа всегда было жертвоприношение, в том числе — человеческое. О значении, которое придавали славяне головам жертв, я уже писал.

На этом, кстати, различия с ролью меча в ритуалах и жизни воинской касты на Западе и на Руси отнюдь не заканчиваются — так, мечи славянских преданий не имеют имен. Исключением является разве что Щербец польских королей-Пястов, иззубренный о киевские Золотые ворота, да одинокий Аспид из явно переводного «Сказания о Вавилонском царстве». При всем моем уважении к Марии Семеновой, сцены, где славянские воины говорят со своими мечами или упоминают их имена, целиком остаются на ее совести. В стране, где было бы столь же трепетное, почти интимное отношение к оружию, которым пронизан рыцарский эпос Европы, невозможно было мимоходом бросить: «Когда же мечи свои притуплялись, хватали мечи татарские и бились снова» (рассказ о последней битве дружины Евпатия Коловрата из «Сказания о разорении рязанской земли Батыем») или «сабельки вострыя приломалися; вынимали они палицы булатные». Так же невозможно, как в русских былинах, с их вещими конями, сивками-бурками, невозможно было бы уронить мимоходом... «И лошади под ними погибли. Тогда сэры рыцари взяли новых коней и поскакали друг на друга...»

Перечисленные различия, однако же, ничуть не значат, что меч не играл роли в жизни война-руса. Совсем наоборот, — играл, и огромную! Арабские авторы говорят, что русы не расстаются с мечом, мечом разрешают судебные споры и благословляют новорожденных сыновей. Меч передавался по наследству, а в приднепровском Перещепинском кладе меч лежит среди прочих сокровищ — вот уж воистину кладенец! Даже после крещения меч клали в могилы князьям и воинам. Даже лежащие в Георгиевском соборе Юрьевского монастыря

близ Новгорода посадники начала XIII века, Дмитр Мирошкинич и Борис Семенович, не стали исключением — вопреки христианскому обычаю в их гробницы положили мечи. Причины такого почтения благородных русских *витязей* к мечу понятны — меч был самым специализированным, самым «благородным» оружием — палица и копье имели двойников в оружии ополченцев-простолюдинов — дубину и рогатину, топор же вообще был братом-близнецом рабочей секиры[1], за что, по-видимому, и попал в «опалу».

На копье и палицу, кстати, в былинах иногда читают заговоры — подбрасывают в воздух и ловят, приговаривая: «Как владею я копьем бурзамецким (или — «палицей буевою». — Л.П.), так владеть мне богатырем имярек». Правда, делает это обычно отрицательный герой и терпит в финале сокрушительное поражение. Ко всякого рода ворожбе воинское сословие относилось хмуровато еще до возникновения христианства.

Излишне говорить, что смелость и проистекающие из нее гордость и независимость — первые из основных нравственных качеств богатыря, прославляемых былинным эпосом. Даже сила без храбрости — ничто. Алеша Попович, который «не силой силен, а напуском смел», входит в «первую тройку» любимых героев эпоса, а калика Иванище из былины про Илью Муромца и Идолище поганое, который, по собственному признанию главного богатыря русских былин, вдвое сильней его, но не смел — презрительно обозван «дураком». Если бога-

---

[1] В наше время часто говорят о «боевых секирах» и плотницких топорах. Строго говоря, это ошибка — именно рабочий инструмент назывался в древней Руси секирой, а боевое оружие — топором.

тырь чего-то и боится — так это показать малейший признак трусости. Советы и запреты в былинах, похоже, существуют именно затем, чтобы богатырь не слушал первых и нарушал вторые. Богатырь всегда ищет опасности, схватки, для него вызов — появление незнакомого богатыря или след богатырского коня, других поводов для схватки уже не нужно. Тем паче — угроза, пусть даже не прямо в его адрес. Так, Добрыня, проезжая по «полю чистому» и обнаружив незнакомый шатер с угрожающей надписью о неизбежной смерти того, кто посмеет войти в шатер и прикоснуться к запасам его владельца, незамедлительно в этот шатер входит, устраивает там страшнейший разгром, частью съедает, а частью разбрасывает по полю съестной припас, и частью разливает, а частью (надо полагать, большей) выпивает хмельной мед, после чего и засыпает посреди наведенного им погрома богатырским сном. Является хозяин шатра, Дунай, в ярости будит Добрыню («а спящего бить, что мертвого — не честь-хвала молодецкая!») и, дав тому время вооружиться и сесть на коня, честно старается привести свою угрозу в исполнение. Доведению схватки до смерти одного из противников мешает лишь появление главы богатырской дружины, Ильи Муромца, разнимающего богатырей и мирящего их.

К этому описанию нравов воинской касты надо только прибавить, что Добрыня, как мы помним, отличался от иных богатырей «вежеством рожоным и ученым», вследствие чего ему поручали щекотливые дипломатические задания, а устойчивый эпитет Дуная в былинах — Тихий. Мда, читатель... можете представить, каковы бывали невежливые и буйные богатыри — вежливого и тихого вы уже видели.

Илья в былинах о «татарском» нашествии один защищает Киев и Русь, рядом нет никого, кто упрекнул бы его в трусости, однако на предупреждение своего вещего коня о трех вырытых врагами ловушках-«подкопах» богатырь отвечает ударом плети и бранью и продолжает атаковать вражьи полчища. В результате попадает в плен, где чуть не гибнет. Юный богатырь Ми-хайлушка Данилович (Игнатьевич) еще более упрям — он, в аналогичных обстоятельствах, едет прямо в «силу-матицу», то есть на подкопы. Тот же Илья у знаменитого камня на распутье без колебаний выбирает дорогу, на которой «убиту быть» — хотя рядом снова нет никого, кто бы мог стать свидетелем его «трусости». И несть числа таким примерам.

Богатырь постоянен — он держит данное слово и не меняет принятых решений, даже если они гибельны для него.

Богатырская храбрость неразрывно связана с богатырской гордостью. Пусть в основе сюжета о «бунте» Ильи против Владимира лежало обрядовое действо, но для былинного героя естественно и характерно именно такое поведение — богатырь, оскорбленный неподобающим местом на пиру или обращением, недостойным подарком, устраивает на княжьем пиру громкую ссору, выливающуюся в настоящий бунт. Очень показательна сцена уговоров ушедших из Киева богатырей Ильей «постоять за веру, за отечество». Илья не мотивирует своей просьбы, вернее сказать, не унижается до мотивации, ибо ее не допускает гордость, да просьба побратима и не требует мотивов. Мотивации требует отказ (ее мы, читатель, уже рассматривали, эту мотивацию — «ничего нам нет от князя Владимира!»). После этого

просьба и отказ в буквально тех же выражениях повторяются *дважды*. Гордость на гордость — никто не хочет унизить себя дополнительными объяснениями, уговорами. Илья, казалось бы, должен переступить через гордость ради «общего дела», однако он этого не делает (и правильно поступает — в рамках богатырской системы ценностей, выписанной в былинах, такая «потеря лица» отнюдь не помогла бы ему, напротив — лишила бы всякого авторитета). Не переступают через свою гордость и остальные богатыри. Ситуация находит разрешение, как мы видели, в другой важной для нравов воинской касты черте — солидарности. Возникает, откровенно говоря, подозрение — уж не нарочно ли попался в плен Илья, чтобы спровоцировать наконец богатырскую дружину на действия, хотя бы из кастовой солидарности?

К деньгам и любым не имеющим боевого — прямого, как оружие, или вспомогательного, как сбруя богатырского коня, — значения материальным ценностям богатырь относится презрительно. И если обзаводится таковыми — получив дар от князя, найдя клад или добыв в бою — старается раздать их или устроить на них пир.

Разумеется, очень важна для богатыря слава. Славно пировать, охотиться, славнее же всего — воевать. Тихая, мирная жизнь, вдали от пиров и битв — для богатыря бесславье. Алеша и Еким, увидев камень на развилке, обозначающий три пути — два в мирные города, славные тихим, сытным житьем, обильной и вкусной едой, крепкими медами и податливыми девицами, и в Киев, к неизбежной воинской службе, не сомневаются в выборе, иначе «пройдет про нас славушка недобрая».

О простонародье говорить долго не приходится. К счастью, никто пока не додумался до отрицания существования на Руси землепашцев, ремесленников и торговцев. Добавим только, что ценности и правила поведения мирного общинника — будь то земледелец, ремесленник или торговец — прямо противоположны таковым воинской касты. Былина и не думает осуждать Садко, отчаянно старающегося избежать смерти в море, на которое обрекают его «жребии». Для богатыря подобные недостойные увертки были бы полнейшим бесславьем — но Садко-то всего-навсего купец. В русских летописях дважды описана готовность жителей осажденных печенегами Киева и Белгорода распахнуть ворота перед кочевниками, предпочтя плен голодной смерти — в то время как их современники-воины, оказавшись перед выбором — смерть или плен, кидались на собственные клинки, если не было иной возможности избежать позора плена (об этом повествуют византиец Лев Диакон и араб ибн Мискавейх). А долго ли бы продержался в крестьянской общине парень, то и дело лезущий в драку и демонстративно пренебрегающий советами? Уважением бы, во всяком случае, не пользовался. То есть нравы были принципиально разными — а ведь нравы-то, как мы знаем из того же фольклора, представлялись чем-то врожденным. Если вдуматься — даже христианство, впервые поставившее во главу угла не род, не дружину, не корпорацию, не касту, а личность с ее «свободным выбором», спасением или гибелью — даже оно, однако, зиждется на представлении о родовой и наследственной ответственности потомков Адама за грех когда-то преступившего запрет божества первопредка. Даже коммунизм, исходящий из отчужденной особи «хомо экономи-

кус» XIX—XX веков, при воплощении в жизнь оказался перед необходимостью считаться с понятием «классового происхождения» (с точки зрения ортодоксального марксизма — полнейшая чушь, ибо классовая принадлежность определяется только долей и характером участия в производстве материальных ценностей, но никак не наследственностью).

Кстати, как ни удивительно, современная наука подтверждает подобные взгляды. Не так давно, в конце XX века, учеными-зоопсихологами был поставлен любопытный опыт — предприняли попытку вывести добрых черно-бурых лис. Вообще это весьма агрессивные зверьки с «зубастым» характером. В течение десяти лет исследователи скрещивали между собой самых общительных, миролюбивых лис. Недавно был получен итог — ласковые, ручные существа, которых поднимают на руки и ласкают пятилетние девочки — а потомки свирепых хищниц-кусак блаженно щурятся в телекамеру. Поведение, получается, наследуется, характер детей можно задавать, скрещивая сходных характером предков. Кастовое общество осуществляло как раз подобную селекцию, свирепо отбраковывая «неправильных» человеческих особей и воспроизводя, усиливая от поколения к поколению, черты кастовой этики и морали. Все более властные правители, все более отважные, свирепще и сильные воины, все более хозяйственные и трудолюбивые общинники, все более послушные рабы.

Немного поговорим об этих самых рабах. Представление о рабах и рабстве у нас сильно испорчено школьными впечатлениями об античном, так называемом классическом, рабстве. А также и о рабстве негров в Соединенных Штатах, поданном сквозь романтично-слезливую

призму «Хижины дяди Тома» и множества «политкорректных» литературных и кинематографичеких клонов этой книжонки (в качестве противоядия всячески рекомендую «Унесенные ветром» М. Митчелл — естественно, книгу, а не фильм). Однако же рабство у славян и их соседей, народов Северной Европы — германцев, скандинавов, тех же кельтов — имело совсем другой характер. И не стоит судить о нем по, скажем, роману Валентина Иванова «Повести древних лет» — этому роману прекрасного автора очень повредило то, что Иванов стремился в нем противопоставить в славянофильском духе «плохую, расистскую» Европу, воплощенную в викингах, добрым славянам, и, кроме того, очень малый уровень тогдашних наших знаний об Языческой Европе и Руси. Так, Новгород не только процветает в романе в IX веке, но и имеет все пять районов-концов — а это число концов появилось в Господине Великом Новгороде лишь к закату его могущества, в XIV— XV веках, в IX же столетии Новгород еще представлял собою три деревеньки и крепость на островке, образованном Волховом, Малым Волховцем и Жилотугом. Что до ошибки писателя, расположившего легендарную страну Биармию норманнских саг на беломорском побережье, то ее и посейчас разделяют многие ученые, хотя скандинавы добрались до Белого моря не раньше, чем Новгород обзавелся пятью концами — в XIV веке, а русы вышли на его берега самое раннее за четыре века до того. Биармия же, вероятнее всего, располагалась на берегах не Северной, а Западной Двины — не зря названия Ливония и Биармия не. встречаются в одной и той же саге.

Столь же неверно, намеренно мрачно показывает пи-

сатель положение у «жестоких» скандинавов рабов-трелей, которых он называет траллсами. Как шудры в индийской мифологии приходились все же потомками великому мудрецу и святому, так и у норманнов первый Трель, эпоним-прародитель сословия, был сыном Бога Рига-Хеймдаля.

В Киевской Руси, что характерно, все случаи свирепых и безжалостных расправ с рабами, жестокого с ними обращения «отчего-то» связаны с духовными лицами. Вряд ли летописцы-монахи оговаривали своих братьев во Христе и духовных отцов, так что это обстоятельство стоит взять на заметку любителям порассуждать про то, что христианская церковь-де старалась смягчить участь рабов. Ни про какого боярина или князя не сказано, как про архиепископа Новгородского, Луку Жидяту, что он отрезал язык и отрубил руки своему холопу Дудике. Стефан, которого удавили (не иначе, за доброту и ласку) собственные холопы, был отнюдь не мирянином, а преемником Жидяты, епископом новгородским (и опять-таки, ни про какого мирянина в те времена подобного не сообщают). Епископ Ростовский Феодор «прославился» бесчеловечным отношением к рабам, далеко затмевавшим жестокие развлечения надменной польской шляхты или нашей Дарьи Салтыковой, Салтычихи (и опять-таки, не имевшим ничего похожего среди нецерковных современников). А преподобный Варлаам Хутынский в одной из записей отчисляет монастырю столько-то голов челяди, да столько-то голов скота — такого упоминания на одном дыхании рабов и скотины вы, читатель, у его светских современников не встретите. Христианская церковь несла из Византии, Восточной Римской империи не «смягчение жестокого

обращения с рабами», а старое римское отношение к «двуногому скоту», «разговаривающим орудиям труда», живой вещи в ошейнике и на цепи.

Слова «раб», «холоп», «челядин», «чадь», «отрок», обозначавшие в древней Руси рабов и не слишком отличавшихся от них зависимых людей, странным (для современного человека) образом близки, а то и вообще совпадают с названиями детей и подростков. Раб — робя, ребя, ребенок. Холоп, в западнославянских языках «хлоп» — хлопец, подросток. Челядь — рабы, но во многих говорах и диалектах Руси сохранилось и более древнее значение этого слова — «дети», английское «чилд» — родственное ему. Оттуда, из окраинных русских говоров, кстати, это слово шагнуло и в некоторые другие языки. Например, в коми-пермяцкий. Когда мне доводилось раскрывать детский журнал «Силькан» («Колокольчик») из Перми, на языке коми, меня немало позабавило обращение в начале журнала: «Челядь!» А значило-то оно всего-навсего «дети, ребята». «Чадь» — это слуги, но «чадо» — ребенок. «Отрок» — это не только подросток, в древнерусском это и слуга (в «Повести временных лет» упомянуты отроки воеводы Све-нельда, княгини Ольги и других знатных людей), а в болгарском так и попросту раб. Наконец, в былинах упоминаются паробки богатырей. В современном украинском языке это слово обозначает подростка, а в былинах — это слуги, ухаживающие за конем и оружием героя (как Тороп у Ильи Муромца, пока богатырь сидит у Владимира «во погребах во глубокиих»), выполняющие его приказы. Показательный пример — когда Алеша Попович видит надпись на придорожном камне, он не сам соскакивает с седла, а сгоняет с коня паробка

Екима — «ты, Еким, грамоте поученый человек». И не в том дело, что сам Алеша неграмотен — письмо какого-нибудь «собаки-царя неверного» в Киеве зачитывает князю Владимиру именно он, да и на богатырской заставе ему часто отводят роль писаря — а в том, что не дело воину выполнять какое-то невоенное дело, когда рядом есть слуга-паробок, способный его выполнить, — в данном случае прочесть надпись на камне. Богатырь своего паробка даже женить может — не особенно спрашивая его согласия, естественно — как грозится сделать богатырь Хотен Блудович в одноименной былине[1]. Да, отчасти такое употребление этих слов — это и свидетельство о суровой непререкаемости родительской власти над ребенком в Древней Руси. Суровая матушка Феодосия, не вытерпев выкрутасов сынка, заковала будущего святого в цепи и засадила в поруб. Да даже продать ребенка мать, скажем, имела полное право (как в былине «Иван Гостиный сын»). Да и жизнь дитяти находилась в полной власти родителя — Илья Муромец расправился со своим сыном (за дело, конечно, но сейчас не это важно) и остался меж тем любимым богатырем певцов и сказителей. Про дела сердечные и говорить не приходится — летописи полным полны сообщений вроде «Олег привел из Плескова жену Игорю», «Мстислав женил сына своего, Володимира, на княжне Ростиславне» и так далее, и тому подобное. Это князья — а что уж говорить о пареньке из простонародья.

---

[1] Забавная мелочь — когда В.Я. Пропп ищет в былинах отражения «классовой борьбы», он сосредотачивается на былинах про Хотена и про «бунт» Ильи Муромца против князя Владимира. Однако именно в этих сюжетах богатыри, в которых Пропп хочет видеть представителей «трудового народа», выведены как *хозяева* паробков, по сути — *рабовладельцы*...

Да вот — в русской деревне до XX века сохранялся такой обычай, как «снохачество». И состоял он в том, что отец имел все права на жену сына — взрослого сына! Не то чтобы подобное поведение приветствовалось — но и не осуждалось. А вот сына, вздумай тот проявлять недовольство, люди, мягко говоря, не поняли бы.

Но это — лишь одна сторона монеты. Другая же заключалась в том, что к рабам относились на Руси как к не повзрослевшим детям. Хозяин имел над ними те же права, что отец над сыном — но не более. И имел в их отношении те же обязанности. Что до суровой власти отцов — нелишним нам будет помнить, что воины Олега и Святослава, Донского и Ермака, Суворова и Ермолова выросли под такой вот суровой отеческой властью — неужели они были меньшими мужчинами, чем нынешние поколения, сызмальства напичканные представлениями о своих правах — и обязанностях родителей? И если да — почему перед ними трепетали предки тех, что сейчас хозяевами гуляют по улицам наших городов? Кстати, эти чужаки, чувствующие себя хозяевами в повернувшейся на «правах» России, как раз столь же безропотно признают над собою власть своих седобородых отцов, как и наши недавние предки.

Но мы отвлеклись, читатель. Вернемся к тому, почему в древней Руси рабов сближали с детьми. Араб ибн Русте пишет: «К рабам они (русы. — Л.П.) относятся хорошо и заботятся об них». Кстати, опять-таки сходство с кастовым обществом в Индии — шудра по правам был приравнен к ребенку.

Грань между взрослым и ребенком — а также между свободным и рабом — в традиционном обществе определялась не количеством прожитых лет. Как раз

рабы и были людьми, дожившими подчас до седых волос, но так и не признанными общиной взрослыми. Ребенка превращал во взрослого суровый обряд вхождения в род, посвящения. Его можно сравнить со вторым рождением — в Индии полноправных членов общины, не шудр, так и называли «дваждырожденные». А можно — со смертью ребенка. Потому что, для того, чтоб родился взрослый сородич, ребенок должен был умереть. И обряд этот был когда-то страшным, как смерть, и мучительным, как роды. Стать объектом этого обряда было почти так же страшно, как стать объектом человеческого жертвоприношения — и ведь это «почти» существует только для нас, ведь те, кто ему подвергался, верили, что умирают всерьез, что грозные Божества пожирают ребенка в хижине в виде зверя-покровителя рода, обнесенной частоколом с черепами врагов — чтоб породить взрослого сородича! Память об этих ритуалах, как установил В.Я. Пропп в своем труде «Исторические корни волшебной сказки», отразилась в русских сказках — это оттуда все эти разрубленные на кусочки и оживленные живой и мертвой водою царевичи и витязи. Это оттуда зловещая избушка на куриных ногах в лесной чаще, огороженная забором, увенчанным черепами, и страшная старуха, сажающая в печь на лопате маленьких детей. Далеко не каждый мог этот обряд вынести — но в далекие охотничьи времена, когда он появился, слабые дети до него попросту не доживали — делали свое дело холод, голод, болезни, хищные звери. Когда же появилось земледелие — времена стали мягче, больше детей доживали до ритуала, то больше становилось таких, что с криком «Мама!!!» бросались прочь, назад из страшных лесных хижин, от черепов на часто-

коле, от жрецов и жриц в масках чудовищ, от ужаса и боли. И Мать, словно услышав, принимала их вновь под свое покровительство — до нового ли посвящения, или навек.

Именно так появились рабы.

Впоследствии в них стали превращаться и те, кто, взяв оружие в руки, пугался неизбежной доли воина, с воплем кидал его наземь, увидев над головою занесенный меч или секиру. Тем самым он показывал, что посвящение его было, так сказать, некачественным, недостаточным. Он просил его пощадить. Вдумайтесь, читатель: по-ща-дить. Замена «Щ»-«Ч» в славянских языках одна из самых естественных: нощь — ночь, дщерь — дочерь, пещера — печора. По-чадить. Чадом признать, ребенком. И становится такой бывший воин ребенком. Отроком. Паробком. Челядином. Холопом. Рабом. Псевдомаврикий Стратег пишет, что славяне не оставляют пленных навеки в рабстве, а по истечению времени предоставляют им, на выбор, или право жить, как равные, среди них, или возвращаться на родину. Я уверен, что речь шла не просто об «истечении времени», но об прохождении какого-то обряда, повторного посвящения — иное дело, что Псевдомаврикий не мог знать об этом, ибо писал, конечно, со слов вернувшихся на родину бывших пленников славян — а те не горели желанием рассказывать всем и каждому, что в плену совершали Языческие обряды. Инквизиции в Византии не существовало — но государственная церковь Восточного Рима и без нее обладала достаточным количеством возможностей испортить жизнь отступнику.

Рискуя навлечь на себя гнев феминисток, отмечу, просто для сведения, что первые упоминания о рабах на

Руси, собственно, с завидным постоянством говорят о *рабынях.* Ибн Фадлан рассказывает о торговле русов рабынями. Упоминание о ключнице Ольги хазарке Малке, «робе» (женском аналоге холопа), почти на век старше первого упоминания собственно холопа. И даже первое упоминание о рабстве в берестяных новгородских грамотах связано опять же с рабыней-девушкой. Знаменитое «От Жизномира ко Микуле. Купил еси мне рабу в Плескове...». Вспоминается, что за убийство женщины любой касты и убийство шудры, по индийским законам, платили одинаковую виру. Поскольку приниженным положение женщины в индийском обществе стало довольно поздно, в результате контактов с мусульманами, а до того мы видим и правящих цариц, и воительниц, и даже женщин-полководцев, следует предполагать, что здесь сказалась обрядовая близость шудр и женщин, покровительствуемых одним и тем же Божеством — точнее, Богиней.

Итак, фольклор и письменные источники несут достаточно свидетельств того, что в древней Руси были и священные правители, и жрецы-волхвы, и организованные в касту воины, и общинники — производители материальных благ, и, наконец, рабы. А былины ясно определяют общество Руси как состоящее из «родов»-каст, между которыми происходило разделение труда, причем выходцы из каждого такого рода старались сочетаться браком с «коллегами». То есть основание для почитания Пяти Богов было. И нам остается лишь поподробнее познакомиться с каждым из тех, чьи кумиры поднялись в 980 году за оградой теремного двора киевских великих князей.

Глава 5 Пять Богов на Киевском холме

Перун, царь-небо. Хорс-Дажбог, небесный жрец. Стрибог-воитель. «Семарьгл» — Сенмурв или ЯриЛо? Макошь-Матушка. Обновление Пятибожия Владимиром — причины и последствия.

Боги мои, Боги Прави, черные да белые...

Трофим, «Боги мои»

Итак, начнем, естественно, с начала — с того, кто и возглавлял летописный перечень.

ПЕРУН

И хмелясь победным пиром, За лучом бросая луч, Бог Перун владеет миром, Ясен, грозен и могуч!

Сергей Городецкий, «Перун»

Перун (Перен, белорусе. Пярун, словацкое Паром и т.д.) — пожалуй, самое известное Божество славян — хотя бы по пушкинскому «покорный Перуну старик одному». Для многих именно с этих строк и начинается знакомство с миром древнеславянских Божеств. Перуна в основном минула даже вакханалия «критического метода» — кроме нескольких наиболее отмороженных норманнистов да профессора Корша, отыскавшего у албанцев (!) какого-то Перынди и радостно заявившего, что «о славянском происхождении имени Перуна теперь не может быть и речи». Но этих господ не поддержали Даже их единомышленники из лагеря сторонников «кри-

тического метода». Корту, например, Гальковский возразил, что совершенно непонятно, какими ветрами могло принести албанское Божество во главу русского Язычества.

Его же, судя по всему, упоминает и одно из самых первых сообщений о религии славян: «Эти племена, славяне и анты, считают, что один только Бог, творец (в некоторых переводах — кузнец[1]. — Л.П.) молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков, и совершают другие священные обряды». Так писал в VI столетии летописец повелителя Восточной Римской империи, Юстиниана Великого, Прокопий Кесарийский. Но само имя Громовержца много, много древней. Об этом говорит и балтский культ Перкунаса, и культ Пируа-громовика у хеттов, индоевропейского народа, побеждавшего фараонов Древнего Египта, и одно из имен Индры — Парьянья (иногда, впрочем, Перуна сопоставляют с другим ведическим Божеством — Варуной). Сюда же относится титан Гиперион из греческой мифологии. Титанов многие ученые считают Богами древнейшего населения Балкан — пеласгов, которых сменили в истории — и «победили» в мифах — эллинские Олимпийцы во главе с Зевсом (в славянском переводе античного романа «Александрия», посвященного жизни и подвигам Александра Македонского, имя Зевса переводится как раз как «Перун»).

---

[1] Опять сходство с кузнецом-Сварогом. Кавказские «отголоски» культа Перуна, о которых я подробно рассказывал в книге «Кавказский рубеж» — грузинский Пиркуши и чеченский Пирьон-падишах — как раз прославились кузнечными достижениями. Первый просто покровительствовал кузнецам, а второй выковал медное небо для себя. Добавьте поверье, что молния никогда не бьет в кузницы.

Гиперион, кстати, отец солнечного Гелиоса, а сам Зевс — отец Светозарного Аполлона, что придает дополнительный вес моему предположению, что отец «Солнца-царя» Даждьбога Сварог — это тот же Перун, только под другим именем. Культ Перуна уходит корнями в доисторические глубины, и не зря его символами и святынями считали находившиеся кое-где после бурных дождей и гроз кремневые стрелки[1] и каменные топоры. Почитание этих топорков — как и почитание самого Громовержца — дожило местами до XX века. Именно это, кстати, позволяет понять, почему оружием Громовержца считались и топор, и молот, и палица — именно к каменному топору, оружию скорее дробящему, чем рубящему, все три эти определения подходят в равной степени. В Белоруссии Перуна также «вооружали» луком со стрелами и даже... кремневым мушкетом, что, безусловно, является позднейшей легендой. Однако, как мы видим, почитание Громовержца продолжалось большую часть истории человечества — от кремневых стрел и топоров до кремневых ружей!

Кроме тезок, у Перуна были и носившие другие имена подобия-близнецы в пантеонах индоевропейских народов. Это Зевс эллинов, Юпитер римлян, Таранис кельтов-галлов, Веретрагна иранцев, Доннар германцев, Тунор англосаксов и Тор скандинавов. В их культах очень много общего. Доннар, Тор, Таранис на языках народов, почитавших этих Богов (или все же вернее сказать — этого Бога?) обозначало гром. По-русски

[1] Иногда «Перуновыми стрелами» считались и ископаемые острые камни-белемниты, которые современная наука считает останками подобных кальмарам морских животных, современников динозавров, вымерших вместе с ними.

гром назывался перуном еще во времена Алексея Михайловича. По-белорусски, по-польски, по-словацки имя Бога переводится как гром, молния. Так что и эти Боги — тезки русского Громовержца. Почитание Громовержца оставило след в названии местностей и личных именах по всему славянскому миру. В Истрии, Далмации, Боснии распространено название «Перунов връх» — връх на сербохорватском — гора (а горой там называют лес). В Сербии есть долина Перин, гора Пе-руни и село Перуня. В Болгарии гора Перушица («Пе-рушице» назван древний Бог в одной из Новгородских летописей). В Болгарии, кроме того, существует предание о некоем попе, пытавшемся с крестом в руках изгнать Громовержца с его капища. Перун в ответ открыл и низверг на надоедливого иерея горное озеро, которое теперь и называется Поповым. В Болгарии распространены личные имена Перун, Парун (мужские), Перуна, Перуница, Перуника (женские). В Македонии Перуни-ца и Перун употреблялись как имена людей. А у сербов и хорват Перунико — мужское имя (на Руси тоже, кстати, известен казак Перунко). В Польше есть Пе-рунова гора, Перунка, Перунов мост, селения Перунце, Перунувек.

Именно в честь Перуна, судя по всему, совершал в болгарском городе Доростоле торжественные жертвоприношения великий князь русский, Святослав Игоревич,

---

[1] Подобные земные «тезки» Пятерых Богов — а едва ли не каждый из них обладал подобными — могут показаться удивительными; однако ничего сверхъестественного в них нет. Нам привычны греческие земные тезки бессмертных Олимпийцев Дмитрий (Деметрий, от Деметры), Артем (Артемизий — от Артемиды), Денис (Дионисий — от Диониса), Аполлон и т.д. Так же обстояло дело и на Руси, и в иных славянских землях.

по сообщению византийца Льва Диакона. Дело в том, что обряды эти происходили 20 июля 971 года, а именно этот день в традиции русского «народного православия» стал днем празднования Громовика Ильи. Наверно, иудео-христианское имя «пророка» стоит взять в кавычки, ибо и представления о нем его почитателей из русской деревни, и само его почитание имели очень мало общего с христианскими. Русскому крестьянину не было ровно никакого дела до древнего иудея, фанатика культа ревнивого племенного божка, убивавшего собственных соплеменников за почитание чужих кумиров. Иной мужичок из какого-нибудь Ильинского прихода еще бы и обиделся смертно, намекни ему кто, что «Илья-пророк» был евреем. В его сознании «Илья» был рослым богатырем, в колеснице или на белом коне несущимся по небесам и разящим стрелами нечисть — а то и нечестивых или попросту непочтительных к нему (в частности, пашущих или косящих сено в его день) людей. При этом, как и положено Языческому Божеству, «Илья» мог покарать не только самого святотатца, но и его общину (в древности, конечно, род), во избежание чего еще в начале XX века на мужика, вышедшего пахать в день Громовника, накидывались разом все односельчане, били, отнимали сбрую — и пропивали ее в честь «Ильи». В день Громовержца русские православные мужички почитали грозного «святого» не столько свечечкой и смиренной молитвой, сколько пиром, к которому, как и их предки во времена Юстиниана, закалывали откормленного в складчину всей деревней «ильинского» быка, на худой конец — барана. Потом следовала буйная пляска — «попляшу святому Илье!». Христианских вероучителей подобное «смешение стилей» не радовало.

В одном из средневековых поучений сказано: «Епифа-ний рече: по праву ли сие глаголют, яко Илья Пророк есть на колеснице ездя гремитъ, молшя пущаеть по об-лакамъ и гонитъ змк? Святый же рече: не буди то чадо, ему тако быти (не достоин называться чадом — надо полагать, духовным — тот, кто так говорит. — Л.П.), велико бо безумие есть... человеци бо умовреднии (умалишенные. — Л.П.) суть, да по своему безумию написали». Однако в конечном итоге приходилось мириться хотя бы с такой, прикрытой христианским «псевдонимом» формой почитания древнего Божества, хотя бы потому, что во многих местах почитание древнего Бога под его собственным именем продолжалось до Нового времени: в Болгарии до XVIII века, в Белоруссии — до XIX.

В древнем Киеве варягов-христиан убили за неделю до того дня, которому впоследствии суждено было стать праздником «пророка»-Громовержца, того дня, когда приносил свои жертвы Святослав Храбрый.

В греческих «Чудесах Дмитрия Солунского» в VII веке славянский князь Ясон (или Якун) обращается к «оракулу Пырину» перед походом на греков. В полном соответствии с «законами жанра» пророчество «богомерзкого идола» оказывается бесполезным, что в реальной истории отчего-то не помешало славянам захватить не только окрестности Солуни (Фессалоник), но и все Балканы, и даже Пелопонесс, ставший на века славянской Мореей.

Перуна упоминают в паре с Волосом договоры с Византией Олега Вещего, одного — договор 944 года Игоря Рюриковича, и не то в паре с Волосом, не то в тройке с ним же и неким не поименованным конкретнее

Богом — договор 972 года Святослава Игоревича Храброго. Если Волосу клянутся на золотых обручах-браслетах, то Перуну — на оружии. Соответственно, Божья кара за нарушение клятвы должна, видимо, воспоследовать от каждого своя — от Перуна — гибель от своего оружия, от Волоса — «да станем же золоти, яко золото» (видимо, имеется в виду какая-то болезнь).

Затем идет уже очень подробно рассматривавшееся нами описание воздвигнутого Владимиром в 980 году святилища Пятерым. Иногда также сообщается, что дядька будущего крестителя, хазарин Добрыня, воздвиг кумир Перуна в Новгороде. Из этого иногда делаются далеко идущие выводы — например, что Перун-де почитался исключительно в южной половине Руси, а в северной почитали Волоса (опять та же попытка превратить общеславянских Богов в местных или племенных кумиров, что и со «сборной» версией происхождения Киевского Пятибожия). При этом чрезвычайно сложно было бы объяснить, отчего, скажем, в заведомо южнорусском «Слове о полку Игореве» совершенно не упомянут Перун, зато присутствует упоминание о Волосе/Велесе («Бояне, Велесов внуче»). Или отчего князья варяжской Руси, в Киев пришедшие с севера, считают «Богом своим» именно Перуна. Или отчего в Пскове, где немец-путешественник И. Вундерер видел в XVI веке каменные кумиры Перуна и Хорса, до XX века бранились: «Сбей тебя Перун!» Подобные ругательства бытовали и в Белоруссии («Каб цябе Пярун треснув!») и Словакии («Паром те забив!»). В Словакии почитание Перуна-Паруна-Парома продолжалось до позапрошлого столетия, про него рассказывали предания, его упоминали в речи, ему, кажется, даже жертвы приносили.

В новгородских преданиях основание капища Громовержца на холме над Волховом, где впоследствии встанет православный Перыньский монастырь, приписывалось сыну легендарного прародителя Славена, Волху Славеновичу (Волху все Славичу, Вольге свет Славьичу русских былин). В данном случае — как и во многих других — археологический факт оказывается на стороне фольклора. Весомый щелчок по носу иных снобов-историков, употребляющих слово «фольклор» как какое-то ругательство! Раскопки В.В. Седова на Перыньском холме подтвердили существование там святилища по крайней мере с VII века. Огромный холм венчала статуя Громовержца с пылающим перед нею костром (про неугасимый костер перед кумиром древнего Бога гроз новгородцы рассказывали еще Адаму Олеарию в XVII веке). Вокруг холма был прорыт ров с восемью круглыми ямами-лепестками (вот тут сравнение с лепестками гораздо уместней, чем в случае киевского святилища'), ориентированными по сторонам света. Подобный ров окружал и место идола на святилище горы Богит в Западной Украине — там, скорее всего, стоял прославленный Збручский идол. В каждом из лепестков тоже горел костер. Так что ни о «южном» происхождении Перуна, ни о возведении Добрыней *первого* святилища Громовержца в этих местах говорить, по-видимому, не приходится. Как и его племянник в Киеве, Добрыня в Новгороде разве что обновил святилище древнего культа — что опять-таки вписывается в общее положение Владимира во времена вокняжения. Сын рабыни, хазар-

---

Более того, в очертаниях рва ученые видят сходство с конкретным цветком iris germanica, у южных славян называвшимся **Перуникой.**

ский полукровка, братоубийца должен был всеми силами демонстрировать верность древним обычаям и почтение к Богам.

Допускаю, впрочем, что как раз предание об установлении Добрыней кумира Перуна в Новгороде и есть фольклор — та не лучшая его разновидность, что связывает любую местную достопримечательность с именем последней побывавшей в этих краях знаменитости. Так, по свидетельству Костомарова, курганы Новгородчины, быть может помнившие варягов Рюрика, приписывались обывателями Новгородской губернии Ивану Грозному и Марфе Посаднице. Так название реки Ворсклы (связанное чуть ли не с праславянами скифских времен, ско-лотами) и выложенные из камней на Соловецких островах и берегах Белого моря лабиринты каменного века местное предание уверенно приписывают Петру Первому (река якобы получила свое название — «Вор скла, стекла» — из-за утопшей в ней «подозрительной трубки» императора, а вот к чему государю потребовалось громоздить каменные круги — не уточняют). Холмы и курганы на берегах Камы, по уверениям местных крестьян — земля, вытрясенная из сапога Пугачевым, а фаллический камень в городе Плес (скорее всего святыня языческих, возможно даже, до-славянских времен), установил-де Федор Иванович Шаляпин в назидание неверной любовнице. Ровно по этому же принципу к моменту составления летописей древнее капище могли приписывать дядьке Крестителя.

Как было разрушено святилище в Киеве и подвергся особому поруганию кумир Громовержца, я, читатель, Вам уже рассказывал. В Новгороде, согласно местным летописям, однако, все не обошлось так просто — ку-

мир якобы кричал: «О горе! Ох мне! Достался немилостивым этим рукам!» Но, проплывая под Волховским мостом, кинул на него свою палицу со словами: «Тешьтесь, новгородские люди, а меня поминайте!» Там и «поминали» сурового Бога регулярными побоищами вечевых партий, а также и казнями — осужденных вечем оглушали палицей и скидывали в Волхов, где как раз под мостом была незамерзающая полынья. Любопытно, что бились и казнили не абы какими палицами, а Перу-новыми , хранившимися... в церкви святых Бориса и Глеба, пока в XVII столетии знаменитый реформатор Никон не сжег их. Счастья это ни ему, ни Руси не прибавило — сам Никон угодил в опалу и умер в монастырском заточении, а его реформы привели к Расколу, долго и больно отзывавшемуся в русском общественном сознании. Кстати, небезынтересна и участь самого крестителя Руси — но об этом подробнее скажем в другой книге, посвященной язычникам после крещения. Что до хранения в церкви Языческих атрибутов, новгородцы не были оригинальны — в аббатстве Бромли (Стаффордшир, Англия) и поныне хранятся рога северного оленя — традиционный атрибут местных Языческих плясок. Учитывая, что северные олени в Англии не водятся уже более тысячи лет, возраст Языческой святыни весьма почтенен.

Обращает на себя внимание и другое обстоятельство — по-видимому, столь активное поведение новгородского идола или, по крайней мере, такое описание его в

Это говорит о том, что битвы вечевых партий представляли собой не просто вульгарный мордобой, вроде того, который вспыхивает время от времени в современных парламентах, а своеобразный коллективный «Божий суд».

новгородских летописях — в то время, как в Киеве кумир Перуна не подает признаков жизни (для того, чтобы утешить читателя-материалиста, поправлюсь — там ему эти признаки «не *приписываются»)* — объясняется более теплыми чувствами новгородцев к Грозовому Богу. Эта мысль подтверждается тем обстоятельством, что низвержение Перунова кумира, прошедшее в Киеве без заметных эксцессов, в Новгороде вылилось в кровавое «крещение огнем и мечом». Кроме соседей новгородцев, балтов с их Перкунасом (не следует забывать, что в Новгороде была улица Прусская, в честь балтско-го племени пруссов, истребленного впоследствии христианами, причем улица считалась аристократической), существовали еще и варяжские (балтийско-славянские) корни самих новгородцев. «Людье новгородские от рода варяжьска до днешьнего дни», говорит новгородская летопись, и добавляет про времена Олега Вещего — «Ва-рязи мужи словене». Современная наука — археологическая, лингвистическая, антропологическая — подтверждает это заявление источника полностью. Древнейшая керамика Новгорода и Пскова, архитектура городской крепости Новгорода, оружие, хлебные печи, речь новгородцев — от современных диалектов до берестяных грамот — и, наконец, черепа в средневековых могильниках Новгорода указывают на тесную связь населения с славянской южной Прибалтикой — «Поморьем Варяжским» русских летописей. Для сравнения — скандинавских вещей в Новгороде археологи нашли даже меньше, чем в Киеве. Скандинавских погребений в окрестностях столицы Рюрика *нет вообще.* Если бы норманнская теория состояла с наукой хотя бы в отдаленном родстве, этих данных было бы достаточно. Непосредственно в

Альденбурге, древнем Старгарде (сравните с «Новгород»), называвшемся по другому Рерик (Ну как, читатель? Это название вам ничего не напоминает? В частности — имени одного варяжского князя?), почитали Бога справедливого суда Prone, чей истукан возвышался в дубовой роще и представлял собою фигур> человека с копьем и щитом (как в Радзивилловской летописи изображают Перуна). Перед ним люди судились, в особо сложных случаях обе стороны брали в руки раскаленное железо — тот же способ «Божьего суда», что предписывается «Русской Правдой» Ярослава Владимировича[1]. С дубом связывается у всех индоевропейцев культ Громовержца, так что Проне из Старгарда, судя по всему, и есть русский Перун. Перунов дуб упомянут в средневековой западноукраинской грамоте 1302 года. Согласно позднейшим преданиям, тело новгородского кумира Перуна было вырезано как раз из дуба, и неугасимый огонь перед его изваянием горел как раз из дубовых дров. Дубу поклонялись, согласно Константину Рожденному в Пурпуре (Багрянородному), на острове Хор-тица за Днепровскими порогами русы при князе Игоре — том самом, при котором в договоре упоминался только Перун. Дуб был священным деревом Перкунаса у пруссов и литовцев. В Десне дважды (в 1909 и 1975 годах) находили дубы с девятью (вспомним девять костров Перыни и прибавим сюда «девять Перкунасов» литовских преданий) врощенными в ствол дерева клыка-

---

С другой стороны, по некоторым сообщениям, это был не просто кусок железа, а сошник — а это уже напоминает индийские обычаи, когда судящиеся должны были лизать раскаленный сошник языком. Как, впрочем, и сколотское предание о раскаленных чаше, секире и плуге, коснувшись которых младший сын прародителя-Таргитая стал первым царем сколотое.

стыми челюстями кабанов. Кабаном оборачивался иранский Веретрагна, аналог индийского Громовержца Индры. а у Упендры-Вишну кабан-Вараха числился одним из десяти аватар-воплощений. В житии святого Кирилла сказано, что когда будущий святой посетил с дипломатической миссией Хазарский каганат, он видел там людей, молящих о дожде гигантский древний дуб. Дуб этот они называли именем, которое греческий автор жития воспроизвел как Александр — «Защитник людей» (в мифологии так часто называют именно Громовержца, защищающего «средний мир», мир людей от чудовищ и демонов). Согласно аль Масуди, среди язычников Ха-зарии больше всего было славян. Естественно, святой Кирилл отметился уничтожением святыни наших предков. Кстати, очень похоже на приводимую армянскими историками историю данника хазар, северского князя Лютовера — тот тоже, готовя восстание протв каганата и полагаясь на помощь Христа и его наместника на земле, императора Византии, позволил византийскому миссионеру уничтожить древний священный дуб своего народа (вспоминаются дубы из Десны, реки северян, уничтоженные, по мнению ученых, задолго до официального крещения Руси). Восстание, само собою, потерпело поражение[1].

Кроме того, там же, на Балтийском Поморье, четверг называли «перундан». Четверг посвящали Громовержцу во многих календарях — немецкое «доннер-стаг» — день грома или Доннара-Громовержца, английское Thursday — память о Торе, в языках романских народов, наследников Римской империи, название чет-

---

' Подробнее вся эта история приведена в моей книге «Святослав».

верга переводится как день Юпитера. Наконец, современное селение Prohne на землях, принадлежавших по-лабским славянам, в документах 1240 года именуется Перун, а позднейшией Prohnsdorf (буквально — двор Проне) — Перон. Этим окончательно подтверждается тождество Старгардского Проне с Перуном.

Так что «мужам новгородским от рода варяжьска» Перун был отлично знаком и хорошо памятен.

Теперь давайте посмотрим, читатель, как соотносится Перун с ролью Священного правителя Богов. Что он был верховным Богом на Руси (а также у чехов и поляков, где главным Божеством назван «Юпитер», и у южных славян — вспомним Прокопия Кесарийского и «Чудеса Дмитрия Солунского») — это более-менее очевидно из всего сказанного выше. Он отождествлялся с небом — напомню еще раз ту самую формулу: «Сколько есть небес? Перун есть мног». Он отождествлялся с дубом — мировым древом славянских легенд, тем самым сакральным центром, осью мироздания. Его эмблемой было космическое колесо о шести спицах, а лепестки «цветка»-рва в Перыни знаменовали Его власть над всеми сторонами мироздания. Распространенные легенды о брачной невоздержанности Громовержца следует соотносить с браком-властью над местными Богинями разных стран и племен — как земной правитель (великий князь, каган) имел гарем человеческих воплощений этих стран, земель, волостей и общин.

Перун наделен всеми чертами космического владыки, миродержца, Царя Богов. Но как Царь он воплощает в себе черты и остальных каст.

Поскольку им клялись и к нему обращались за пророчествами — он также и жрец, хранитель законов и

связующее звено между Мирами. Под Ромнами, в урочище Монастырище, по преданию, до XVIII века стоял каменный идол Перуна, к которому 20 июля собирались за прорицаниями «колдуны и ведьмы». Жертву сжигали на дубовых дровах, покойников хоронили в дубовых лодках (сравните древнерусское выражение «в дуб глядеть» с современным «одной ногой в могиле»). Вепрь у кельтов, чья религия имела такое сходство со славянской — символ жреческой касты, друидов[1]. Клыки вепря в Перуновых дубах — символ жреческой власти Громовержца. Балтийский Перкунас, грузинский Пир-куши были покровителями кузнецов — а кузнецы во многих культурах Евразии воспринимались как чародеи. Так было от Ирландии, где христиане просили своего бога защитить их «от чар кузнецов и друидов» до Сибири, где говорили: «кузнец и шаман — из одного гнезда птицы». В славянских языках «кузло» — и кузнечное мастерство с его принадлежностями, и чародейство, «кузлар» — колдун.

Доказывать то, что Перун был наделен воинской функцией, полагаю, излишне. Это ему клялись на мечах воины-русы Олега Вещего, Игоря Старого, Святослава Храброго. И не зря, когда «Слово о полку Игореве», не упоминавшее Перуна прямо, хочет описать надвигающуюся битву — оно говорит о надвигающейся грозе. «Чрьныя тучя с моря идутъ, хотятъ прикрыти четыре солнца, а въ нихъ трепещутъ синий млънии. Быти грому великому! Идти дождю стрелами съ Дону великаго!» Когда Перун упоминается вне Пятибожия, в паре Пе-

[1] Кстати, в русских сказках и бывальщинах свиньей перекидываются отнюдь не воины, но ведьмы и колдуны, что ближе к жречеству.

рун-Волос (воины-дружинники и жрецы-волхвы) из договора Олега Вещего, или в троице из договора Святослава Храброго «Бог»-Перун-Волос (три основные касты свободных людей — производители-общинники, воины и волхвы), он представляет собою именно касту воинов, витязей.

Однако у Перуна была и другая функция — он был для наших предков подателем плодородия. Отсюда его любовная неукротимость. Более того, в белорусских преданиях Перун летает на мельничном жернове. Хотя жернов и представляет собой соединение (довольно остроумное, надо заметить) Мирового Колеса с каменным топором Перуна (кстати, сам топор, как говорилось выше, считался не совсем воинским оружием, но ношение маленьких топорков, сменивших в XI—XII веках «громовые топорки» балтийского образца, было распространено очень широко), но он все же, в первую очередь, связан с тем самым производством материальных ценностей, главной из них — хлеба. В преданиях северного Кавказа Пиръон-падишах, сын громовержца Селы (по мнению исследователей, заимствованный у славян-язычников Перун) приносит из нижнего мира первую мельницу. Он также очень почитает хлеб. В Словакии «Бог Паром» наказывает женщину, осмелившуюся подтереть колосьями своего малыша, обращая ее в камень. Более того, суровый Бог собирается вообще отнять у людей все зерна на колосьях (до этой истории, по преданию, зерна покрывали колос от земли до самого верху), и лишь просьба собаки оставить ей долю длиной хотя бы с ее нос останавливает его. «С тех пор люди и едят собачью долю». На Руси в честь громовника Ильи пели песни: «Где Илля ходит, там жито родит» — как

мы увидим, схожие песни посвящали Яриле. В Болгарии еще в XVIII столетии водили по селу и обливали водою юношу, закутанного в листву, величая его «краль Перун». Тут все — сельскохозяйственная магия заклинания урожая, во всем подобная восточнославянским обрядам, посвященным Яриле. Однако в качестве действующего лица выступает все же Перун. Позднее эта роль перешла к девушке , которую величали Пеперудой или Пеперуной (иногда еще — Додолой, что созвучно с литовским прозвищем Перкуна — Дундулис). Одни исследователи связывают это название с именем Громовержца, другие — с древнеславянским Прапруда — ливень, третьи — с названиями бабочек (папилла, папа-луга, папира) в языках южной Европы. Пелась песня о том, как золотая Пеперуда летает перед Перуном, прося у него дождя. Наконец, в записанной в двадцатых годах прошлого века на Станиславщине в Галиции купальской песне Перун назван «отче над Ладом», и у него просят «дочекати (дождаться. — Л.П.) Лада-Купала», то есть Перун покровительствует главному празднику плодородия и любви. Итак, Перун выступал как оплодотворитель Земли, податель дождя и урожая. Это все — черты Бога-покровителя общинников, хозяев. Клейн был прав, отмечая общие черты Перуна и Ярилы, но ошибся, выведя из этого тождественность двух Богов. Просто Перун имел некоторые черты Ярилы — а вот молодой, добрый Бог плодородия и любовной страсти не имел черт ни сурового владыки мира, ни Громовержца. Наконец, в мифологиях многих индоевропейских на-

[1] Как видим, роль женщины или девушки в обряде далеко не всегда бывает изначальной. Особенно это касается обрядов, связанных с магией земледелия.

родов есть следы предания о плене Громовержца, связанные обычно со временем зимы. Прослеживаются они и у славян (Илью Муромца, перенявшего многие черты Громовержца, а зачастую и отождествлявшегося с ним, захватывают в плен «татары» Калина-царя и т.д.). Эта черта сближала Владыку Вселенной с последним сословием, с последней кастой — кастой рабов.

Перун совмещает в себе черты всех сословий — и к тому же, как и полагается Царю, отождествлен с Вертикалью, Центром, мировой Осью (дубом, горою) и небом (очевидно, тем самым верхним небом мифологии, которое располагалось нашими предками выше путей Солнца и считалось хранилищем запасов небесной влаги[1]).

ХОРС ДАЖДЬБОГ

Жесток мой Бог, Конь коней,
Конь-Солнце!

Елена Косачева, «Мора»

Хоре (Харе, Хоурс, Хърс, Хръс, Хрос) упомянут, кроме летописного перечня 980 года, в поучениях против Язычества, в «Хождении богородицы по мукам», в «Беседе трех святителей», где, наряду с Перуном, назван «ангелом громным», и в «Слове о полку Игореве». Его почти сразу сочли Божеством Солнца, и многие исследователи сопоставляли имя Бога с авестийским (древнеперсидским) «hvare», персидским «chur, hor», осетинским (осетины — древний северокавказский народ, потомки скифо-сарматских племен) «chur». Все эти

[1] Вышеупомянутый кавказский «двойник» Перуна Пиръон, как я уже говорил, выковал себе медное небо — что окончательно сближает Перуна со Сварогом, Кузнецом-Небом.

слова обозначали Солнце. Разумеется, исследователи разных школ делали из этого свои выводы — мифологи заключали о древнейших, индоевропейских корнях почитания этого Бога, а «объективисты», разумеется, о заимствовании Хорса у иранских народов. До сих пор, кстати, популярна дивная комбинация, объясняющая, что Хоре на Руси появился... из Хазарского каганата. Оказывается, *тюрки* по языку и *иудеи* по вероисповеданию (а с точки зрения иудаизма, даже христианство недостаточно единобожно) принесли на Русь *Языческого иранского* Бога. Примерно на тех же основаниях можно было бы предположить, что русские коммунисты принесут в Китай культ Гитлера. Основана эта дивная теория на двух опорах — во-первых, в одном южнославянском источнике Хоре назван «жидовином». Но в том же источнике Перун назван «эллинским старцем» — а, кажется, никто не предполагал, что Перун пришел на русские капища из Афин или Спарты. И «эллин», и «жидовин» в данном случае лишь часть единого в глазах христиан нехристианского мира. Оба определения с успехом заменило бы одно — «нехристь». Собственно, в православной лексике встречаются и вовсе уж умоза-тмевающие определения. Вот духовный стих «Егорий Храбрый». В нем, пленив Иерусалимского царевича Егория, «царище Демьянище» (ненавистный христианам римский цезарь Диоклетиан) требует от него: «Веруй ты в веру нашу, жидовскую (иудаизм. — Л.П.), басурманскую (ислам. — Л.П.), поклоняйся кумирам (Языческим идолам. — Л.П.) латинскиим (католическим. — Л.П.)».

То есть римский император требует от схваченного им иерусалимского (и, очевидно, иудейского — откуда

ж в Иерусалиме другие?) царевича принять иудаизм, ислам, и поклониться католическим идолам (само по себе замечательное определение, если даже позабыть, что с точки зрения как раз иудаизма и ислама даже православный культ икон — идолопоклонство). Но в глазах и певцов, и слушателей «Егория» все прилагательные обозначали просто «чужие, нехристианские». Поэтому — и не по чему иному — и Языческое Божество удостоилось от православного книжника определения «Жидовина»[1].

Во-вторых, в Хазарии-де служили хорезмийские гвардейцы, они и принесли на Русь Хорса. Звучало бы убедительно — в конечном счете, само слово Хорезм изначально звучало на древнеперсидском как Хор-зем, солнечная земля. Да вот только в сочинениях арабских авторов, от которых мы и узнали про хорезмийскую гвардию, черным по белому написано, что среднеазиатские воины хазарских каганов были, все как один, правоверными мусульманами. И, конечно, не могли и знать никаких солнечных Богов — а Симург мог быть для них в лучшем случае литературным персонажем волшебных сказок, не более.

А самое главное — отношения между славянами и хазарами времен расцвета каганата не подразумевали никаких заимствований. Об этих отношениях я подробно писал в моей книге «Святослав». Судя по бесследному исчезновению сокровищ державы, в течение двух веков

Если на то пошло — в «Сказании о Мамаевом побоище» Хорса («Гурса») наряду с Магометом и какими-то неведомыми «богами» или демонами призывает не кто иной, как... Мамай. Чем не довод для любителей потолковать о степном происхождении Божества? Вот только начинается список призываемых Мамаем «бесов» с... Перуна.

служившей мытарем и ростовщиком на пересечении двух величайших торговых путей Евразии, а также по тому обстоятельству, что победители Хазарии, русы Святослава, у Льва Диакона выглядят не богаче, но, скорее, беднее русов отца Святослава Игоря, описанных ибн Фадланом, русы-победители брезговали даже материальными сокровищами торговцев славянскими рабами. Что уж говорить о возможности позаимствовать у «Чу-да-Юда каганого» Бога!

А ведь сия «научная версия» излагается в солидных научных сборниках и монографиях на полном серьезе.

Впрочем, одно пересечение с «иудаизмом» Хоре все же имеет — в древнеиудейском тексте библии встречается слово «хре» в значении Солнца. Это не еврейское слово, поскольку в древнееврейском языке аналогичное слово обозначает «глина, черепок» (современное произношение — «хэрэс»). Явно произошло заимствование из какого-то арийского, скорее всего — персидского языка. В средневековом Закавказье встречалось мужское имя Хурс. Однако это не означает, что Хоре был известен только тем славянским народам, что контактировали с иранскими племенами. Имя Хърс встречалось и в Сербии, в Болгарии было два села Хорсово, современный Разград в средневековых документах называется Хръзград. Болгарский царь Владимир, попытавшийся восстановить Веру предков в своей стране и ослепленный за это собственным отцом, равноапостольным царем Борисом, носил прозвище Хросате — «солнечный» (почти «Владимир Солнышко» из наших былин). Наконец, наше, сызмальства знакомое каждому русскому человеку слово «хорошо», тоже происходит от имени светлого Бога. «Хорошо» — в своем роде «по-Божески», «божественно», или «солнечно», если угодно.

Правда, некоторые исследователи, в основном украинского (М.А. Максимович, Я.С. Боровский) и польского (С. Урбаньчик, А. Брюкнер) происхождения, выступили с гипотезой, что Хоре — Божество Луны. Сделали они этот вывод на основании того места в «Слове о полку Игореве», где князь-оборотень, чародей Всеслав Полоцкий, «в ночь влъкомх рыскаше, из Киева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь перерыскаше». Поскольку дело происходит «в ночь» и «до куръ» (то есть до петухов), то упомянутые ученые и решили, что ночью можно было пересечь путь разве что месяцу, но никак не Солнцу. Очевидно все же, что отталкивались они именно от идеи о Хорее-светиле, ведь сам по себе «путь великого Хорса» никак не увязывается с Луной — мало ли какой путь пересек князь-волкодлак. Но ведь Хорса и связывали не с абстрактным светилом, а именно с Солнцем. А то, что оборотень из Полоцка «перерыскал» путь Солнцу, можно понять по-разному. Скажем, князь опередил, перегнал, «перерыскал» Солнце (стихию, оборотням враждебную) и успел в ночи, сбегав по своим делам, вернуться в человеческий облик «до кур». Второе толкование этого отрывка как раз и связано с Солнцем — князь бегал из Киева на юг, в Крымский Тмуторокань, и, естественно, его путь был перпендикулярен пути Солнца с востока на запад, пересекал, «перерыскивал» этот путь.

Отметим, читатель, это «великому Хръсу». Никакого другого Бога автор «Слова о полку» так не величает. Уж не отсюда ли в русском языке такие слова, как «хорохориться», «хорзать», «харзить» (зазнаваться, возвеличиваться), «харзистый» (заносчивый, бранчивый человек), «хорза» (неприступная или норовистая, бойкая девка)?

В одном из списков «Слова о том, како погани кла-

няхуся идолам», там, где обыкновенно в других списках того же произведения стоит Аполлон, тоже указывается на Солнечную природу этого Божества. Правда, в другом памятнике средневековой русской словесности «Слова о том, како крестися Владимер, возмя Корсунь» Аполлоном поименован Перун, но там имя античного Бога употреблено в привычном для Средневековья значении «дьявол, демон» — «Аполлон»-Перун противостоит «истинному» богу христиан как воплощение Языческой «бесовщины». В тексте же, где Аполлон сменил Хорса, перед читателем проходит целая череда Богов, и выделять, как демона-«Аполлона», кого-то особо не было необходимости. Стало быть, именно здесь Аполлон и поименован в своем исконном значении Солнечного, светлого Бога. А значит, это относится и к замененному античным именем Хорсу.

Немного непонятно, как в таком случае относиться к сообщению «Беседы трех святителей» о Хорее как «ангеле» грома и молний. Но в средневековом сознании иногда источником молний воспринимается именно Солнце. В миниатюре к «Никоновской летописи» молнии вылетают из уст лица на солнечном диске. На «громовых топориках», что вместо крестов носили язычники крещеной Руси, наряду с громовыми символами есть и солнечные. Кроме того, Перун и Хоре составляли устойчивую пару (мы чуть ниже поговорим об этом подробнее), и Хоре мог угодить в «ангелы молниянные» попросту «за компанию».

Любопытную идею выдвинул в конце XIX века А.С. Фаминцын. Опираясь на германо-скандинавское название коня — английское «hors», средневековое немецкое «Ross», исследователь обнаружил в западнославянских (и не только) топонимах — названиях рек, го-

родов и селений, гор — этот корень. По его мнению, имя Хорса, Хроса изначально означало коня, Хоре Даждьбог обозначало «конь Даждьбог». Фаминцын ссылался на изображение Солнца как белого, светлогри-вого коня в мифологиях самых разных индоевропейских народов — от Скандинавии до Индии, на общеизвестные примеры использования изображений коня (коньки русских изб), частей его (конские черепа на тех же коньках или на оградах, конский череп подкладывали под голову больному, отпугивая демонов болезни, Лихора-док-Трясовиц), предметов, имеющих к нему отношение (ведьму били вожжами, на суд вели, накинув узду и надев хомут, через хомут продевали больных, над дверью приколачивали подкову — обычай, дошедший до наших дней), как оберегов, защиты от темных сил. Он указывал на следы культа коня — знаменитый мегалит Конь-камень на Куликовом поле, его тезка на Ладожском озере. Более того, от самого имени Божества, читавшегося им как Хрос, Фаминцын производил и название Языческого праздника Русалий, и само имя народа русь, русы — солнечные, дети Хорса, «Даждьбожьи внуки». К сожалению, в этом блестящем построении более красоты, чем убедительности — так, во многих названиях, приведенных Фаминциным в подтверждение своей гипотезы, что называется, «конь не валялся». Таковы, скажем, многочисленные славянские Грозновитцы, Грозицы, Грозинки и пр., происходящие от «грозы», а не от Хорса, германские названия на «герц», а также Русдорф (Русский двор) в Альтенбурге (напомню — Старгарде варягов-ободритов, откуда Рюрик привел свою русь) или ганноверский Росдорф. Вместе с тем заслуживают внимания, по крайней мере не меньшего, чем сербские и болгарские названия, чешские Хоршов,

Хорсовиц, Хорша в Силезии, Хорсдорфы и Хорсмары в землях онемеченных балтийских славян, имя рюген-ской княжны Хорсвиты (Солнцесветлой?). По крайней мере, это расширит «почву» почитания Хорса на запад. Иначе очень трудно было бы объяснить, откуда его имя известно тем же сербам, по свидетельству Константина Рожденного в Пурпуре, пришедшим на Балканы с берегов Эльбы-Лабы. Само название хорватов и хорутан не связано ли с именем солнечного Бога? В их мифологии сохранились какие-то невнятные намеки на древнее Божество по имени Кърт, которые былые исследователи сопоставляли с русским Хорсом. И.И. Срезневский указывал, что по-хорутански «кърт» — огонь, свет. Хорутане называли «Кърт овой одеждой» само небо, и говорили — «wsi gremo w K'rtowo» — все пойдем к Кърту, все умрем. Другая поговорка уточняла: «ne wsi gremo w K'rtowo, marsikteri w c'rtowo» — не все пойдем к Кърту, иные и к черту. Стало быть, посмертное пребывание с Языческим Божеством Света и Пламени (Солнца?) считалось у хорутан противоположностью преисподней и обществу чертей.

По поводу превращения Хорса в «Корса» и «Хвор-ста» я уже говорил в первой главе, и на этом более останавливаться не буду.

Как я уже упоминал, еще Осип Бодянский предположил, что Хоре и Даждьбог это одно и то же Божество, а многие ученые — в частности, Потебня, Фаминцын, Нидерле, Соловьев, поддержали это отождествление.

Даждьбог (Дажьбог, Дажба, Дабог, Дабо, Даба (ю. —ел.), Дацьбог (зап. —ел.), и пр.). Тут также не возникало особых сложностей. «Точкой отсчета» были сообщения Ипатьевской летописи под 1114 годом. Ее автор, рассказывая о современных ему «чудесах» и

«знамениях», решил показать, что подобные дела случались и раньше, в целях чего и привел цитату из перевода Иоанна Малалы (прозвище это обозначает попросту «болтун»), но не то от простоты, не то, напротив, от лукавства, переплел заемное книжное сказание с родословием славянских Богов. Сварог оказывается у него царем Египта, при котором с небес упали кузнечные клещи и люди начали ковать оружие, а до того бились палками и камнями. «И по сем царствова сын его, именем Солнце, его же наричють Даждьбог, семь тысящь и 400 и семъдесять днии, яко быти летома двемадесятьма (двенадцатью. — ВЛ.П.) то по луне видаху бо... инии чисти ови по луне чтяху, а друзии деньми лет чтяху (одни считали время по лунным фазам, а другие — просто по дням. — Л.П.); двою бо на десять месяцю число потомъ оуведоша. От нележе начаша человеци дань давати царямъ. Солнце царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе бо муж силен; слышавше не от кого жену некую... богату и всажену соущу. И некоему, восхотевшю блудити с нею, искаше ея яти ю хотя. И, не хотя отца своего закона рассыпати, Сварожа, поемъ (взяв. — Л.П.) с собою муж неколко своихъ, разумев годину (время, час. — Л.П.), егда прелюбы деет, нощью припаде на ню, не оудоси (застал. — Л.П.) мужа с нею, а ону обрете лежащю с инемъ, с нимъ же хотяше. Емъ (схватил. — Л.П.) же ю и мучи и пусти ю во-дити по земли в корзине, а того любодейца всекну (казнил. — Л.П.)». Итак, в этом отрывке Даждьбог описан как «Солнце-царь», давший людям календарь из двенадцати месяцев, учредивший дань и строго следящий за соблюдением супружеской верности и брачных норм. Исследователи самых разных школ и направлений считают наиболее древней формой его имени имя «Да-

жьбог», впоследствии переосмысленную и видоизмененную в «Даждьбог» — «Дающий Бог». «Дажь» мыслится, как притяжательная форма от готского «дагс» и немецкого «таг» — день. Знатоки рунической премудрости немедленно вспомнят руну «Дагас» — день, огонь, жар. По мнению исследователей, ее нынешняя форма — результат попыток вырезать на дереве солнечный знак — вписанный в круг равносторонний крест. Геза фон Неменьи связывает с этой руной скан-догерманские божества Даг (день) и Бальдег, Бальдр, а также героев Свипдага (сканд.), Свибдагера (датск.), Свевдега (англосакс), а также кельтское божество Даг-да («добрый»). Корень «даг», «дажь» связывают также с санскритским корнем «даг» — жечь — и литовским «дегу», гореть, откуда и наше «деготь». С этим именем связывают также имя Божества балтийских славян По-дага, о котором неизвестно ничего, кроме имени, и того, что ему (ей?) возводили храмы. В Подаге иногда видят женскую пару Даждьбогу, как Пеперуна составляет, по мысли этих исследователей, пару Перуну. Такой крупный исследователь-языковед, как И.И. Срезневский, видел корень «даг» даже в имени другого именовавшегося сыном Сварога Божества, Радагаста (или Радигоста), почитавшегося в городе Ретра, в земле велетов-

---

[1] О его внешности вы, читатель, можете составить себе представление на основе картины великого русского художника Константина Васильева, по явному недоразумению носящей название «Свентовит». Однако эти кумиры перепутать довольно сложно — для начала, у Свентовита есть, что называется, особая примета — четыре головы (не говоря о таких «мелочах», как питьевой рог и лук в руках и т.д.). На картине же Васильева изображен именно Радагаст Сварожич, и никто иной — одноголовый воин в латах, с птицей на шеломе и бычьей головой на щите.

лютичей. Святыни Ретры почитались в «Поморье Варяжском^ лишь самую малость ниже храмов Арконы. По мнению Срезневского, приставка «Ра» в имени Ба-жества велетов играла ту же роль, что, скажем, в слове «разорю», а «аст» в конце было суффиксом (ср. «зубаст, горласт» и пр.). То есть Ра-даг-аст — это тот, кто распространяет свет, тепло — «даг». Однако, при всем уважении к памяти Исмаила Ивановича, здесь он, кажется, немного перемудрил. Имя Радагаст, во всем богатстве своих вариаций, известно в славянском мире с V века (один из варварских вождей, вторгшихся в Римскую империю, носил это славянское имя), принадлежа к одной из самых древних и одновременно распространенных групп имен, заканчивающихся на «гаст», «гост», «гость». Анты Ардагаст, Доброгаст, Келагаст, Оногаст и Пирагаст, персонажи русских летописей Воигость, Орогость, Серогость, вендское Ольгаст (сокращение — Олег), польское Доброгост и так далее. Из этого же гнезда, возможно, вылетели и невнятные «фасты» и «фосты» из договоров великих князей русских Олега Вещего и Игоря Старого с Византией. Норманнисты, конечно же, пытались увидеть в них своих возлюбленных скандинавов, но тщетно искать в рунических надписях эпохи викингов, кишащих именами и целыми родословными сагах или средневековых документах (католичество, принятое норманнами, в отличие от православия, не требовало обязательной замены «Языческого» имени) тезок этих загадочных русских послов. Зато, предположив, что перед нами славянские имена, павшие жертвой стараний не то византийских, не то отечественных грамотеев на слух приспособить их к греческим буквам, мы легко опознаем в «Вуефасте» — Вуегаста (с мягким, «украинским» придыхательным «г»), в «Ли-

дулфосте» — Людогоста (в древнем Новгороде была Людогоща улица, на которой нашли дивной красоты резной деревянный крест). Новгородская топонимика вообще кишит названиями, произведенными от имен этого же ряда — Утрогощи, Любогощи, Чадогощи, Ви-догощи и т.п. И во всех славянских землях известны Радагасты, Радогосты, Радигости и производные от этого имени названия рек, селений, гор. По одной такой горе (Гостин, она же Радгост, Радхорст в немецком произношении), кстати, получила название марка чешского пива «Радхорст» (на его пробках и изображен, в меру фантазии изготовителей, вооруженный Языческий идол). У этой горы произошло столкновение чешских рыцарей Ярослава из Штернберга с монголо-татарскими полчищами Батыя в 1240 году. Католики приписывают победу чехов Гостинской богородице — однако же чем могла помочь в бою женщина, да еще иноплеменница и иноземка? На мой взгляд, читатель, гораздо логичнее предположить, что славянским витязям помог закованный в латы славянский Бог с соколом на шеломе и бычьей головой на щите. Был ли Сварожич из Радигоща-Ретры тем же Богом, что и Даждьбог, неясно — вряд ли у Бога Неба был один или два сына[1]. Но, учитывая разноголосицу форм имени Радагаста-Радогостя-Ради-госта, трудно согласиться со Срезневским и увидеть в его имени конструкцию, основанную на корне «даг». Впрочем, исследователи не совсем уж единогласно

[1] В русских поучениях против Язычества и двоеверия Сваро-жичем называют Огонь. В южнославянских колядках поется «Сварожичу, мой Божичу» — впрочем, в песнопении, исполняемом во время зимнего Солнцеворота, когда Солнце начинает прибывать, «рождается», поминают скорее всего именно «Солнце-царя, сына Сварогова, еже есть Даждьбог».

готовы признать Даждьбога Солнечным Божеством — В.В. Мартынов в статье «Мифологический мир «Слова о полку Игореве»» выдвинул предположение, что Даждьбог — злое Божество, на основании сербских легенд, где Да]бог выступает как воплощение зла и противник Бога на земле. Также он апеллирует к древне-иранскому duZ — «злой». В «Даждьбожьих внуках» «Слова о полку» исследователь видит черниговского князя Олега Святославича и заглавного героя «Слова», Новгород-Северского князя Игоря Святославича, поэмой якобы осуждавшихся за «усобицы». Однако не стоит приписывать советское государственническое сознание автору русского Средневековья — для тех времен желание личной славы было естественной чертой князя, и даже у человека, искренне радевшего за объединение Руси, никакого осуждения вызывать не могло. Никаких черт осуждения главного героя в поэме я не нахожу (замечу, что некоторые исследователи довольно убедительно приписывают авторство самой поэмы именно Игорю Святославичу), что же до Олега Святославича, то автор говорит о нем не хуже, чем о многих иных князьях. Знаменитое «Гориславич» никакого осуждения не содержит — не содержат же осуждения названия растения «горицвет» или птички «горихвостки». «ГорИсла-вич» — а не «ГорЕславич»! — человек вспыльчивого, огневого характера, стремящийся к яркой, хотя бы и краткой, как пламя, славе. В рамках ценностей рыцарского Средневековья — а других ценностей у автора средневековой воинской повести и быть не могло — это ближе к похвале, пусть и сдержанной, но уж никак не к осуждению. И как-то даже странно думать, что автор поэмы обозвал своего главного героя — «Солнце све-

тится на небеси — Игорь князь на Русской земле!» — и его пращура, прародителя воспетого поэмой «хороброго Ольгова гнезда», чуть ли не «чертовыми детьми»! Роль Даждьбога в сербских преданиях легко объясняется тем, что сербы и хорваты первыми из славянских племен, еще в VII веке, приняли христианство — ас ним и ту оценку прежних Богов, о которой мы так много говорили в этой книге. Хотя память о первоначальном, благом значении солнечного Божества хорваты, по-видимому, сумели сохранить. Иначе вряд ли они использовали бы Дабог как личное имя. В Галиции при короле Владиславе Ягелло (он же Ягайло) в 1394 году упоминается Данило Дажбогович, в польских документах мелькает некто Dadzbog. Известны названия местностей — Даждьбог в Мосальском уезде, Дацьбоги в Польше, Дабог в Сербии. Впрочем, это еще не главные аргументы — были, в конце концов, и всевозможные Бесовы горы или выселки, и личные имена и прозвища такого порядка встречались — стоит вспомнить знаменитого новгородского попа (!) по имени Упырь Лихой, или сподвижника Степана Разина Никифора Чертка, или боярского сына Сотону (!) Левашова. А главное в том, что построения Мартынова легко разрушаются, если вспомнить о существовании на Украине песен, в которых упоминается Даждьбог. В первой, записанной в Волынской области в 1965 году, соловей, прилетевший весной из славянского рая-«Вырея», говорит, что «не сам вийшов, Дажбог мене вислав», и отдал ему ключи — отпереть весну, запереть зиму. И это — про представителя злых сил?! Другая песня, записанная дважды — в двадцатых годах прошлого столетия на Волыни (если совсем точно — в Стрижавцах Винниц-

кой губернии от некоего Л. Юркевича), а в 1975 — в Тернопольской области, еще любопытнее. Пели эту песню не абы когда (в традиционной культуре вообще всему свое время и место, в отличие от наших дней — вряд ли я когда-нибудь забуду дивную картину: второе августа, день ВДВ, трое коллег-охранников, здоровенных, нетрезвых и небритых лба в маскирухе, задушевно вытягивают *«Виновата* ли я»). Так вот, поют ее только при встрече едущего на свадьбу жениха с кем-либо. А поется в этой песне, как «межи трьома дорогами», на распутье, «князь» — здесь фольклорное обозначение жениха — просит уступить ему дорогу:

Ой Ти, Боже, Ти Дажбоже, рано-рано, Зверни ж меш
с дор1женьки, ранесенько. Бо Ти Богом рiК од року,
А я князем раз на вжу, Раз на вжу, в недшеньку.

То есть Даждьбог выступает здесь как покровитель свадеб и супружества (как и в летописи), готовый сойти со своего вековечного («рж од року») пути, уступая дорогу жениху, торопящемуся на главное, единственное в жизни («раз на вжу») событие — свадьбу. И что еще показательнее — существует болгарская песня схожего содержания, в которой жених просит уступить ему дорогу... Солнце! То есть никаких двусмысленностей в вопросе о том, кто есть Даждьбог, после этого не остается. По крайней мере, кто Он в космосе, в Природе.

Не забывала о Даждьбоге и Великая Русь. В Череповецком уезде еще в XIX веке дружески советовали попавшему в сложное, запутанное положение человеку: «Помолись (или — поручись) Дажбогу, управит понемногу». Как видим, и здесь ни следа представления о

«злом» Даждьбоге. Владимир Даль в своем знаменитом «Словаре живого великорусского языка» указывает, что на Рязанской земле еще в его время клялись словом «Дажбо!» или «Дажьба!», вместо привычных «Ей-ей» или «Вот те крест». Иногда клятва звучала более развернуто: «Авось (а вот. — Л.П.) те Дажба, глаза лопни!» (видимо, податель света должен был покарать лжеца, клянущегося его именем, или клятвопреступника, лишением Своего дара — слепотой).

Что до общества — то стоит обратить внимание на то, чем прославился в славянских преданиях сын Сваро-га. А прославился он установлением брачных обычаев, двенадцатимесячного календаря и тем, что именно в его время начали платить дань царям. Кстати, судя по описанию Константина Рожденного в Пурпуре, объезды великих князей киевских подчиненных им земель (союзов племен, выражаясь суконным языком этнографической науки) происходил по часовой стрелке, как говорили в Древней Руси, посолонь — по ходу движения Солнца. А дань имела в те времена характер не столько хозяйственно-экономический (как я уже говорил, не такое уж и великое богатство — по шкурке куницы или белки с одного рода), сколько ритуальный. Князь, гостя у своих подданных, принимая от них угощение-полюдье, как бы делился с ними своей магической силой и удачей, той самой Языческой благодатью. То есть куда ни кинь, Даждьбог устанавливает ритуалы — взаимоотношений полов, общественных прослоек, наконец, общества и Природы, Космоса. Ведь и календарь был не чем иным, как чередой праздников и обрядов — в какой день приносить быка Перуну, а в какой — ставить дедушке-домовому к подпечку котелок с горячей кашей. Итак,

Даждьбог — установитель ритуалов, жертвоприношений, организатор культа, выражаясь современным языком. Кто он после этого, как не жрец? Добавим к этому и вот какое обстоятельство — свет и святость в славянских языках понятия взаимосвязанные. Кстати, солнечные черты в облике верховного правителя — это черты именно жреческие. Когда былины называют князя Владимира Солнышком или «свет-государем», или когда ибн Русте называет «главу глав» славян «свиет-малик» (малик по-арабски как раз государь, царь, а первое слово — попытка передать арабскими буквами славянское «свет» или «свят») — это и есть указание на жреческое положение такого правителя . И в Риг Веде, и в «Голубиной книге» от лица Божества происходит Солнце — но в Ведах от него происходят жрецы-брахманы, а в «Голубиной книге» — цари, отделяемые от «князей-бояр», пошедших «от плеча», как и кшатрии Индии. Кстати, по мнению современных языковедов, в скифо-сарматских наречиях Хоре — это не просто «Солнце» (тогда было бы «Хор» или «Хур»), а «Солнечный царь», владыка.

Даждьбог-Хорс — это небесный жрец древних ру-сов. Кроме приведенных аргументов, об этом говорит и еще одно обстоятельство. Перун в русских памятниках

---

[1] Пытаются прочесть это слово как имя «Святополк», и увидеть в описанных ибн Русте славянах — Моравию, а городе Джарваб или Кордаб — слово «хорват». Однако и моравы, и хорваты в X веке давно были христианами, а славяне ибн Русте сжигают мертвых и убивают во время погребального обряда их жен (точнее, себя убивают любимые жены покойника, еще и ссорящиеся за такую честь). Так что и географически, и по описанию нравов и обычаев это скорее именно Языческие восточные славяне, возможно, как и предполагал Б.А. Рыбаков, вятичи.

часто упоминается в паре с Хорсом: вспомним «двух ангелов тройных», Перуна и Хорса, в «Беседе трех святителей», «и поганские Богы, паче же и бесы, Перуна и Хъроса и многих остальных попра» из «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» Иакова Мниха, а также многочисленные упоминания этих Божеств на одном дыхании в поучениях против Язычества и двоеверия. «Слово святого Григория»: «И ныне по окраинам молятся ему, проклятому богу Перуну, и Хорсу». «Слово некоего христолюбца»: «Не может терпеть христиан, двоеверно живущих, верующих в Перуна и в Хорса». «Слово Иоанна Златоуста»: «Начали поклоняться... Перуну, Хорсу». И так далее, до XVI века, когда немецкий путешественник И. Вундерер видел под Псковом каменные идолы Перуна и Хорса. Пара эта напоминает парность Перун—Волос из договора Олега и Святослава, а также иных источников. Речь не о пресловутой теории «основного индоевропейского мифа» Иванова и Топорова о вражде Перуна с Волосом, причем последний неизвестно в честь чего назван «змеем». Теория эта, разрекламированная ее создателями и нашедшая отражение в ряде популярных изданий (включая, увы, книги талантливого исторического романиста М.В. Семеновой), не подтверждается источниками и даже прямо им противоречит. Об этом, впрочем, подробно рассказано в Приложении 2. Гораздо убедительнее сопоставление Велеса/Волоса с волхвами. Предположение о взаимозаменяемости Хорса и Волоса/ Велеса было выдвинуто еще А.А. Потебней. Он, кроме сходства пар «Перун—Хоре» в поздних источниках и «Перун—Волос» в договорах, обратил внимание и на Кърта из хорутанских преданий, к которому попадают усопшие — а в балтийской мифологии Велес, Велс, Вялнис

связан именно с загробным миром. В последнее время обратил внимание на близость положения этих Божеств и И.Н. Данилевский. Речь, конечно не идет о том, что Хоре и Велес/Волос — одно и то же Божество. Скорее Они соотносятся как Вишну и Индра. Подмена Индры Упендрой в Тримурти и Панчадэватте произошла не без влияния событий V века до н.х.л. и последовавшего затем тысячелетнего торжества буддизма. Тогда цари-махараджи шли во главе религиозных преобразований, именно из царской среды вышел главный революционер — царевич Гаутама Шакьямуни, вошедший в историю как Будда. И император Ашока, сделавший буддизм государственной религией, был царем. Вернув былое влияние благодаря деятельности Шанка-ры, брахманы должны были постараться, чтоб подобное не повторялось — и, возможно, с этого времени в Тримурти и Панчадэватте место властного и грозного ведического Громовержца с его неразлучной палицей-вадж-рой и полной чашей хмельной сомы занимает рафинированный «просвещенный монарх», не растающийся с украшениями, гирляндами и ароматными притираниями. Для замены Велеса/Волоса Хорсом причины были схожие, но, скажем так, зеркально отраженные. На юге Руси, где влияние жрецов было слабей, его воплощением должен был стать не столь же властный и свирепый оборотень Велес/Волос, Бог мертвецов и зверей, а светозарный, «хороший» Даждьбог Хоре , чья деятельность была не шаманской волшбой, а упорядоченным

---

[1] Впрочем, это касается не Пятибожия в целом — ведь в нем и у кельтов, и у индоариев Жрец — Бог Солнца, а, скорее, видоизменения культа собственно русов, пришедших в Киевские земли с Севера. Да и у русов задолго до 980 года священный дуб **Перуна** рос *на острове* **Хортица, у** *порогов Днепра.*

ритуалом (сравни — «хоровод»). Впрочем, не будем забывать и о загробном могуществе хорутанского Кърта, двойника Хорса, и о слове «хоровина» — шкура, — напоминающем одновременно по звучанию Хорса, а по смыслу — «волохатого» Владыку бородатых и волосатых волхвов, зверей и оборотней. Превращение все же не было полным.

СТРИБОГ

Хмелен победным зноем, Стрибог упился боем, И воет: «Успокоим, На дне любовь сокроем! Морское дно, покоем И женам будь, и воям!»

Сергей Городецкий. «Стрибог»

Вот об этом Божестве известно не в пример меньше, чем о прочих. Самую чуточку побольше, чем о самом загадочном из перечня летописного — пресловутом Се-марьгле, от которого вообще, кроме имени, ровно ничего не осталось. От Стрибога осталось еще кое-что: «Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы». В освещении этой строчки имя Бога уже начинает приобретать немирное звучание. Скажем, со стрижом, простором или струей ассоциаций не вызывает — скорее со стражей, стрелой, острием, стременем, стружием (древнерусское название пики). С древнерусским словом «стрити» — уничтожить. Моравское «stri» обозначает ветер, но не всякий, а приносящий бурю, непогоду. Тот самый северный ветер, который, по норвежской поговорке, рождает викингов. Под Новгородом расположено село Стрибожь, в Польше — Стшибоги. У села Воронино Ростовского уезда, согласно местному преданию, находилось капище Стрибога, на

котором гадали по внутренностям жертвенных воронов. Ворон — черная птица, питающаяся трупами, крик которой, считалось, предвещал несчастье — тоже черта к описанию этого Божества. Поэтому попытки объяснения имени Стрибога как индоевропейского Pater bha-gos — Бога-Отца у М. Вей и Б.А. Рыбакова, или «распространяющего блага» у Р. Якобсона, или, наконец, индо-иранское stri-baga. Первое слово этого сочетания больше известно нам (благодаря кришнаитам-вай -шнавам) в индийском варианте, как «Шри» — святой, благой — в кришнаитских писаниях через слово упоминается «Господь Шри Кришна» («возвышенный, благой Бог») у Р. Пирхеггера и Мартынова (последний в этом качестве противопоставляет Стрибога «злому» Даждь-богу), вызывают, назовем это так, сильнейшие сомнения. Общий облик «веющего стрелами» впечатления благостного дарителя или степенного патриарха никак не производит. Скорее напоминает как раз Рудру, отца спутников Индры, Марутов. Кстати, «Маруты» дословно и обозначают «веющий с моря».

Вспоминаются также «стригольники» — новгородские смутьяны конца XIV века, учившие людей молиться под открытым небом, исповедоваться Матери Земле и изготовлявшие обереги. В частности, среди изготовленных ими «наузов» фигурирует крест, на обратной стороне которого расположено изображение... ворона! Похоже, что речь не просто о «созвучии» названия новгородских чародеев и имени древнего Бога. Долгое время полагали, что стригольники были религиозными новаторами-вольнодумцами, еретиками, вроде болгарских богомилов, чешских гуситов или немецких протестантов. Однако так и не удалось выявить самого главного для

подобных движений — цельной доктрины. Без этого существование реформаторской секты невозможно, ей обязательно нужна система — логичная и узкая, как бред шизофреника или параноика, основанная обыкновенно на буквальном чтении каких-то мест в библии. Эта система, в свою очередь, должна отразиться хотя бы в литературе тех, кто с ней спорит. Скажем, у появившихся в Новгороде веком позже «жидовствующих» такая система была — упоминаются их книги, сочинения, которыми одно время прельстился ни много ни мало сам великий князь Московский и всея Руси Иван Васильевич, дед Грозного царя. У стригольников ничего подобного нет и в помине — только их речи, отзывающиеся скорее остатками Язычества, чем библейским буквоедством, да колдовство. Да и церковные-то авторы стали величать стригольников еретиками спустя век после расправы с ними, как раз в разгар борьбы церкви с «жидовствующими». Стригольники, похоже, были противниками церкви, если можно так выразиться, с другой стороны — не от «рационального» начетничества и буквоедства протестантов, выступавших против того, что они, зачастую справедливо, называли пережитками Язычества в церкви (культ икон, святых, клир, обрядность), а как раз от этих самых Языческих пережитков. Но были ли они последними жрецами Стрибога? Вряд ли. Связь между Стрибогом и стригольниками была — но связь опосредованная. Для того чтоб в связи этой разобраться, надо сперва понять, откуда вообще взялось название «стригольники». Исследователи предложили целый ряд обоснований. По первому речь шла о ремесле главного стригольника, Карпа, якобы не то цирюльника, не то суконщика. Эта версия до недавнего

времени ходила в самых почтенных, ибо замечательно укладывалась в марксистские схемы сведения любой ереси к борьбе трудового люда, как правило городской бедноты, со злыми церковными феодалами. Вторая версия состояла в обряде посвящения в секту, связанного-де с каким-то пострижением. Нет, возражала третья версия, речь как раз о расстрижении Карпа. Все эти версии грешат одним и тем же недостатком: отсутствием опоры на источники. Не найдено ни одного источника, где расстригу, цирюльника или суконщика называли бы стригольником (а ведь это, согласитесь, читатель, не такие уж редкие породы людей, чтоб про них более нигде и никак не упоминалось). Ровным счетом ничего не говорят обличители стригольничества о таинственных постригах — а уж всяческая обрядность нечестивых еретиков была в сочинениях ересеборцев любимой темой. А уж если ее можно было рассматривать как издевательское подражание церковному ритуалу, как это, несомненно, и было бы, практикуй стригольники постриги — тем более. Но современный российский исследователь А.И. Алексеев предлагает другую разгадку. Корень слова «стригольники» он видит в слове «стрига» или «стрыга». Человеку конца XIV — начала XV века это слово было отлично знакомо. Стригой называли вампира, оборотня, пьющего кровь детей, вредящего посевам, летающего на буйных ветрах (!). Про стриг писали еще древние римляне, продолжала в них верить и православная Византия. Знала стриг средневековая Европа. В начале XII века венгерский король Коломан особой статьей законов рассматривает веру в стриг как Языческий пережиток. Позднее, в эпоху ведьмовских процессов (охоту на ведьм считают чуть ли не фирмен-

ным знаком «мрачного Средневековья», но ее разгар относится скорее как раз к пресловутому Возрождению — и угасает где-то на пороге эпохи Просвещения) стриги часто упоминались на процессах. Кого-то обвиняли в знакомстве с мерзкими чудищами, кого-то — в том, что он (чаще — она) на самом деле и был (была) стригой. В Польше знали и мужской род этой нечисти — стры-гаев. Инквизиторы часто говорили о «ереси (!) стриг». Очевидно, новгородские стригольники и были банальными колдунами — тех, кого позднее стали именовать шишками, врагунами, чертознаями, чертистыми. Принцип был тот же — название колдуна выводили от нечисти, с которой он спознался. Оттого и расправились новгородцы со стригольниками — среди которых, кстати, были и христианские священники, и диаконы[1]! — не так, как христиане казнили еретиков, не сожгли их в срубе, как сто лет спустя поступили с вожаками «жи-довствующих». Им разбили головы «перуновыми» палицами и скинули в Волхов. Собственно, судьба бедолаг, судя по всему, попросту перегнувших палку в запугивании сограждан собственным «могуществом», мне не особенно интересна. Видимо, им вменили в вину разразившуюся в крае, судя по сообщениям летописей, засуху.

---

[1] Что на самом деле не так уж удивительно. Священник рассматривался двоеверной Русью как волхв-колдун, для которого вполне естественно было общаться с духами, в том числе и со злыми. Еще в позапрошлом веке это отлично помнили. И пушкинский Балда ничуть не удивляется, услышав от хозяина-священника «обязались черти мне оброк платить до самой моей смерти». И суть не в том, что поп работника обманывает, а в том, что и работник, и автор, и, очевидно, читатели воспринимают такие, мягко говоря, неканонические взаимоотношения служителя православного культа и нечисти как что-то вполне вероятное.

Мне интереснее те существа, по связи с которыми стригольники получили свое имя. Вера во вредящих посевам стриг была не чужда и Руси. По-видимому, речь шла об общеиндоевропейском демоне — как практически всем индоевропейцам знакома мора или мара, ночная душите-льница. Также дело обстояло, по всей видимости, и со стригами. Даже в тихой Костромской губернии, далекой от каких бы то ни было римских влияний, засвидетельствована вера в существо с таким названием, вредящее посевам. Именно стригам приписывались полосы и круги поврежденного хлеба на полях — то, что сейчас стало модно приписывать инопланетянам. Близ Великого Устюга протекает речка Стрига, Стригой звался в миру князь Иван Васильевич Оболенский (вряд ли за хороший характер).

А теперь вдумаемся — стриги, кровожадные твари, вредящие посевам. Перемещение в вихре и буре сближает их со Стрибогом. И вспомним, читатель, о чем мы с Вами говорили в прошлой главе, о причинах, по которым для воина был запретен сельскохозяйственный труд. Уж не натолкнулись ли мы на название тех самых тварей, что вились за плечами воинов, по призванию родовому душегубов, проливателей своей и чужой крови, грозя урожаю и благополучию общины? Очень похоже на то. Кстати, одно из имен Рудры — Бхутупата — обозначает «Владыка Упырей».

Шаманы и жрецы отпускали длинные волосы, чтобы духам, сопровождающим их, было за что держаться. Люди культов, сторонившихся подобных существ — буддисты, кришнаиты — головы брили. Уж не для того ли брили головы воины-славяне, чтоб не предоставлять лишних удобств вьющимся вокруг них стригам?

Впрочем, не все тут однозначно сводится к мистике. Просто достаточно представить катящуюся по колосящимся нивам разудалую охоту какого-нибудь «удалого Чурилы Пленковича» с дружиной — помнится, М.М. Плисецкий, советский исследователь былинного эпоса, как и положенно советскому ученому, страстный и безусловный сторонник «народного» его происхождения, искренне недоумевал, как могла «в крестьянской среде» родиться былина, так весело и без особого осуждения описывающая разорительные для крестьян «забавы» знатных удальцов. А я вот думаю, что как раз в глазах селянина-общинника такое зрелище было сравнимо и со свирепой, с ливнем и градом, непогодой, и с налетом губительных для посевов кровопийц-стриг.

Нет, я не собираюсь посягать на лавры Мартынова, доказывая, что как раз Стрибог — «злой» Бог. Собственно, невозможно по самому смыслу слова представить себе «злого Бога», будь то Даждьбог, Стрибог или хотя бы Чернобог балтийских славян-варягов. Определение «Бог» уже противоречит тому, что этого персонажа воспринимали как злого и вредоносного. Не называли же Богами индийских демонов-асу ров, не называл Зарату-стра Богом владыку зла Ангро Манью. «Злые боги» — персонажи дурного фэнтези, авторы которого не понимают человеческой психологии. Ведь даже сатанисты надеются, что их жуткий кумир как раз к ним-то и будет добр, что он-то и есть подлинный благодетель. Человек не поклоняется, не обоготворяет то, что считает злом. И это, третье в киевском перечне, Божество — скорее опасное, гневное, но никак не злое. Стрибог — Бог опасности и смертельного риска. Бог, летевший на буйных ветрах, Бог переменчивой, как ветер, ратной удачи, Бог самого ветра, наполнявшего паруса боевых

ладей и опрокидывавшего их, направлявшего и сбивавшего стрелы, северного ветра, рождавшего викингов — ведь викингами называли скандинавы и варяжских, славянских удальцов-мореходов . Бог летавших на его ветрах кровожадных духов-стриг и черных воронов, равно любивших поля кровопролитных сражений.

Мог ли быть более подходящий Бог для воинов — если уж Перун-Громовержец восседал во главе Пятибо-жия? И как нельзя более понятны тогда и сравнительно редкие упоминания о Нем в источниках — ведь именно воины первыми приняли новую веру, и, соответственно, постарались позабыть прежних Богов.

СЕМАРЫГЛ

Идет удалый бог, Ярило-молодец,
И снежный саван рвет по всей Руси широкой!
Идет могучий бог, враг смерти тусклоокой,
Ярило, жизни царь и властелин сердец'
Из мака алого сплетен его венец,
В руках — зеленой ржи трепещет сноп высокий,
Глаза как жар горят, румянцем пышут щеки,
Идет веселый бог, цветов и жатв отец!

Петр Бутурлин, «Ярило»

Вслед за Богами правителей, жрецов и воинов логично должен быть упомянут Бог общинников, хозяев, земледельцев, скотоводов, торговцев. Попросту говоря —

---

[1] Кстати, самыми отчаянными бойцами на Балтике эпохи викингов считались как раз жители славянского Волына, Юмны, Иомсбурга саг, так называемые йомсвикинги, которых скальды называют вендами, славянами. В Волыне почитался Бог Три-глав, святынями которого были копья, вороной конь, а три лика имели на глазах то, что немецкие монахи приняли за золотую повязку. Уж не полукружья-подглазья ли боевой полумаски варяжского шлема, зачастую отделывавшиеся золотом, имеются в виду? А сам ТРИглав — не варяжское ли имя СТРИбога?

простонародья. Как ни странно, именно на этом месте расположился в летописном перечне самый загадочный из Богов. Мы не знаем, повторюсь, об этом Боге совершенно ничего достоверного, кроме имени. Оно не отозвалось в личных именах людей или названиях рек, лесов, гор, селений и городов. О Семарьгле не вспоминают предания, пословицы или поговорки, о Нем не поют песни — по крайней мере, так может показаться на первый, пусть и сколь угодно пристальный, взгляд. Поучения против Язычества лишь упоминают его в перечнях Богов — скорее всего, заимствованых из летописи. Некоторые ученые даже эти упоминания считают позднейшими вставками. Даже «Слово о полку Игореве», бесстрашно упоминающее Хорса Дажбога, Стрибога, Велеса, Трояна и прочих Богов и демонов русского Язычества, Семарьгла обошло молчанием. Зато какой простор открывается для воображения ученых!

Надо сказать, простором этим воспользовались на славу, и первыми, конечно же, были именно ученые, охотно усматривавшие в Божествах Киевского святилища «заимствования» или вообще книжное влияние — благо невнятно звучащее имя киевского Божества давало к тому прекрасный повод. Так, например, в Ветхом Завете упоминается, что население Самарии, области Палестины, заселенной выходцами из разных провинций Ассирийского царства, принесло с собою своих прежних Богов, объединив их почитание с «Единым» иудеев. В частности, «кутийцы сделали Нергала, Емафяне — Ашиму» (Четвертая книга Царств, глава 17, стих 30). Первое имя по-гречески пишется как Ергел, второе — как Асимаф. Вот вам, заявляли исследователи «школы заимствований», и Сим с Ерглом или Реглом, как видоизменялось имя четвертого из Пятибожия в позднейших

поучениях. Некий Прейс видел в Ашиме — и, соотве-ственно, в Семарьгле — огненное Божество, на том, не слишком внятном основании, что «аши» по-персидски — чистый. Заметим, кстати, что один из лидеров так называемых «русских ведистов» и горячий популяризатор «Велесовой книги» Александр Асов видит доказательство ее подлинности в том, что Семарьгл в ней назван «Огнебогом» — мол, как раз такая гипотеза учеными не высказывалась. А стало быть, ее не мог употребить и вставить в свое сочинение фальсификатор (обыкновенно им считают Юрия Миролюбова). Во-первых, конечно же, фальсификатор мог вставить в составленный им текст ту версию, которая взошла ему на ум, а вовсе не обязательно кем-то высказанную. А во-вторых, Александру Игоревичу следует пенять исключительно на собственную начитанность — такая версия не только высказывалась, как видим, но и была опубликована в фундаментальном трехтомнике Афанасьева «Поэтические воззрения древних славян на природу». Так что любой всерьез интересовавшийся славянским Язычеством человек — в том числе, конечно, и Юрий Петрович Миролюбов, сам упомянувший «Поэтические воззрения» в числе изученных им книг в работе «Материалы к предыстории русов» — про эту версию отлично знал. Разделял, кстати, эту версию и другой крайне известный в дореволюционной России исследователь, И.Е. Забелин, труды которого были вообще хорошо известны, а в силу своего патриотического пафоса мимо внимания того же Миролюбова вряд ли могли пройти. Забелин даже наметил путь проникновения «ассирийских божеств» на Русь — через Тмуторокань, где якобы эти «божества» упомянуты в надписи Понтийской царицы Комосарии (III — II веков до н.х.л.). Версии

Прейса и Забелина, со ссылкой на работу Афанасьева, упомянуты в вышедшей в 1916 году книге Н.М. Галь-ковского «Борьба христианства с остатками Язычества в древней Руси» — так что об их малоизвестное™ говорить не приходится. Некто Великанов, издавший в 1878 году в Одессе книгу «Разведки о древнейшей Русь-славянской грамотности», попытался истолковать имя загадочного Божества при помощи санскрита. Симаргл, по его мнению, образовался из слов «сима» или «си-ман» — рубеж, граница — в самом широком смысле, от грани миров до пробора в прическе, «ракха» — страж (на самом деле произносилось как «ракшас»), и «кала» — Яма, Бог смерти. Вообще-то Калой, темным, чаще именовали Рудру-Шиву. Но, так или иначе, Си-марьгл у Великанова оказался «рубеж (очевидно, между жизнью и смертью, тем и этим светом) сторожащим Ямой». Воплощением же этого грозного стража Великанов считал намогильных каменных баб, во множестве стоящих по украинским и донским степям. Несколько особняком стоят робкие попытки придать Киевскому Божеству все же славянское происхождение. Квашнин -Самарин увидел в нем «богиню молний» (от «си», якобы означающего «сивый, светлый» и «маргла» — моргающая). А. Леже, к коему впоследствии присоединились — на некоторое время — и лингвисты В.Н. Топоров и В.В. Иванов, увидел в Семарьгле «Седмаругла-ва» — семиголового идола вроде рюгенского Руевита. Польский ученый А. Брюкнер, разделив имя Божества надвое, первую половину связал с «семьей», вторую же превратил в «божество», ответственное за... ферментацию — есть же слово «рыгать»!

На любопытные ассоциации наводит иных ученых

соприкосновение с древней славянской Верой и именами Богов...
Впрочем, ни одной из этих славянских и неславянских версий происхождения имени четвертого из Пяти Богов с киевского холма не удалось догнать по популярности одну из теорий заимствования, самую разрекламированную, воплощенную во множестве научных, популярных и художественных книг, принятую и подавляющим большинством современных язычников-родноверов. В 1876 году А.С. Петрушевич назвал Семарьгла «древним по своему названию из арийского (общеиндоевропейского. — Л.П.) периода уцелевшим Божеством». Хотя Божество это и «есть по свойствам его неизвестное», однако имя его «подобнозвучаще» «с древне-персидским Симургом, божеством с орлиной головою». Сочинения Петрушевича прочно позабылись. Однако вот этой его догадке суждена была долгая жизнь. В 1916 году предположение «не представляет ли слово Симаргл переделку слова Симург, название фантастической птицы иранских сказаний», повторил независимо от канувшего в лету Петрушевича Н.М. Гальковский. Подробно и обстоятельно — и, по-видимому, независимо и от Петрушевича, и от Гальковского — разработала эту тему в 1933 году знаток иранской мифологии К.Н. Тре-вер. Скрупулезно изучив корни образа Симурга, она указала на его глубинные индоарийские истоки. «Саена-Мрига» — «собако-птица» — описана еще в священном писании древних персов-зороастрийцев, «Авесте» («Яшт», XIV, 41). Кроме чисто птичьего облика («Увидишь ты гору, главою до туч, / Там — птицу, чей облик суров и могуч. / Симургом зовут ее. Полного сил, // Его бы с крылатой горой ты сравнил» — описывает это дивное существо персидский поэт Фирдоуси

в «Шахнамэ»), это волшебное существо воплотилось для иранцев в облике «сенмурва» — существа с головою и лапами пса, крыльями орла и чешуей рыбы. «Са-ена — не единой природы, а о трех естествах, трех образов». Вот к этому существу, которому Единый Господь зороастрийцев, Ахурамазда, поручил защиту ростков и посевов, более того — мифического «дерева всех семян», древа Жизни, от злых сил, и возвела К.Н. Тревер «родословную» самого загадочного из Богов 980 года.

В шестидесятых годах двадцатого столетия эту идею решительно поддержал Борис Александрович Рыбаков. В памятниках русского прикладного искусства XI—XIII веков — в переплетениях узорочья обрядовых створчатых браслетов, на пластинах царского венца из болгарской Преславы, на рязанских и черниговских височных украшениях-колтах, на новгородских подвесках, даже на церковной утвари — пластине врат собора из Суздаля и напрестольной сени, накрывавшей когда-то церковный алтарь в городке Черниговского княжества Вщиж, сожженном монгольской ордой, академик видел фигурки странных крылатых существ — зверей, головой и передними лапами похожих на собаку и с мощными орлиными крыльями. Иногда даже чешуя на боках просматривалась — как на упомянутой пластине с церковных дверей Суздаля.

Все, казалось бы, говорило о том, что загадочный Бог наконец-то найден. Изображения птиц с собачьими головами и лапами обычно соседствовали с растительными узорами, переплетаясь с корнями и стеблями, даже крылья и острые уши украшали изображения проросших ростков. Эти волшебные существа часто изображались на ритуальной утвари, связанной с весенне-летними обрядами плодородия, Русалиями. Их окружали символы

воды, Солнца, растительности, семян (вспомните, читатель — «древо всех семян»), плодородной земли. Рядом с ними изображали пирующих, пляшущих под игру гусляров юношей и девушек. Этих псов академик Рыбаков сближал с собаками, сторожившими ростки и колосья еще на глинянной расписной посуде древней Трипо-льской культуры, на заре медного века. Возводя образ Киевского Божества к такой древности, Борис Александрович, конечно, отводил мысль о «заимствовании» его у иранцев: «Перед нами не столько заимствование, сколько одинаковость образа (возможно, речь об общем индоевропейском происхождении? — Л.П.). В пользу этого говорит и то, что ни один из многочисленных иранских вариантов имени Сэнмурва не совпадает с русской формой». Далее ученый прямо отсылает читателя к эпохе земледельцев медного века (трипольцев) и общим предкам «индоиранцев, славян, греков и фракийцев». В те времена, писал он, собака, охранявшая первые поля первых земледельцев от многочисленного зверья — косуль, серн, коз — и птиц, стала «олицетворением вооруженного добра».

Эта версия своей красотой и убедительностью покорила многих. Те же Топоров и Иванов впоследствии отказались от своего «Семероглава» и склонились именно к этой версии. Даже рьяные противники Рыбакова — хотя те-то постарались как раз в очередной раз стащить все к очередному «заимствованию». Правда, каким-то загадочным образом у них в одной статье оказывались утверждения, что о славянах нельзя говорить ранее VI века (какое-то прямо-таки ритуальное убеждение наших «объективистов», по обыкновению имеющее мало общего и со здравым смыслом, и с сообщениями источников), и что Семарьгл заимствован славянами от... ски-

фов, сошедших с исторической арены еще до начала христианского летосчисления. Вот такие вот строго научные методы...

Столь же охотно, хоть, конечно, и по другим причинам, восприняли идею о птице-псе Семарьгле ученые — наследники и единомышленники Бориса Александровича, а также те, кто популяризировал , а то и возрождал Веру предков.

Охотно принял бы ее и я, благо такой Семарьгл как раз прекрасно укладывается в схему Пятибожия. Нет, в самом деле, обрисованное Рыбаковым Божество словно напрашивается на нишу покровителя-заступника касты земледельцев-общинников, их полей, их главного богатства — хлеба. Однако же есть, читатель, ряд обстоятельств, которые в данном случае препятствуют мне согласиться с мнением уважаемого ученого.

Первое указал сам же Борис Александрович со ссылкой на работы выдающегося языковеда Измаила Ивановича Срезневского. Словом «кумир» на Руси никогда не называли изображение животного, будь то реального или сказочного, мифического. Лишь человекоподобные изваяния могли называться «кумирами», а значит, и изваяние Семарьгла на Киевском холме, в летописи названное «кумиром», должно было иметь человеческий облик, а никак не звериный. Предположение Рыбакова о Семарьгле, изображенном в качестве барельефа на кумире Мокоши, — домысел исследователя, никак не подкрепленный источниками. Во-вторых, при-

---

[1] Разумеется, без крайностей не обошлось и тут — на одной из иллюстраций к очередным «Сказаниям Древней Руси» пишущему сии строки довелось с безмерным изумлением увидеть — под именем «Семаргла» — оснащенного крыльями... ирландского сеттера, породу собак, вряд ли известную в Древней Руси или, скажем, Скифии, не говоря уж о Триполье.

ходит на ум то же возражение, которым сам Борис Александрович разрушал построения тех исследователей, что желали видеть в Роде, Боге Богов древней Руси, обычного... домового. Ученый справедливо возражал им — какой же это «домовой», если он во всех памятниках упомянут всегда и только в единственном числе? Разве может быть на весь мир — да ладно, даже хотя бы и на всю Русь — единственный домовой? Совершенно то же самое можно спросить и у самого Рыбакова — какие могут быть «симарглы», по две-три штуки изображающиеся на каком-нибудь браслете, если Бог Семарьгл везде и всюду упомянут в единственном числе? Ну и в-третьих, и, пожалуй, в главных — совершенно непонятно такое бесследное исчезновение этого Божества из народной памяти. Об угрюмом и опасном Стрибоге остались памятки в местных преданиях, в названиях мест, в однокоренном названии нежити, наконец. Где же память о Семарьгле? Как мог «затеряться» настолько древний — восходящий к мотыжным земледельцам Триполья! — и столь популярный культ? Если изображения Семарьгла столь щедро покрывали украшения и обрядовую утварь, проникая даже в храмы новой религии, если с ним было связано самое важное для земледельцев (бывших, напомню, подавляющим большинством русского народа еще в XX веке) — плодородие Земли, урожай, если его образ освящал один из самых живучих и устойчивых Языческих обрядов на Руси, весенне-летние Русалии — как понять столь полное забвение? Почему уже в трудах книжников-обличителей Язычества в XII—XIV веках возникают вместо него какие-то невнятные Сим и Регл (к концу XV века «эволюционировавший» до совершенно неузнаваемого «Раклея», которого наряду с Перуном, «Гурсом»-Хор-

сом и Магометом призывает Мамай в «Сказании о Мамаевом побоище»)?

Нельзя сказать, что Б.А. Рыбаков совершенно не замечал этих вопросов. Он старался ответить на них в книге «Язычество древней Руси», но эти его ответы, увы, не выглядят вполне убедительными. Борис Александрович утверждал, что в XII—XIII веках имя Сема-рьгла уже оказалось... забыто, как книжниками, так и большинством русских людей, как непонятное и заимствованное, а сменил древнего Бога Переплут[1], которого в одном из списков «Слова об идолах» упоминают на месте, где в других списках фигурирует Семарьгл. Переплута Борис Александрович сопоставил с литовским и прусским божеством растительности Пергрубием, которому, по словам автора XVI века Менеция, в день святого Георгия (23 апреля) литовские племена приносили жертву несколько акробатическим образом. Именно — жрец-вуршкайт, держа в правой руке полную пива чашу, воспевал прогоняющего зиму Пергрубия, а затем ухватывал чашу зубами и выпивал ее, не прикасаясь руками, и перебрасывал (любопытно — тоже зубами?) опустошенную чашу назад через голову. Переплуту же, согласно сообщению составителя того же «Слова об идолах», *«вертячеся* ему пиют в розех, забывши Бога». Некоторую аналогию здесь действительно можно усмотреть. Б.А. Рыбаков также проводит параллель между заключительным слогом имени Переплута и греческим

С разрешения уважаемого читателя я не стану задерживаться на попытках произвести имя Переплута от «плутать» или «переплыть». Культ леших-заплутов и водяных (в том числе и самого Морского Царя) на русском Севере дожил чуть не до XX века во всей красе, включая жертвоприношения и молитвы, а то и идолов, но не содержал ни плясок и ритуального питья, ни наименований, почитаемых Переплутом.

«плутос» — богатство (сравните «плутократия» — власть богатых). Если выводы ученого касательно Переплута верны, то вхождение его в «Слове об идолах» в триаду со Стрибогом и Даждьбогом в качестве «замыкающего» можно рассмотреть не только в космическом плане (Небо и ветры, Солнце, плодородная Земля), как то делал сам Б.А. Рыбаков, но и в кастовом — все Божества оказываются покровителями трех основных каст — воинов, жрецов и земледельцев соответственно. Очевидно, «Переплут» было местное прозвище этого Божества. В самом деле, наивно было бы ожидать, что только на «Поморье Варяжском» славянской Прибалтики общеславянские Божества получали местные прозвища вроде Радагаст, Свентовит, Триглав или Чернобог.

Однако если Переплута Б.А. Рыбаков сумел весьма убедительно разъяснить и связать Его с Семарьглом, то все прочие вопросы еще более запутались. О каком «недавнем заимствовании» можно говорить в отношении Божества, чей образ восходит к Трипольской эпохе? Далее, если бы это и было скифо-сарматское заимствование, то что ж с того? Таковым признает Б.А. Рыбаков (и многие другие исследователи) и Хорса — что не помешало тому оставить весомый след в именах людей и мест по всем заселенным славянами землям, да и в самом русском языке, отметиться в «Слове о полку Иго-реве», собственно, такой яркий след оставили вообще все три предыдущих Бога из киевского святилища; далее мы убедимся, читатель, что и его единственная Богиня не оказалась исключением. Отчего же тогда нет ни имен людей — Семарьглов и Переплутов, ни названных в честь этого (этих) Божества (Божеств) рек, гор, низин, островов, ни поговорок в честь них, не преданий об их святилищах? Наконец, о каком «забвении» Семарь-гла в XII—XIV веках можно говорить, если буквально

на тех же страницах исследователь говорит, что именно в XII—XIII столетиях изображения Семарьгла (и странного существа с птичьим телом, звериными лапами и человеческой головою, которое Рыбаков признал изображением Переплута, окончательно запутав вопрос — о каком замещении Семарьгла Переплутом идет разговор, если оба Бога украшают своими изображениями один и тот же браслет?) щедро усыпали произведения русских мастеров? Фактически здесь исследователь внезапно и не очень оправданно переходит на позиции «школы заимствований». Однако, по моему разумению, если уж остальные четыре Божества капища 980 года не были забыты народом, совершенно невероятно, чтобы подобная участь постигла пятого, да еще того, кто был связан с самыми насущными нуждами самого многочисленного слоя населения Руси, Московии и Российской империи. Значит, надо искать следы культа киевского Семарьгла среди самых распространенных и живучих. Замена Семарьгла Переплутом в противоязыческих поучениях, на которую указал Б.А. Рыбаков, закрепляет нас в уверенности, что поиски надо производить в весенней обрядности плодородия и заклинания урожая.

И эти поиски выводят нас на след. В 1884 уже упоминавшийся на этих страницах А.С. Фаминцын в своей работе «Божества древних славян» высказывает весьма остроумное предположение. Согласно ему, загадочное имя Семарьгл, причинившее столько головной боли исследователям, породившее столько гипотез, не более чем... описка. Описка, освященная авторитетом святого Нестора и закрепленная последующими писцами — напоминаю, читатель, что вне летописи мы встречаем имя Семарьгла исключительно в перечнях Богов, очевиднейшим образом списанных с того же летописного. Переписчики приняли за две буквы — «ьг» — одну, «ы».

Читать, по мысли Фаминцына, следует Сем Ерыл, или Сем Ярил, точнее, Сем Ярила — ведь это имя употребляется в источниках всегда в родительном падеже (напомню, что древнерусское «Я» писалось как «іа»). Слово Сем Фаминцын истолковывал от древнеиталийского Semo — полубог, находя много сходств в культе италиков с одной стороны, и древних славян — с другой. Надо сказать, что и современные ученые говорят о ранних и близких контактах италиков и праславян.

Вторая же часть имени Киевского Божества в особом переводе не нуждается. Это — Ярило!

Ярило — один из известнейших славянских Богов; но с ним же связано и одно из известнейших заблуждений в области славянской мифологии, закрепленное популярной и художественной литературой, а ныне — и иными произведениями «славянского фэнтези». Я говорю, конечно, об отождествлении Ярилы с Солнцем. Живучестью своей этот миф (на сей раз не в смысле священного предания, но лишь в смысле устойчивого и распространенного заблуждения) обязан замечательной пьесе Александра Николаевича Островского «Снегурочка» (1873 год). Тот, кто не видел ее постановок и посвященных им рисунков и декораций Виктора Васнецова и Николая Рериха, не слышал великолепной музыки Римского-Корсакова, тот наверняка хоть раз в жизни видел игровой или рисованный мультипликационный фильм по мотивам этой пьесы. И чуть ли не на уровне подкорки врезалось в память многих поколений русских людей — в первую очередь неравнодушных к родной культуре — торжественное песнопение:

Свет и сила, Бог наш Ярило, Красное
Солнце наше, Нет тебя в мире краше!

Пьеса, что и говорить, гениальна. Однако нельзя использовать ее как учебник по Языческому прошлому славян. Берендеи — не славянский идиллически-мирный народец, а степные кочевники, осаженные на землю по границам Руси киевскими князьями за военную службу. Аель — не юный пастушок, а Богиня любви Леля, дочь покровительницы космической и семейной гармонии Лады. Да и Ярило имел с Солнцем очень мало общего. Как мы с вами видели, читатель, Царь-Солнце, Хоре Даждьбог, выступал, помимо прочего, как установитель брачных норм и суровый преследователь их нарушителей. Ярило же, как мы сейчас увидим, считался покровителем буйных разгульных праздников, на которых и супружеская измена если не поощрялась, то допускалась. Солнечное Божество и Ярило в этом плане составляют скорее противоположность — но не враждебную, антогонистическую, а взаимно дополняющую друг друга — как, соответственно, аполлоническое и диони-сийское начало в Древней Греции. Главные праздники Ярилы — в конце апреля и в начале июня — плохо соотносятся с солнечным культом. Что до Островского — он писал с оглядкой на популярные тогда сочинения ми-фологистов так называемой солярной (солнечной) школы, видевших Солнце (или тучу, или гром) решительно во всех персонажах славянского (и не только) фольклора[1]. Так что интуиция писателя в данном случае, право же, ни при чем.

Критики совершенно справедливо указывали мифологистам, что таким методом в «солнечные божества» можно записать хоть завоевателя Мексики Эрнана Кортеса, хоть Юлия Цезаря. Один французский остроумец вообще взялся «доказывать» с помощью метода мифологистов, что солнечным божеством является... Наполеон Бонопарт.

Ярь — это весна, зелень, вешний хлеб, желание, похоть, ярец — май, яр — жар. Слово «ярь»-весна схоже с немецким (yahr), английским (year) обозначением года, отсюда же греческое «эра». Переярок — волчонок, переживший одну весну, а овечка, пережившая весну, — ярка. Яро — шибко, быстро, скоро, ярун — похотливый (или токующий тетерев, или бык-производитель), ярость — гнев и похоть, яриться — чувствовать похоть, сербское слово «ярич» обозначает любовный жар. Греческое слово «эрос» и латинское «эрекция» родственны имени русского Бога. В Костроме есть Яри-лово поле, под Кинешмою была Ярилова роща, у Плещеева озера — гора Ярилина плешь, село Ерилово в дорогобужском уезде, урочища Яриловичи в тихвинском и в валдайском, Ярилова долина около Владимира, и так далее и тому подобное. Личное имя Ярун встречается в летописи, Ярило как имя человека — в документах московской эпохи и в берестяной грамоте XII века из Старой Русы. Сохранилась и загадка: «Выскочил Ярил-ко из-за печи, начал бабу ярить — только палка стучит» (ответ, если кому любопытно, — метла). На праздниках Ярилы, на вопросы этнографов, что, мол, это за Ярило такой, празднующие отвечали: «Он (Ярило. — Л.П.) любовь очень одобрял».

Праздники Ярилы знала Русь, Белоруссия, Сербия. Знало Ярилу — под несколько измененными именами — и «Поморье Варяжское», и Болгария — о чем, впрочем, чуть погодя. В Белоруссии Ярилу (Ярылу) встречали 27 апреля — почти в те же дни, когда литовцы, пруссы, жмудь и иные балтийские племена пили пиво, славя Пергрубия-Переплута. Самого Ярилу белорусы представляли в виде прекрасного молодого всадника на белом скакуне, в белом одеянии и в венке из цве-

тов, держащего в левой руке — снопик ржи, а в правой — человеческую голову (символы, соответственно, жизни и смерти). В посвященный его встрече день наряжали Ярилой девушку, и вели коня, на котором она восседала, по полям, с песней:

Волочился Ярило,
Да по всему свету
Полю жито родил,
4 Людям детей плодил.
А где Он ногою, Там жито
копною, А где Он глянет, Колос
зацветает

Существует, кстати, подобная песня о козле: «Где козел ходит, Там жито родит». Козел, во-первых, символ плодородия, а во-вторых, одно из самых популярных жертвенных животных у всех индоевропейских народов. Связь между Ярилой и темой жертвы рассмотрим чуть ниже, пока коснемся темы плодородия. Подобные белорусскому Ярилину дню праздники отмечались на Украине, у словенцев и хорватов, когда чествовали «Зеленого Юрия» — имя Юрия созвучно Яри-ле, и изображали этого святого на белом коне, ряженые же в его честь украшались венками из цветов и трав. В словаре древнерусских художников «ярь» — *зеленая* краска (к слову, читатель — вы видели когда-нибудь зеленое солнце? И я нет). Песня в честь Юрия — «Святой Юрий по полям ходил, По полям ходил, Да жито родил» — почти повторяет белорусскую песню в честь Ярилы. Но если встреча Ярилы весной была вполне пристойным действом, то буйные праздники в честь Ярилы летом по части разгула не уступали прославленной множеством писателей и сценаристов Купальской ночи (на которую кое-где и приходились).

Епископ Тихон Задонский, впоследствии произведенный православной церковью в святые, в 1763 году увещевал свою собравшуюся на чествование Ярилы в конце мая паству: «Из всех обстоятельств праздника сего видно, что древний некакий был идол, называемый именем Ярилой, который во сих странах за бога почитаем был, пока еще не было христианского благочестия». Это считается первым упоминанием о Яриле — но, если прав Фаминцын, то дату первого упоминания надобно значительно сдвинуть в глубь времен — по крайней мере до 980 года. Ярилу на воронежских торжествах изображал мужик с раскрашенным белилами и румянами лицом, одетый в бумажный колпак с бубенчиками и украшенный лентами и цветами. Происходил его праздник в первый день Петрова поста. Идол Ярилы по местному преданию стоял на горе рядом с Галичем (Костромским), и там в честь него праздновали трехдневный праздник в неделю Всех Святых. Позднее в Галиче Ярилу изображал старик. В Суздале, по отраженному в местной летописи сказанию, находился идол «Яруна». В Кинешме Ярилу праздновали на лесной поляне, два дня. В первый день Ярилу встречали, во второй — хоронили. Похороны Ярилы — обряд, распространенный на территории России и Украины, изображение Ярилы — чучело из соломы или из зеленых ветвей, но кое-где изготавливали Ярилу и Ярилиху[1] из глины — наделенное огромным половым членом (каковой, кстати, кое-где именовался яруном), сжигалось, топилось или

Иногда их называли Семиком и Семичихой. В народном православии связанный с русальными обрядами праздник в июне, накануне Троицы, называется Семик. Уж не сокращенно-ласкательная ли форма прозвища-титула Сем (Сем Ярило-«Се-марьгл») имеется здесь в виду?

закапывалось в гробу — то есть предавалось погребению либо по древним Языческим обычаям, либо уже по-христиански. Несли «умершего» обыкновенно женщины и девушки, с громким плачем и воплями: «Не встанет он больше! Какой же он был хороший!» Шедшие вслед за «погребальной процессией» мужчины комментировали: «Баба не бреше! Вона знаеть, шо йй со-лодче меду!» и другими забористыми выражениями. Хоронил чучело Ярилы иногда старик.

Праздники Ярилы были рассредоточены по всей весне и первой половине лета. Причиной этому были христианские праздники пасхального цикла и связанные с ними посты, перепахавшие первую половину года, да простят меня христиане, как свинья огород. Впрочем, масштабы разрушений, как мне кажется, не столь велики, как полагает, например, Л.С. Клейн, видящий и в Масленице обряды, оттесненные туда с... Купалы. К таковым он относит, например, сожжение чучела Мары — Богини Зимы и Смерти, полагая, что изначально чучело все же было мужским и обозначало Ярилу — точнее, Перуна, которого Клейн видит и за этим Языческим Божеством. Но в Индии, скажем, именно весной проводится ритуал утопления в речке изображений Кали — индоарийской Богини, которую можно рассматривать как соответствие Маре. Впрочем, вернемся к Яриле. Если с обрядом его встречи все более или менее ясно — двадцатые числа апреля — то срок его «похорон» смещался по календарю в разных местностях от Троицы до первого понедельника после Петрова поста (29 июня). Петров пост, кстати, церковники когда-то ввели исключительно для того, чтоб «накрыть» им буйные празднества в честь Ярилы и Купалы. Вне Руси его не знали и не знают. Любопытно, что на Вологодчи-

не (почему-то только в ней) об этой стороне Петровского поста помнили, согласно сообщениям этнографов, до XIX века.

Впрочем, сейчас дата празднества Ярилы установлена с удовлетворительной точностью. И это снова заслуга Б.А. Рыбакова. Изучив календарные метки на кувшине из села Ромашки, на речке Рось, относящемся ко временам так называемой Черняховской культуры[1], к IV веку, академик взял за точку отсчета изображение колеса с шестью осями — уже известного нам громового символа, предположив, что это' — Перунов день 20 июля. Отсчитав от него двадцать семь дней-зарубок назад, Рыбаков обнаружил два косых креста — символ костров Купалы. Особо отмечена была дата 12 июля, когда Громовержцу выбирали жертвы. После Перунова дня начинаются жатвы, и заканчиваются в тех краях, где лепили кувшин, седьмого числа августа месяца, что и отмечено на кувшине символическими изображениями двух серпов и снопов. Наконец, на делении, соответствовавшем 4 июня, ученый обнаружил обозначение деревца — и указал, что именно в этот день, по свидетельству А.М. Горького, в Нижнем Новгороде провожали Ярилу, завивая березку, и скатывали с горы огненное колесо. В тот же день, в далеком Вольгасте, в земле по-

[1] Оппоненты Бориса Александровича, брюзгливо поджимая губы, цедят — мол, «археологи доказали», что Черняховская культура — готская, а потому, мол, ее исследования никакого отношения к славянам иметь не могут. Когда я слышу подобное, сразу вспоминаю, что сказал когда-то Г.К. Честертон про одного такого ученого: «Он доказал всем, кто ему поверил»... Вот только в число поверивших «археологам» (между прочим, Б.А. Рыбаков тоже археолог, и не из последних) позабыли пригласить готского историка Иордана, который черным по белому определяет занятые черняховцами земли как принадлежащие славянам-антам.

морян, еще не ставшей германской Померанией, немецкие монахи проповедник Оттон из Бамберга и его спутник Сефрид видели «около четырех тысяч человек, собравшихся со всей страны. Был какой-то праздник, и мы испугались (к сожалению, не до такой степени, чтобы покинуть славянские земли. — Л.П.), увидев, как безумный народ справлял его играми, сладострастными телодвижениями, песнями и громким криком». Описание, чуть ли не дословно повторяющее отзывы отечественных церковников о праздненствах в честь Ярилы: «Женам же и девам плескание и плясание, и главам их накивание, устам их неприязненный клич и вопль, все-скверные песни, бесовские угодия свершахуся, и хребтом их виляние, и ногам их скакание и топтание[1]; ту же есть мужем и отроком великое прелщение и падение, ту есть на женское и девическое шатание блудное им воззрение, такоже и женам мужатым беззаконное осквернение и девам растление». Атмосфера таких празднеств великолепно передана замечательным русским поэтом Сергеем Городецким в цикле стихов «Ярь». В стихотворении «Ярилу славят» описывается стоящий под деревом «дубовый Ярило на палке высокой», у подножия которого «две темные глыбы» — идолы Удраса и Ба-рыбы, судя по контексту, воплощения оплодотворения, беременности («А *ты,* Барыба, оберемени, пустые дни прочь отгони»). Являются ли эти божества поэтическим вымыслом автора или реальными местночтимыми спут-

[1] Топтание, топание входит в обрядовые танцы плодородия, вроде простейшей «топотухи». Вспомним — «куда Ярило (Козел, Юрий) ногою, там жито копною» — перед нами явное заклинание плодородия. А имя прусского Бога Потримпса, изображавшегося, подобно Яриле, юношей в белом одеянии и в венке и, подобно ему, посылавшего урожай, происходит от литовского «тремпти» — топтать, попирать.

никами-«прибогами» Ярилы на Псковщине, родине поэта, сказать затруднительно, но в целом вид — дубовая «палка» с утолщением-личиной наверху и две округлые «глыбы» у ее основания — достаточно откровенный. Жрицы Ярилы поют ему гимн-призыв:

Ярила, Ярила,
Высокой Ярила,
Твои мы.
Яри нас, яри нас
Очима.
    Конь в поле ярится,
    Уж князь заярится,
Прискаче.
Прискаче, пойме
Любую.
Ярила, Ярила,
Ярую.
Ярила, Ярила,
Твоя я!
Яри мя, яри мя,
Очима сверкая!

Этот великолепный Языческий гимн, где «ярь»-вожделение скользит по грани «юра» — откровенной похоти (по созвучию с коим словом Юрий-Георгий и стал, очевидно, «заместителем» Ярилы в народном христианстве), не переступая ее, пожалуй, не имеет подобий во всей русской литературе. Очень возможно, что Городецкий, известный своим вниманием к местному фольклору родного края, сам и наблюдал подобные обряды.

Впрочем, вернемся к празднику, отмечавшемуся 4 июня поморянами. Праздник отмечался в честь Яровита (или Геровита — славянорусское «яр» немецкие авторы передают, как «гер»: «Герполт» — Ярополк, «Герец-лейф» — Ярослав). Жрец, ритуально «преображавшийся» в этого Бога, одевался в белое одеяние и венок и го-

ворил: «Я — твой Бог. Я покрываю всходами поля и листьями леса. Плоды полей и деревьев, приплод скота и все, что служит нуждам людей, в моей власти». Другой же праздник Яровита приходился на двадцатые числа апреля — точно как белорусского Ярилы и общеславянского «Зеленого Юрия». Атрибутами Яровита были также, кроме белого, как у белорусского Ярилы, коня, щит и копье (вооружение скорее общинного ополченца, нежели профессионального воина-дружинника). Точно теми же атрибутами впоследствии снабдят христианские иконописцы святого Юрия-Георгия (само имя которого, кстати, обозначает «Земледелец»). Даты праздников, однокоренное имя, общая власть над вешней зеленью и плодами, белое одеяние и венок — любопытно, что еще надо, чтоб понять, что Ярило и Яровит — один Бог?

Ярилой же — точнее,]арилой — называли сербы весенний праздник и изготовляемую на нем ритуальную куклу с признаками мужского пола. Восточные сербы и болгары называли подобную куклу «Германом» (вспомним — «яр»-«гер»), делали ее обыкновенно из глины, и тоже с подчеркнутыми знаками пола. Праздниками Германа были 23 апреля (!), 22 июня (летний солнцеворот, на который и у восточных славян часто сдвигались обряды Ярилы), и 12 мая — праздник «настоящего», христианского святого по имени Герман, ставшего объектом этого совсем не христианского культа из-за весеннего праздника и созвучного имени. Иногда, впрочем, «похороны Германа» не приурочивались к какой-то конкретной дате, а просто производились для того, чтоб повлиять на погоду. Хоронили Германа женщины (как и русского Ярилу), печально напевая: «Умер Герман от засухи, ради дождя» (или наоборот: «от дождя ради ведра», в зависимости от того, что требовалось хоронив-

шим). Считалось, что тучи с дождем придут оттуда, куда указывает шапка глиняного Германа, и уйдут туда, куда указывает его... гм... мужское достоинство.

М. Забылин сообщает о культе Яра или Яровида у славян Иллирии и Далмации, но, к сожалению, не сообщает никаких подробностей.

Вас, читатель, наверное, уже не должно удивлять, что даже при такой распространенности культа Ярилы со схожими представлениями об его облике, власти над растительностью и плодородием вообще, предельно близкими датами праздников, и бесчисленными следами в ономастике и местных преданиях все же находилось немало, гм, «кассиров Сидоровых», продолжавших утверждать, что, мол, «Бога по имени Ярило у славян не было» — как «не было» и Лады с Лелей. Честно говоря, не завидую я им, учитывая, *что,* собственно, даруют человеку перечисленные божества. Упоминавшаяся на этих страницах М. Семенова, кстати, долго бывшая одним из лучших, если не просто лучшим нашим историческим романистом, после того как в своем «Поединке со Змеем» вывела Бога мудрости и поэтического вдохновения Велеса/Волоса как безмозглого дракошу с «пустыми радужными глазами», превратилась в заурядную сочинительницу бандитских боевичков да плодите-льницу нескончаемых — и раз от разу все более скучных — «Волкодавов». Ее позднейшие творения ясно показывают как раз полное отсутствие за спиною писательницы оскорбленного ею Велеса-вдохновителя — «се, оставляется ваш дом пуст». Последствия упрямого отрицания Божества, дающего, помимо прочего, прошу прощения, стояк (и женскую любовь), вы, читатель, представьте уж сами — мне страшновато. То есть академики-то старенькие, им уже, может быть, и все равно,

а какому-нибудь Л.С. Клейну, в силу его пристрастий, и вовсе побоку, но вам, читатель, я такое не рекомендую повторять даже в шутку.

Итак, известно Божество, о почитании которого у восточных славян говорят поздние этнографические данные, имена людей и названия мест, есть и следы почитания его у южных славян и славян западных, но нет упоминания в летописях и других средневековых источниках. И есть Божество, упоминаемое в средневековых источниках, но совершенно не оставившее следа в местных преданиях, ономастике, этнографии — но при этом полностью подобное по дарам и власти первому Божеству, а по имени — ему созвучное. А может, вспомним снова мудрого британского чернеца Оккама и не станем умножать сущности без необходимости? Может, пришла пора отправить «Бога Семарьгла», как «поручика Киже» Киевского Пятибожия, «фигуры не имеющего», в исторический архив недоразумений и ошибок изучения славянской мифологии, вместе с «Усладом» и прочими призраками? Не было в киевском капище, в Пятибожии никакого «Семарьгла», а был неправильно прочтенный Сем Ярило[1]. Бог вешнего тепла и цветения, Бог плодо-

[1] Между прочим, М.Е. Соколов еще в 1887 году сопоставил Семарьгла с Ярилой, по всей видимости, независимо от Фамин-цына, правда, полагая, что речь идет о семиголовом идоле — Семи-Яриле, что, пожалуй, все же надо полагать излишеством. Н.М. Гальковский, хоть и выдвигал, «по моде времени и вкусу», идеи об иранском Симурге, но наиболее убедительной считал именно версию Фаминцына о «Семарьгле»-Яриле. Наконец, Б.А. Рыбаков полагал, что «в этнографических сборах ему (Се-марьглу. — Л.П.), по всей видимости, соответствует Ярило, известный у западных славян в Средние века (Hierovitus)». Интуиция ученого не может не восхищать, непонятно одно — зачем же было, что называется, городить огород, втягивая в число русских Богов импортное пернатое?!

родия земли, стад и людей, защитник полей, податель любовного жара и молодецкой удали. Каждый год умирающий и вновь возвращающийся к людям, именно он, единственный среди Бессмертных познавший смерть, ближе всех их к нам, смертным (быть может, оттого-то он и Сем — что, как мы помним, обозначает полубога). Тут его символом было и «ярица»-жито, зерно, которое, «погребаемое» в земле, «воскресало» по весне колосьями. Ярило — типичный «умирающий и воскресающий Бог» растительной силы — не зря Джордж Фрэзер в наиболее полном обозрении земледельческих культов такого рода (Диониса, Осириса, Таммуза), своем всемирно известном труде «Золотая ветвь», уделяет немало внимания и восточнославянскому Яриле. Именно его, а не строгого, лучезарно-неприступного Даждьбога Хорса или, тем паче, беспощадно-непредсказуемого Стрибога могли на праздниках изображать ряженые люди (на одно-единственное упоминание о ряженом «Крале Перуне» у болгар приходятся десятки упоминаний о «Яри-лах», «Яровитах», «Юриях» у русских, белорусов, поморян, украинцев, словенцев, причем облик и почитание «Краля Перуна» настолько похожи на таковые Ярилы-Яровита-Юрия, что речь надо вести о проявлении черт вешнего Бога у грозного Громовержца). По этой своей близости к простым людям, а также оттого, что его дары — любовь и плодородие — были важнее всего для земледельцев и пастухов, Ярило-«Семарьгл» и был идеальным покровителем касты общинников, производителей жизненных благ, отчасти — и торговцев (Ярилами в некоторых местах называли ярмарки, проходившие около священных дней вешнего Бога). Размах и популярность культа Ярилы на Руси вполне соответствуют таковым галльского «Меркурия» и индоарийского Ганеши.

МАКОШЬ

На море-океане, на острове Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне светлица, в той светлице красная девица Матерь Божия с двумя сестрицами, они прядут и сучат шелковую кудельку

Заговор

Макошь (Мокошь, Макешь, Мокуша и пр.) — единственная Богиня киевского Пятибожия — из чего, понятное дело, отнюдь не следует, что она была единственной Богиней русов и славян. Она упоминается во множестве поучений, обличительных «Слов», житиях, исповедных вопросах. Эта Богиня упоминается в поучениях против Язычества обычно вместе с «вилами» — теми самыми стихийными девами, о которых мы говорили в начале книги. Иногда ее называют «Мокошь-Ди-ва», что сходно с индуистским «Дэви», а равно и с названием последней из пяти частей Уэльса — Диведом. В поучениях и «словах» Мокошь сравнивают с суровой Гекатой, идолы которой (весьма, к слову сказать, напоминающие гневные формы индуистской Дэви) вымазаны жертвенной кровью. Суровый характер Богини подтверждается также и засвидетельствованной еще Далем поговоркой — «Бог не Макешь[1], чем-нибудь да потешит». Под «Богом» здесь скорее всего уже подразумевается милосердный «Господь» христиан, в противоположность «Макеши»-Мокоши, от которой ждать милостей неразумно. На месте капища Мокоши стоит, по всей видимости, Мокошинский монастырь в Черниговской области (как Перыньская обитель в Новгородчине — на месте капища Громовержца). Названия Мокош, Мокошницы, Мокошин верх известны в Польше, Чехии, у полабских

[1] Между прочим, одно из имен Дэви — Махешь, «Великая».

славян — Мукуш, Мукеш, лужицкое Мокошице. В Пскове жил тиун-управитель Хлоптун Мокуша. Словенцам известна сказка о колдунье по имени Мокошка. Еще в XVI столетии в исповедальниках, так называемых «худых номоканунцах», исповедникам предписывалось задавать «духовным дочерям» вопрос: «Не ходила ли еси к Мокуше?» Любопытно, что этот вопрос должен был задаваться среди запретов на всякого рода гадания — «Мокуша»-Мокошь, очевидно, почиталась способной предвещать будущее. Б.А. Рыбаков в этой связи указывает на мелькающее в обличениях Языческих суеверий словцо «кошь» или «къшь», упоминающееся рядом с верой в сны («сносудец»), предопределение («усрячу», Сречу). В одном таком списке вместо «кошь» написано Мокошь. Рыбаков обращается к работам И. И. Срезневского. По-древнерусски «къшь» — жребий, «къше-ние» или «кошение» — жеребьевка, «кошитися» — метать жребий, наконец, «прокъшити» — победить в жеребьевке (было даже славянское имя Прокош). С другой стороны, Рыбаков обращает внимание на такие слова, как «кошьница», «кошель», «кошуля» — емкости для зерна и хлеба. В связи с этим Борис Александрович предполагал, что имя Богини может быть истолковано как «Ма(ть) судьбы, жребия, участи» или же «Мать коробоь, мать урожая». То есть Макошь становилась Богиней судьбы и плодородия. Вместе с тем он допускал и толкование от «мокнуть, мокрый» — сравним: «Мать *Сыра* Земля». Созвездие Водолея в древней Руси называлось Мокрошь или Мокрешь, моравский историк XVIII века Стржедовский упоминает божество Макосла, связанное с водой, «мокридами» на русском Севере называли обряд, когда в почитаемый колодец бросали пряжу, кудель, что выводит нас на третье истолкование имени русской Богини. В литовском языке

есть слова makstiti — «плести», meksti — «вязать», maks — «торба, мошна» (мы опять возвращаемся к ко-шулям и кошелям Рыбакова). Из этих и других слов языковеды-лингвисты восстанавливают предполагаемое праславянское слово mokos — прядение. Это напоминает о Мокуше — странноватом существе из быличек и поговорок русского Севера, с большой головой и руками, очень любящее прясть — когда в ночной темноте в спящем доме слышалось жужжуние вращающегося веретена, говорили — «Мокуша прядет». Ей же приписывалась «стрижка» вытертой овцами шерсти (видимо, чтобы прясть из нее). Чтоб не вынуждать Мокушу к таким действиям, ей оставляли что-то вроде жертвы — после стрижки овец оставляли для нее клок шерсти в ножницах. Ленивой девке насмешливо говорили: «Спи, Мокуша пряжу спрядет за тебя». Звучала поговорка угрожающе — оставленная ленивой пряхой прялка со спутанной куделью — «Мокуша опряла!» — считалась недобрым знаком. Мокуша напоминает какого-то мелкого домашнего духа, вроде новгородской мокрухи или общерусских мары, кикиморы[1]. Но есть и черты, делающие ее крупнее, — в великий пост Макуша обходит избы, наблюдая за поведением хозяек. Тут это уже не мелкая нелюдь, склонная к столь же мелким проказам, а существо, охраняющее порядок — да к тому же одно на все избы, что автоматически повышает ее в наших глазах. Явилась ли севернорусская Мокуша формой вырождения культа древнерусской Мокоши, или изначаль-

[1] Распространенное выражение «Кикимора болотная», закрепленное в нашем сознании сценаристами советских киносказок и мультфильмов, на самом деле ничего общего с реальными представлениями наших предков об этом существе не имеет. Кикиморой могли называть просто домовушку, домового женского рода, или пришлое злобное существо, но с болотом ее никогда не связывали.

но существовала параллельно с нею, неясно. Для нас важнее именно та черта, которую севернорусская Моку-ша добавляет в облик своей великой «тезки». Мо-кошь/Макошь — пряха. А пряха в мифологии существо более чем почтенное. Она воплощает ни много ни мало — Судьбу, высшее понятие любой Языческой мифологии. В Ведах с прядением или тканьем сравнивали само творение мироздания. «Да продлится пряжа!» — восклицает ведический певец-риши, подразумевая — да не прервется род. В мифах и легендах Эллады судьбу пряли мойры (буквально — часть, доля, сравни «къшь» и славянское мифическое существо, олицетворение личной судьбы — Доля) или, как их еще называли, парки. В гомеровской «Илиаде» говорится: «После претерпит он все, что ему непреклонная *Участь* (мойра. — Л.П.) с первого дня, как рождался от матери, *выпряла с нитью»,* «такую, знать, *долю суровая Парка выпряла* нашему сыну, как я несчастливца родила». В «Одиссее»: «Пусть испытает все то, что *судьба и могучие Парки в нить бытия роковую вплели* для него при рожденье». А вот как обстояло дело у скандинавов:

Ночь была в доме,
Норны явились
Судьбу предрекать
Властителю юному,
Судили, что будет он прославлен,
Лучшим из конунгов прозван будет;
Так *нить судьбы пряли* усердно,
Что содрогались в Бралюнде стены.

(Старшая Эдда, Первая песнь о Хельге)

Кроме норн, судьбу пряла, очевидно, и супруга верховного Бога скандинавов Фригг, изображавшаяся на стене Шлезвигской церкви верхом на прялке. На фрис-ландских пряничных досках изображалась увенчанная

полумесяцем Богиня у прялки. У литовцев судьбу человека выпрядала — тоже на прялке! — Богиня Верпея.

Огромным почетом окружали прядение и связанные с ним вещи и понятия на Руси. Резной узор, покрывавший прялку, включал и «Громовые колеса» с шестью спицами, и солнечные символы, и воплощающие землю квадраты и ромбы — короче говоря, тут был весь мир, от недр, обозначенных изображением змея или некоего драконоподобного существа в основании лопасти, до космических высот с символами светил и грома. Форму и узоры (и даже технику резьбы) севернорусских прялок полностью повторяют традиционные надгробья Украины и Югославии, каменные надгробья Московского Кремля XIII—XIV веков. Сербский епископ Павел Ненадович в 1743 году запретил устанавливать на могилах увенчанные «преслицом» (прялкой) столбы и шесты, повелев ставить вместо них кресты. Любопытно, что, с одной стороны, на русском Севере в ходе обрядового святочного «озорства» парни отбирали прялки у девушек и относили их... на кладбище, где могли поставить на могилу или даже побросать в вырытую для погребения яму. С другой стороны, согласно свидетельству Геродота, в Греции существовал обычай, по которому на острове Делос девушки перед свадьбой наматывали отрезанную прядь волос на прялку и возлагали ее на могилу основательниц главного Делосского культа — культа Аполлона Гиперборейского — дев из Гипербореи — то есть с далекого севера Европы. Поскольку прялки устанавливали на могилах перед тем, как там стали устанавливать кресты — стало быть, и изображения на прялках значили для язычников не меньше, чем крест для приверженцев новой религии. Но самой мощной и глубокой по своему Языческому символизму является прялка с русского Севера XIX века, в свое время описанная

Б.А. Рыбаковым. Широко известно (его фотографию часто помещают в книгах по русскому Язычеству, начиная с «Язычества древних славян» самого Бориса Александровича) ее донце в виде полуфигуры лежащего на спине мужчины с усами и бородою. Руки его сложены на груди, как у покойника. Однако глаза широко открыты, а из открытого рта с оскаленными зубами выходит лопасть прялки, узор на которой — напоминаю — является символическим изображением мироздания. На месте полового органа лежащего на донце вырезано громовое колесо. Именно на нем должна была сидеть пряха[1]. Эта композиция очень напоминает изображения Великой Богини-Матери Дэви в Индии, где Она стоит или сидит на теле Своего супруга Шивы, иногда имеющего вид «шавы» — покойника, но со стоящим мужским органом-лингамом. Вот совершенно так же пряха на русском Севере восседала на теле «покойника» с громовым знаком на месте мужского органа, из уст которого исходило мироздание (кстати, и Шиву, и, еще чаще, самое Дэви в ипостасях Кали или Дурги изображают с высунутым языком). То есть прядущая уподоблялась ни много ни мало самой Великой Богине-Матери. Соответственно относились и к символике пряжи и нитки. Нить была символом жизни, судьбы. Отсюда поговорки: «Этой нитке конца не будет», «Жизнь на нитке, а думает о прибытке», «По нитке рубеж». Жизнь, как нитку, связывают с кем-то, она может стать запутанной, а может и оборваться. «Сколько нитку ни вить, а концу быть».

---

[1] Прялка изготавливалась от начала до конца мужчинами и была традиционным подарком женщине — невесте, жене, дочери. На ее донце или, реже, лопасти вырезали, любовно вплетая в орнамент, то самое слово из трех букв, обозначающее мужское производящее начало, которое нынче процарапывают на грязных стенах и заборах.

В качестве прядущих жизнь-судьбу могут выступать и сравнительно мелкие духи (русалки, домовухи, кикиморы, та же Мокуша — видеть или слышать их прядущими или ткущими обыкновенно не к добру, хотя упоминаются и исключения), так и существа более крупного порядка наподобие северных норн или античных мойр. У южных славян такие пряхи (роженицы, суженицы) прядут человеку либо хорошую судьбу (Среча), либо дурную (Несреча). Но у скандинавов, как мы помним, наряду с норнами существовала и Фригг, знающая судьбы, восседающая на прялке. Совершенно так же и на русском Севере, кроме Мокуши, была и более величественная фигура Пряхи — так называемая «святая Пятница». Кавычки вполне уместны — насколько «Илья-пророк», этот чуть прикрытый христианской терминологией и символикой Громовник Перун крещеной русской деревни, имел мало общего с ветхозаветным фанатиком единобожия, настолько же и «матушка Пятница» северных русских деревень имела предельно мало общего с греческой первохристианской святой великомученницей Параскевой. Для начала ее... отождествляли с Богородицей, что само по себе необычно для христианства и скорее напоминает многоликие Силы Язычества — ту же Дэви, которая проявляется и как Дурга, и как Кали, и как благостная Парвати, и во многих иных образах. На средневековых новгородских иконах «Пятницу» изображали на одной доске с Богородицей, но с другой стороны — это обыкновение, опять-таки не вполне христианское, напоминает многоликие славянские идолы. Еще в XX веке в Ленинградской области верующие были убеждены, что «Пятница — это и есть Божья матерь». Фольклорный облик святой рисовал то девицу в белой сорочке и плахте, то растрепанную нагую женщину с большой головой и большими руками (совершенно

как Мокуша), высокую и худую. Она могла помочь усердной пряхе, наказать нерадивую, считалась покровительницей и ткацкого мастерства, но сурово карала за работу в свой день — могла даже содрать кожу и повесить ее на кросна — ткацкий станок — так что те, кому удавалось отделаться за непочтение к суровой «святой» скрюченными пальцами, могли считать себя счастливицами. Ее почитание выражалось в принесении обетов, в том числе — на изготовление полотнищ, которые могли принести в посвященную Параскеве церковь или часовню, а могли — вывесить на ветвях у посвященного Пятнице почитаемого камня с выемкой в виде человеческого следа, или у родника, или у колодца. Там же — а также на распутьях — стояли изображения «святой», вопреки православной традиции — резные. Ветви кустов и деревьев вокруг этих православных идолов густо покрывали шнуры и клочья пряжи, пожертвованные почитательницами грозной «святой». Именно в честь «святой Пятницы» русские девушки справляли «макриды», бросая пряжу в колодец. Она же, считалось, помогает при родах, да и жениха может послать: «Матушка Прасковея, пошли мне жениха поскорее!» Соответственно, постольку, поскольку с Пятницей отождествлялась Богородица, то и сама Богородица еще со средневековых времен стала изображаться на Руси как Пряха — с веретеном и пряжей в руках. Возникло сказание, в котором будущая мать Христа в отрочестве пряла пурпуровые нити для храмовой завесы. В заговорах «матушка Богородица», восседающая «на острове Буяне, на бел-горюч-камне Алатыре», как правило, предстает именно прядущей. Тут интересно, что Богородица в народном православии отождествляется с самой землею — так, мужикам, разбивающим комья земли на пашне палками, бабы пеняли, что они-де бьют саму Бо-

городицу. У Ф.М. Достоевского тоже выведена монашенка (!), утверждающая, что Богородица — это мать-сыра-земля. В тех же заговорах мать Христа сливается с древнейшей святыней, Землей, в неразличимое единство: «Мать Сыра Богородица». Интуиция исследователя вновь не подвела Бориса Александровича — в Мокоши объединены в одном образе и Земля (влажная, сырая), и Судьба. Разве что напрямую с полями и пашнями Мокошь отождествить трудно — ее территорией скорее являются родники, берега рек и распутья — пограничные с дикой, неосвоенной природой участки. И не зря одним из имен Мокоши было Дива, от которого происходило древнерусское слово «дивий, дивокий» — дикий.

Ученые практически не сомневаются, что под личиной народного культа Параскевы Пятницы (собственно, «параскева» и означает по-гречески Пятница[1]) скрывается культ древнего женского Божества, а именно — Мокоши, прядущей судьбы, покровительствующей рождениям и бракам, повелевающей земной влагой (вспомним о посвящении ей колодцев и источников). «Низшие» черты Богини воплотились в мелкой нечисти Мо-куши, но ее почитание как Высокой Богини должно было скрыться под христианским псевдонимом. Как в других традициях пятница связана с днем Богини —

---

[1] Наряду с ней в фольклоре упоминаются «святая Середа>\ не имеющая греческого имени, и «Неделя» или Анастасия (Воскресенье). Они тоже покровительствуют женским ремеслам (пряже, ткачеству) и наказывают не почитающих их дней. Однако это — более молодые, поздние персонажи, указание на что сохранил сам фольклор: «Света Петка — Неделина майка» («Святая Пятница — мать Недели (Воскресенья)», — говорили в Болгарии. А украинцы утверждали: «Середа давка, а П'ятница — жшка».

Венеры, Фрейи (Friday) — так и в русской традиции Пятница была связана с Мокошью. Кстати, есть основания предполагать, что первоначально неделя у славян была из пяти дней. Во-первых, на это указывает то обстоятельство, что средой, серединой, называется третий день недели. Само собою разумеется, что если третий день — середина недели, то в неделе должно быть пять дней. Во-вторых, шестой и седьмой день, суббота и воскресенье, носят названия, связанные с иудеохристиан-ской традицией. Наконец, примеры пятидневной недели есть у народов, общавшихся с древними славянами. Скандинавское слово fimmt обозначает именно неделю из пяти дней. Схожая неделя, как предполагают, существовала у прикамского народа удмуртов. Возможно, первоначально такая неделя-пятидневка находилась под покровительством Пятибожия. Пятница принадлежала Мокоши, четверг, как мы уже знаем, — Перуну. Оставшиеся три дня можно расположить лишь предположительно. Понедельник, с его репутацией «тяжелого дня» и посвящения в народном православии апостолу Петру, привратнику загробного мира, легче всего увязывается со Стрибогом. Вторник, в Пасхальную неделю носивший кое-где название «Купалища», может связываться с Солнцем, так как Купала — праздник Солнца, Солнцеворот, а значит — принадлежать Хорсу Даждь-богу. Среда, кстати, в астрологии находящаяся под покровительством Меркурия, таким образом остается для славянского соответствия галло-римскому «Меркурию» — Яриле-«Семарьглу».

Любопытно и другое сходство «святой Пятницы» — а стало быть, и Мокоши. А.А. Потебня обратил внимание на то, что в украинской сказке «святая Пятинка» замещает действующую в схожих по сюжету русских скзках Бабу Ягу. Яга в сказках может выступать и пря-

хой: «Стоит избушка на курьей ножке, на веретенной пятке, крунами вертится, и дверей не видать... в избушке сидит женщина, шелк прядет, нитки длинные сучит, веретено крутит, и под пол спускает». Обитающая в лесу и повелевающая зверями Баба Яга вполне подходит на роль Дивы — повелительницы «дивьей», дикой природы. Любопытно, что, как и Пятница, как и словацкая Макосла, Баба Яга в некоторых сказках повелевает дождем. Если Мокошь равнозначна Яге, то проясняется и ее социальная роль, ее связь с определенной кастой. Ведь сказочный образ Бабы Яги и ее «избушки на курьих ножках» в окружении увенчанного черепами частокола, как выяснил еще В.Я. Пропп, является поздним фольклорным отголоском обрядов инициации, посвящения в род. Тех самых инициации, о которых мы, читатель, говорили в прошлой главе. Тех обрядов, которые делали из ребенка или раба свободного, равноправного соплеменника. И если Макошь как Мать покровительствовала вечным детям-рабам, то Она же и отвечала за «второе рождение» свободного человека, полноправного сына (или дочери — сказки ведь знают и девочек в избушке Бабы Яги) своего племени. Любопытно, что, по сообщениям этнографов, мальчики, прошедшие инициацию, еще какое-то время жили отдельным обществом-дружиной, которую у индоевропейцев часто сравнивали со стаей волков или псов. В быту славян последние следы таких дружин видят в украинском «паробоцтве», освященном образом... «святого Юрия», то есть православного «заместителя» Ярилы. Волки или псы-хорты считались спутниками Юрия (так что, возможно, крылатые псы древнерусского прикладного искусства все-таки имеют какое-то отношение к «Семарьглу»-Яриле). В обрядности Семика, ярилиных Зеленых святок, фигурирует образ «волка»-любовника, и поскольку сложно

предположить, что славянки предавались подобной зоофилии, то в «волке» следует видеть вот такого свеже-посвященного в племя «паробка», принятого Юрием -Ярилой из рук Яги-Мокоши.

Итак, читатель, оказывается, что пять Богов Киевского капища не только соответствуют пяти кастам традиционного общества (три основные касты, обрамленные фигурой священного правителя сверху и массой детей, рабов и прочих неполноправных снизу), но и перечислены в порядке убывания значимости покровительствуемой касты-«рода». Боги киевского капища 980 года как бы образовывали модель и общества, и Природы. Последняя здесь отражалась и в «вертикальной» структуре (Перун — «верхнее» Небо с дождевыми водами, Хоре Даждьбог — расположенное под этим небом Солнце, Стрибог — воздух, ветер, пространство между небесным путем Солнца и землей, «Семарьгл»-Ярило — растения и Макошь — влажные земные недра), и в горизонтальной, концентрической, в которой «сферы влияния» Богов были вложены одна в другую, словно матрешки, или, если угодно, окружали друг дружку слой за слоем, как круги хоровода на Купалу: Перун — Центр, Ось (Древо-Дуб, Гора), Даждьбог Хоре — хором-храм-святилище, окружающее святыню, Стрибог — детинец, обитель дружины, «Семарьгл»-Ярило — торгово-ремесленный и земледельческий[1] посад, Мокошь — окраины, пустоши, возможно, клети с рабами у пристани и поселки зависимого, полусвободного и несвободного населения, смердов.

Разумеется, Пятибожие далеко не исчерпывает всего

[1] В былине «Чурила Пленкович» посадское население Киева показано как земледельцы и огородники, и к ним обращаются: «Аи же вы, мужички посадские, деревенщина-засельщина».

богатства и разнообразия древнерусского Язычества. Наряду с ним почитались Всеотец Род, и пара Пе-рун/Велес (Перун/Хоре), возможно, соответствовавшая паре Белобог-Чернобог балтийских славян-варягов, и языческая «троица» «Бог» (Ярило?)—Перун—Волос (Даждьбог-Стрибог-Переплут), соответствовавшая триадам кельтов, балтов и германцев, а также индоарийско-му Тримурти. Вполне возможно, что эти культы, как и множество культов отдельных Божеств и духов, как входивших в Пятибожие, так и тех, кто никогда в него не входил, были куда как шире распространены, нежели громоздкий и, без сомнения, трудоемкий культ пятерых Богов. Тем паче что, скажем, князья IX—X веков уже очень мало напоминали тех «священных правителей», наличие которых предполагало Пятибожие. К тому времени от «князя-Солнышка Владимира все Славьича» остались лишь песни, которые, вероятно, и слышал Ибн Фадлан и которым предстояло века спустя лечь в основу былин. А после X века, когда князья оставили древнюю веру и стали христианами, древний культ окончательно утратил свою актуальность и действительно скоро угас, хотя его составляющие, разумеется, никуда не делись и забыты, как мы с вами, читатель, могли убедиться, не были. Их помнили и даже кое-где почитали вплоть до XIX и даже XX века, но само Пятибожие как цельная система было, пожалуй, окончательно уничтожено в 1071 году, когда в Киеве пропал без вести вдохновлявшийся «Пятью Богами» волхв. Более мы не встречаем свидетельств о почитании русами и славянами Пятерых Богов. Нельзя не принимать во внимание и того, что столь сложный культ требовал, конечно, хорошо подготовленных жрецов — а в условиях крещеной Руси полноценное обучение и воспроизведение жреческой касты стало невозможным, во всяком случае, в городских центрах. Впрочем, здесь мы переходим к теме

жизни сохранивших верность Богам предков русичей в уже крещеной стране — теме, которой автор, как уже имел удовольствие сообщить читателю, собирается посвятить особую книгу.

Возникает еще один, последний вопрос — отчего Владимиру потребовалось возвести Пятибожию новое святилище, только ли желание подчеркнуть свою неуклонную приверженность древним обычаям и вере пращуров двигало сыном хазарской рабыни, ключницы Малки? Или существовала какая-то более глубокая причина? В этой книге мы несколько раз касались таких тем, для Язычества весьма важных, если не ключевых, как святость верховного правителя, вопрос ритуальной чистоты, общая ответственность (в том числе — перед Богами) и святость родовых, в особенности братских, уз.

Говорили мы и о том, что победитель в гражданской междоусобице, разразившейся между сыновьями великого князя Святослава Храброго во второй половине X столетия, выглядел в глазах современников и подданных самым непривлекательным образом. Настолько непривлекательным, что по все же одержанной им победе мы можем судить о том, насколько сильной была на Руси неприязнь к новой вере, которой имел неосторожность покровительствовать великий князь киевский Ярополк Святославич[1]. Рабская кровь в венах была в глазах

[1] Правда, о том, что сам Ярополк был крещен, говорить все же не приходится. Дело в том, что позднее, уже при Ярославе, была совершена, пожалуй, не имеющая прецедентов в мировой истории акция, а именно — извлечены из курганов и крещены кости братьев Владимира Крестителя — Олега и Ярополка. Вторично крестить крещеного было бы кощунством и ересью. Поэтому следует предполагать, что Ярополк, как, впрочем, и засвидетельствовано источниками, всего лишь мирволил почитателям распятого божества. Что ж, очевидно, для утраты народного почтения этого было достаточно.

основанного на принципах родовитости, происхождения, кастовости общества сложноискупимым грехом, особенно если мать-рабыня даже не принадлежала к славянам или родственным им племенам. Словно бы не хватало этого, новгородский полукровка совершает еще и братоубийство. Как относилась к пролитию братской крови языческая мораль, мы уже говорили. И что ужаснее всего — это злодеяние Владимир совершил, уже будучи киевским князем. Князь Ярополк на момент своей гибели был беглецом, лишенным престола. А что любая неправда государя больно аукнется всей державе — в это русичи крепко верили и спустя девять веков после братоубийства будущего святого. Еще Владимир Даль в своем собрании пословиц и поговорок приводит промеж прочих и такую: «Народ согрешит — царь отмолит, царь согрешит — народ не отмолит». Грех, страшный грех против своего рода, а значит, и против самих Богов совершил младший Святославич. И сразу после этого он возводит новых кумиров. Вполне возможно, здесь не просто попытка откупиться от небесных Прародителей и общественного мнения. Даже просто убийство нарушало ритуальную чистоту (об этом нам приходилось говорить в связи с запретом на производство ценностей, особенно — пищи для воинов), втройне нарушало ее убийство брата. Спустя девять столетий, как рассказывает об этом в книге «Фольклор в Ветхом Завете» Джордж Фрэзер, на другом краю земли в схожем положении оказался правитель океанского острова Добу, некий Гагануморе. Этот вождь запятнал себя кровью брата — хоть и не родного, как киевский рабынич, а двоюродного. Гагануморе оказался вынужден покинуть старую деревню, бывшую свидетельницей его злодеяния, и возвести новую.

Заново отстроить «Мать Городов Русских», престольный град Киев, который немец Адам из Бремена

вскоре назовет «соперником Константинополя», было, разумеется, много сложнее, чем деревушку диких островитян. Поэтому Владимир предпринимает следующий ход — он пересоздает сердце столицы своего государства — ее главный храм. Поскольку капище Пятибожия было моделью общины из пяти каст, то, обновляя его, победитель-братоубийца надеялся, согласно принципам магии подобия, обновить общину — так, воздействуя на чье-то изображение, колдун обретает власть над изображенным. Конечно, невиданная роскошь капища должна была, по мысли рабынича, «умаслить» Богов — или хотя бы киевлян, как и брошенные под ноги праотече-ским кумирам обломки сокрушенной святыни чужой веры, той самой веры, которой покровительствовал убитый Владимиром его брат и государь. Братоубийца «ненавязчиво» напоминал Богам и людям, что его жертва не была безвинной перед обычаями общих их предков. Но основной причиной, по моему глубокому убеждению, было стремление князя ритуально обновить общину, лукаво омыв этим ритуалом свой грех, сделать бывшее — небывшим.

Дальнейшие события показали, что лучше было бы общине «обновить» князя, сделав небывшим его восхождение на престол. Но это — тема совсем другой книги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 Опыт славянской хиромантии

Гадание по руке, иначе говоря хиромантия, в сознании современного человека плохо состыкуется с славянской традицией. Скорее уж — с образом смуглой чернявой девицы или усатой тетки в пестрых тряпках: «Ай, позолоти ручку, брильянтовый, всю правду скажу...», «Цыганка гадала, за ручку брала» — и так далее. Однако в источниках Московской Руси, в основном в поучениях против суеверий, упоминается, среди иных способов гаданий и ворожбы, и такой — скоморохи, «волхвы» (в то время это слово означало уже знахаря, а не жреца) или ведуньи-ворожеи «на руку смотрят». В частности, некий «волхв Дорофейко», изобличенный и казненный уже при Петре, гадал своему нанимателю боярину Безобразову, сосланному на Терек стороннику Софьи, «ремеслом коновал и рудомет, умеет бобами ворожить и на руку смотреть».

Значит, существовала за «смотрящими на руку» кудесниками какая-то местная, славянорусская традиция. Разумеется, восстановить ее в полной мере уже невозможно. Однако, зная о существовании на Руси культа Пяти Богов (Перуна, Хорса Даждьбога, Стрибога, Ярилы-Семарьгла и Мокоши), аналогичного индоарий-ской Панчадэватте (Индре, Сурье, Рудре, Ганеше и Дэви) и культу пяти главных Божеств Галлии, описанному Юлием Цезарем под римскими именами «Юпитера», «Аполлона», «Марса», «Меркурия» и «Минервы», можно хотя бы приблизительно выяснить — не отра-

жался ли на ладони-пятерне этот культ Пятерых? Указательный палец, определяемый в некоторых русских сказках как «воевода», палец, по самому своему имени связанный с указыванием, с властью, ассоциируется с Перуном. И действительно, этот палец в классической европейской хиромантии связан с Юпитером, а скандинавы называют его «пальцем Тора». Безымянный палец, на который надевают золотое (золото — символ Солнца) обручальное кольцо, напоминает нам о Даждь-боге, «Солнце-Царе», покровительствующем свадьбам. У скандинавов это — «палец Фрейра», солнечного Божества, в классической хиромантии — палец Аполлона. Средний палец связан с Сатурном. Имя этого Бога и его предшественника, италийского Сатре, ученые считают родственным имени нашего Стрибога, а его самое известное сейчас применение напоминает, что одним из главных символов индийского соответствия Стрибогу, Рудры, был фаллос-лингам. Напоминает Сатурн Стрибога и суровым характером. Остаются два пальца, мизинец и большой. Мизинец — палец Меркурия, именно «Меркурием» Цезарь обозначил галльского Бога Езуса, соответствующего Яриле-«Семарьглу». Холм у основания большого пальца посвящен единственной Богине в этой «мужской компании» — Венере. И соответствует единственной Богине индоарийского, кельтского, русского Пятибожий. Дэви, Минерве, Мокоши.

Приложение 2 Перун — змееборец или?..

Со времен Афанасьева, отождествлявшего едва ли не любого богатыря Русских преданий, былин и сказок с Перуном, многие привыкли видеть в Перуне Змеебор-

ца. В 1960—70-е годы этот взгляд был подкреплен теорией В.В. Иванова и В.Н. Топорова об основном мифе индоевропейцев, якобы состоявшем в бое Бога Грозы с его змеевидным Противником. Ничего особенно нового в этой схеме не было — все те же построения Афанасьева, расцвеченные лингвистическими примерами, зачастую притянутыми не сказать за что. Особенно это касалось славянской версии «основного мифа», в которой Громовержцем-Змееборцем, понятно, был Перун, а вот в Змеи невесть отчего попал Велес. И научная общественность настолько растиражировала эту схему (стоит только сказать, что ее авторы писали статьи по мифологии славян в «Мифах народов мира»), что она многими стала восприниматься как что-то не просто обоснованное, а твердо доказанное, чуть ли даже не общепринятое. Картина битвы Громовержца с «Змеем»-Волосом попала и в такие сочинения культовых авторов, как «Мы славяне» и «Поединок со Змеем» Марии Семеновой и «Дорогами Богов» Юрия Петухова.

Из литературы подобного рода идея о Змееборце-Перуне победоносно въехала в умы и души последователей молодого русского Родноверия. Даже те из современных Язычников, кто вроде бы не разделяет теории Иванова—Топорова, обязательно упоминают, что Змей — один из обликов Велеса, а Перуна изобразят побеждающим Змея, хотя ни то, ни другое ни из каких источников не следует.

Критика теорий Иванова и Топорова уже находится на множестве Языческих (родноверческих) сайтов. Нет необходимости повторять ее. Критикуют ее и многие ученые — М. Серяков в своем исследовании про «Голубиную книгу», А. Панченко в «Народном правосла-

вии», А. Клейн в «Воскрешении Перуна». Остается только недоумевать — где же были эти ученые критики раньше? Неужели молчали только оттого, что не желали соглашаться с ненавидимым ими (книга Клейна буквально пышет этой ненавистью, не утоленной даже смертью оппонента) Б.А. Рыбаковым? В своем фундаментальном труде «Язычество древних славян» покойный академик буквально уничтожил эту теорию простым указанием на полное отсутствие в источниках каких бы то ни было следов «вражды» или хотя бы противостояния Перуна и Велеса (3. С. **421**—423) Что же говорят источники на самом деле? Я просто предоставлю несколько сообщений.

Россия, Новгород.

Легенда о Перыни (Записана П. Якушкиным в 1866 г.)

«Был зверь-змияка, этот зверь-змияка жил на этом самом месте, где вот теперь скит святой стоит Перюнь-ский. Каженную ночь этот зверь-змияка ходил спать в Ильмень с Волховскую коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Во-лодимир-князь в Киеве... Новгород окрестился. Черту с Богом не жить: Новый город схватил змияку-Перюна да и бросил в Волхов. Черт силен: поплыл не вниз по реке, а в гору — к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью, да и на берег! Володимир-князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду». (2. С. 367)

Украина, Киевщина.

Легенда об острове Перун (Записана в 1905 г. Д.И. Яворницким)

«До принятия нашими предками христианской веры,

говорят, посреди Киева стоял каменный идольский бог Перун с золотой головой. А тогда, когда киевский князь Святославский привез в Киев христианскую веру, тот бог сброшен был в Днепр. И поплыл тот Перун вниз по воде, а останавливался между порогами, возле высокого скалистого острова, против Таволжана. В том острове есть большая пещера, и в той пещере поселился тот бог Перун. Там он превратился в семиглавого змея. От того Перуна-Змея и остров прозвали Перуном, а пещеру — Змеевой». (2. С. 367—368).

Тут необходимо сделать примечание — на острове Перун украинскими археологами найдены шлифованные каменные топоры с грозовой символикой (4. С. 290, рис. 23 на С. 396). В Русском Язычестве топор — в том числе каменный — был символом и святыней Перуна.

Болгария.

Иордан Иванов в своей книге «Культ Перуна у южных славян» указывает, что в болгарских поверьях добрый змей выступает помощником святого Ильи Громов-ника, а то и заместителем его, посылает дождь на поля и сражается с чудовищной драконицей-халой (вспомним, что в большинстве вариантов былины Добрыня бьется отнюдь не со Змеем Горынычем, а именно со Змеей или Змеихой). Есть предание о горе Перун-планина — там жил крылатый змей, наводивший грозы и дожди на округу и сражавшийся с быкоголовым змеем, жившим в низине. Этот змей, несомненно, Перун.

Польша.

Создавая образ мрачного владыки подземелий Ящера (в которого также поверили многие современные Родно -веры), Б. А. Рыбаков обратил внимание на некое польское божество по имени Yassa, или Yesse. Он вполне убедительно перевел это как Иеша, Яшша — Ящер,

дракон (яже по-польски) (3. С. 404). Вот только он не упомянул, какую роль этот Бог-Ящер, Бог-Дракон играл в польской мифологии...

Рукопись польского гусита (начало XV века)

«И так поляки на Троицу почитают идолов Alada, gardzyna Yesse»... (2. С. 374)

Однако gardzyna по-польски витязь, герой, богатырь (ср. др. — рус. «гридин»). Странное имя для подземного чудища!

Ян Длугош. Польская история (XV век)

«Поляки от начала своего происхождения были язычниками и во множество богов и богинь... верили и почитали их. Называли Юпитера на своем языке Иеша (Yesza). От этого величайшего из богов все временные блага, и все, как несчастные, так и счастливые случаи, как верили, получали, и ему больше, чем другим божествам, почести оказывались и более обильные жертвы приносились» (2. С. 375).

Итак, дракон — герой, дракон — глава пантеона, дракон-Громовержец, проще говоря, дракон-Перун.

Новгородская, украинская, болгарская легенды напрямую называют Перуна Змеем, а у поляков Бог-воин, Бог-Громовержец, глава пантеона носит имя, означающее Змей, Дракон.

Любопытно, что возразят на это те, кто захочет продолжать рассказывать о змееборце Перуне и змее как «одной из ипостасей Волоса»?

Какое сообщение источников они приведут?

Использованная литература

1. *Иванов И.* Культ Перуна у южных славян.

2. Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон. М.: Эксмо, 2003.

3. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: На ука. 1994.

4. *Шилов Ю.А.* Пути Ариев: Роман, документы, хроника. К.: Полиграфкнига, 1996.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Адам Бременский. История Гамбургской церкви//Гла-зырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996, С. 217.

Александрия//Сказания о чудесах. М.: Сов. Россия, 1990. С. 114.

Александрия.//Древняя русская литература. М.: Просвещение, 1988.

Афанасьев А. Н. Народные русские легенды//Звездо-чтец: Русская фантастика XVII века. М.: Сов. Россия, 1990.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975.

Былины. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. С. 512.

Былины. М.: Сов. Россия, 1988. С. 576.

Былины в двух томах. М.: Гос. Издат. Худож. лит., 1958.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI— XIII вв. М.: Изд-во МГУ, 1987.

Восточные авторы о русах и их военных предприятиях// Королев А. С. Загадки первых русских князей. М. : Вече, 2002.

Восточные авторы о славянах и русах IX в.//Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X. Кн. 2. М.: Мол. Гвардия, 1986.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984.

Генрих Латвийский. Хроники Аивонии. М.: А.: Изд-во АН СССР, 1938.

Гельмольд. Славянская хроника. М.: Наука, 1963.

Геродот. История. М.: Ладомир, 1993. С. 600.

Голубиная книга. М.: Московский рабочий, 1991.

Грамота царя Алексея Михайловича//Сказания русскаго народа, собранные И. П. Сахаровым. С. 388—390.

Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974.

Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М.: Сов. Рос-сия, 1982. С. 368.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1980. С. 320.

Из «Вертинских анналов»//Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X. Вып. 2. М.: Молодая Гвардия, 1986. С. 564.

Из «Датской истории» Саксона Грамматика.//Там же.

Из «Жития Георгия Амастридского».//Там же.

Из «Истории» Феофилакта Симокатты//Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 568.

Из рассказов о древнеисландском колдовстве и Сокрытом Народе.//Пер. с древнеисландского. М.: София, 2003. С. 176.

Из саги о Тидреке Бернском//Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1.

Из хроники «Продолжателя Регинона»//Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2.

Илья Муромец. М. —Л. Изд-во АН СССР, 1958.

Ирасек А. Старинные чешские сказания. М.: Дет. лит, 1991. С. 240.

Исландские саги; в 2 т. — Т. 1. СПб., Летний Сад, 1999.
Исторические песни. Баллады. М. : Современник, 1991.
Героическая песнь о походе на половцев удельнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: 1800. **С. 46.**
Калевала. М.: Худ. литература, 1977.
Калевипоег. Таллин, Эстгосиздат, 1950.
Книга отца нашего Коркута. Б., Язычы, 1989.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. С. 496.
Корни Иггдразиля. М.: ТЕРРА, 1997.
Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988.
Маврикий Стратег о славянах и антах/ / Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X. Кн. 1. М.: Мол. Гвардия, 1986. С. 566.
Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон. Эксмо, 2003. С. 432.
Младшая Эдда. М.: Ладомир, 1994. С. 256.
Молитвы и заклинания в круге жизни. Пермь: Стрелец, 1997.
Народная проза. М.: Сов. Россия, 1992.
Народные русские сказки. М.: Художественная литера-тура, 1976. С. 574.
Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
Новгородские былины. М.: Наука, 1978.
О истории, что в начале русской земли и создании Новгорода и откуда происходит род словенских князей //Велесова книга. М.: Эксмо, 2002.
Памятники литературы Древней Руси. Начало русской

литературы. XI — начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 413.
Памятники литературы Древней Руси XIII в. М.: Художественная литература, 1981.
Песни южных славян. М.: Художественная литература, 1976. С. 480.
Песнь о Нибелунгах. Л. Наука, 1972. С. 41—42.
Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Художественная литература, 1976. С. 19, 591.
Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. М.: Правда, 1987.
Повесть о разорении Рязанской земли Батыем в 1237 г. //Древняя русская литература. М.: Просвещение, 1988.
Поэзия скальдов. Л.: Наука, 1979. С. 184.
Пражский, Козьма. Чешская хроника. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
Путевые записки Эриха Лясотты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873.
Путешествие Ахмеда Ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. М.: Мифи-сервис, 1992.
Ригведа. Мандалы I—IV. М: Наука, 1989. С. 768.
Ригведа. Мандалы V—VIII. М.: Наука, 1995. С. 744.
Рамаяна. М.: Наука, 1965.
Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX—XVIII веков. М.: Художественная литература. 1990. С. 527.
Сатира XI—XVII веков. М.: Сов. Россия, 1986. С. 395.
777 заговоров и заклинаний русского народа. М.: Аокид-Миф, 1997. С. 543.

Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М.: Художественная литература, 1990.
Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М.: Сов. Россия, 1981. С. 288.
Снорри Стурлусон. Круг земной. М.: Ладомир, Наука, 1995. С. 15—16.
Сомадева. Океан сказаний, избранные повести и рассказы. М: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. С. 544.
Старинные диковинки: Т. 3. Кн. 1: Волшебно-богатырские повести VIII М.: Сов. Россия, 1991. С. 496.
Старшая Эдда. СПб.: Азбука, 2000. С. 464.
Три богатыря. Былины. М.: Художественная литература, 1977.
Литература:
А был ли Наполеон?//Наука и религия, 1993, № 1. С. 40—43.
Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. М: Индрик, 2000. С. 336.
Адмони В.Г. «Песнь о Нибелунгах» — ее истоки и художественная структура// Песнь о Нибелунгах. Л.: Наука, 1972. С. 313.
Азбелев С. Н. Предания о древнейших русских князьях по записям XI—XX вв.// Славянская традиция и современный мир. Вып. 1. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора. 1997. С. 9.
Архангельский А.С. Два слова о слове «были-на»//ИОРЯС. Т. III, Кн. 4. СПб., 1898.
Астахова А. М. Былины (итоги и проблемы изучения). М. —Л.: Наука, 1966.
Астахова А.М. Илья Муромец в русском эпосе// Илья Муромец. С. 408—409.
Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1—3. М.: Индрик, 1994.

Балашов Д.М. Из истории русского былинного эпо-са//Русский фольклор. XV. Л.: Наука, 1975.

Бейлис В.М. Аль Идриси (XII век) о Восточном Причерноморье и Юго-восточной окраине Русских земель.//Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М.: Наука, 1984. С. 218.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., Петербургское востоковедение, 1994. С. 46.

Буддизм. Словарь. М.: Республика, 1992, С. 96.

Буслаев Ф.И. Бытовые слои русского эпоса. М.: 1871, С. 246.

Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987.

Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. М.: «Восточная литература» РАН, 2000.

Васильков Я.В. К реконструкции ритуально-магических функций царя в архаической Индии.//Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. М.: Наука, 1972. С. 78—80.

Белецкая Н.Н. Новогодние русалии.//Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.

Белецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: София, 2003. С. 240.

Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты. Л.: Наука, 1979.

Веселовский А.Н. Былины о Волхе Всеславиче и поэмы об Ортните//Русский фольклор. Т. 27. СПб., Наука, 1993. С. 273—312.

Веселовский А.Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском)// ИОРЯС, Т. XI, Кн. 3-я, СПб., 1906. С. 1—129.

Веселовский СБ. Ономастикой. Словарь древнерусских имен, фамилий и прозвищ. М.: Наука, 1974.

Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский торговый путь// Советская археология, 1963, № 3. С. 126—135.

Вилинбахов В. Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы.//Скандинавский сборник, вып. VII, Таллин, Эстгосиздат, 1963. С. 333—346.

Вилинбахов В.Б. Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь»// «Советское славяноведение», 1980, №1. С. 79—84.

Вилинбахов В.В., Энговатов Н.Б. Где находится «Индия» русских былин?//Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Наука, 1965.

Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб., Алетейя, 2001.

Власова М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., Азбука, 1998.

Галъковский Н.М. Борьба христианства с остатками Язычества в древней Руси. М.: Индрик, 2000.

Воронин П.В. Транспорт и средства передвижения // История культуры Древней Руси. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951, Т. 2. С. 371.

Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000.

Гацак В.В. Устное эпическое творчество во времени. М.: 1989.

Гедеонов *С.А.* Варяги и Русь. СПб., 1876. С. 134.

Гильфердинг А.Ф. История Балтийских славян. М.: ВНИИОНЭГ, 1997.

Глазырина Г.В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге// Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М.: Наука, 1978.

Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о северной Руси. М.: Ладомир, 1996. С. 240.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. С. 624.

Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.: Наука, 1967.

Гюйонварх К. —Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. СПб., Культурная инициатива, 2001. С. 271.

Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., Литера, 1994.

Даль В.М. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. I. М.: Русский язык, 1998.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI—XII ВВ.) Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998.

Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994.

Джаксон Т.Н. AUSTR I GORDUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Дмитриева СИ. Географическое распространение былин. М.: Наука, 1975.

Дмитриева СИ. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988.

Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI—XIII веков. Ижевск, Удмуртский университет, 1999.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Логос, 1999.

Ермаков С.Э. Тропою забытого волшебства: Очерки о геомантике. М.: Издательство К. Кравчука, 2005.

Жарникова СВ. Золотая нить. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003.

Иванов В.В, Топоров В.Н. Навь. // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: Сов. Энциклопедия, 1992, Т. 2. С. 195.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. С. 41.в

Иванов И. Культ Перуна у южных славян. М.: Ладога -100, 2005.

Иванова Т.Г. «Малые» очаги севернорусской эпической традиции. Исследование и тексты. СПб., «Дмитрий Буланин», 2001. С. 456.

Из статьи Д.К. Зеленина «О происхождении севернове-ликорусов Великого Новгорода»//Славяне и Русь: проблемы и идеи. С. 320—322.

Из статьи Н.И. Коробки «Сказания об урочищах Ов-ручского уезда и былины о Вольге Святославиче»//Королев А. С. Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002. С. 458—473.

Из статьи Н.С. Трухачева «Попытка локализации прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв.»// Славяне и Русь: проблемы и идеи.

Иловайский Д.И. Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо.//Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М.: Чарли, 1997.

Иловайский Д.И. Начало Руси. М.: Чарли, 1996. С. 496.

Митр. Иоанн Санкт-Петербургский и Ладожский. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб. Царское дело, 2001. С. 37—46.

История боевых искусств. Россия и ее соседи. М. Олимп. АСТ, 1997.

Караванов И. Смерть после смерти//Наука и религия, 1991, № 7. С. 38—39.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. С. 384.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Рипол Пресс, 1998.

Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Карпов А.Ю. Владимир Святой. М.: Мол. Гвардия, 1997. С. 446.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени)// Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986.

Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. СПб.: Евразия, 2005.

Клейненберг Н.Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской летописи.// Летописи и хроники. 1973. Сборник статей. Посвящается памяти А. Н. Насонова. М.: Наука, 1974.

Кожинов В.В. История Руси и русского слова. М.: Экс-мо-пресс, 2001. С. 133.

Козловский СВ. Хвастовство в социальной практике Древней Руси IX—ХШ вв.//Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб. - Ижевск, Изд-во УдГУ, 2001.

Колчин Б.А. Гусли древнего Новгорода//Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.

Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, Изд-во ВКУ. 1967.

Васильев К. Художник по зову сердца. М.: Русский вестник, 1996.

Констэбл Дж. Неандертальцы. М.: Мир, 1978.

Коринфский А.А. Народная Русь. Смоленск: Русич, 1993.С. 244.

Косвен М.О. Амазонки: история легенды//Советская этнография, № 2, 1947.

Косидовский З. Библейские сказания. Сказания евангелистов. М.: Политиздат, 1990.

Костомаров Н.И. История раскола у раскольников//Костомаров Н.И. Раскол. М.: Чарли, 1994. С. 608.

Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во время удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли, 1994.С. 544.

Котляревский А.А. Погребальные обряды Языческих славян. СПб., 1868.

Котляревский А.А. Сочинения. Т II. СПб., 1889. С. 295—296.

Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л.: Наука, 1988.

Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: академический проект, Гаудеамус, 2004.

Кузнецов А.В. Болванцы на Лысой горе (Очерки Языческой топонимики). Вологда, Ардвисура, 1999.

Кузьмин А.Г. Истоки культовых особенностей западнославянских Языческих храмов// Вопросы истории, 1980, № 4. С. 82—84.

Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов //Вопросы истории, № 11. С. 54—83.

Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих//Дорогами тысячелетий. М.: Мол. Гвардия, 1987. С. 126.

Кузьмин А.Г. Руги и русы на Дунае//Славяне и Русь: проблемы и идеи.

Кузьмин А.Г. Начало Руси. М: Вече, 2003. С. 275.

Лери Ф. Друиды. СПб.: Евразия, 2000. С. 288.

Липец Р.С Эпос и древняя Русь. М.: Наука, 1969. С. 17—18.

Липец Р.С, Рабинович М.Г. К вопросу о времени сложения былин (вооружение богатырей)//Советская этнография, 1960, № 4. С. 30—43.

Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 2001. С. 292.

Лихачев Д.С. «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах//Славяне и Русь. М: Наука, 1968.

Лихачев Д.С. Народное поэтическое творчество времени расцвета русского раннефеодального государства (X—XI)// Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

Мавродин В.В. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, Крымиздат, 1955.

Майков Л.Н. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863.

Максимов СВ. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, Русич, 1995.

Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. I. М.: 1897.

Милл^, В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. III. М., 1924.

Миллер О.Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869

Михайлов А.Д. Книга Гальфрида Монмутского и ее судьба//Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. С. 218—219.

Михайлов А.Д. «Смерть Артура» сэра Томаса Мэло-ри// Мэлори Т. Смерть Артура. Т. I М.: Хдожест-венная литература, 1991. С. И.

Мороз Е.Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции древней Руси//Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1977.

Морозов И.А. Отрок и сиротинушка (возрастные обряды в контексте сюжета «о похищенных детях»)/ /Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М.: Лабиринт, 2001.

Наговицын А.Е. Мифология и религия этрусков. М.: Рефл-бук, 2000. 480 с.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001.

Назаренко А.В. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XIV): Бавария — Австрия. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М.: Наука, 1984.

Назаренко А.В. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX— первая половина XII в. М.—Л.: Наука, 1989. С. 140—144.

Назаренко А.В. Об имени «Русь» в немецких средневековых источниках//Вопросы языкознания, 1980, № 5 .

- *Назаренко А.В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии//Восточная Европа в древности и средневе-ковье. М.: Наука, 1978. С. 302—306.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному//Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968.

Неусыхин А.И. Дофеодальный период как стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего Средневековья).// Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.: Наука, 1968.

Нидерле Л. Славянские древности. М.: Алетейа, 2000.

Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука.

Новиков Ю.А. Точку ставить рано... О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции.// Фольклор. Проблемы историзма. М.: Высшая школа, 1988.

Носков О.Н. Падение небес//Ориентация. Новосибирск, 1993. С. 39—49.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М.: Высшая школа, 1982. С. 190—191.

Панченко А.А. Народное православие. СПб., Алетейя, 1998. С. 55.

Плетнева С.А. «Амазонки» как социально-политическое явление//Культура славян и Русь. М.: Наука, 1999.

Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Книга первая. М.—Л.: Госиздат, 1925. С. 364.

Плисецкий М.М. Взаимосвязь русского и украинского героического эпоса. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М.: Высшая школа, 1962.

Пеннинк Н., Джонс П. История Языческой Европы. СПб.: Евразия, **2000.** С. **290.**

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск, Русич, М.: Гнозис, **1995.**

Потебня А.А. О происхождении названий некоторых славянских Языческих божеств//Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, **1989.**

Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 480.

Прозоров Л.Р. Еще раз о начале Руси: по поводу монографии В. Я. Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков»//Государство и общество, 1999, № 3-4.

Прозоров Л.Р. «Мужики» в былинах киевского цикла: историческая реальность фольклорного термина/ /Шестая российская университетско-академиче-ская научно-практическая конференция: материалы докладов. Ижевск. Изд-во УдГУ. 2003. С. 64—65.

Прозоров Л.Р. Мятежи волхвов в Верхнем Поволжье XI в.: индоевропейские параллели//Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. Ижевск, Изд-во ИЭ и У УдГУ, 2002. С. 400.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. М.: Лабиринт, 2000. С. 192.

Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988.

Путилов Б.Н. Об историзме русских былин.//Русский фольклор. М. —Л.: 1966, т. 10.

Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л.: Наука, 1960.

Путилов Б.Н. Экскурсы в историю и теорию славянского эпоса. СПб., Петербургское востоковедение, 1999.

Рабинович М.Г. Свадьба в русском городе в XVI в.//

Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978. С. 14.

Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах//Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 126.

Рёсдаль Э. Язычество, христианство и международные связи//Славяне и скандинавы. С. 134.

Рис Алвин, Рис Бринли. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М.: Энигма, 1999. С. 148—149, 166—170.

Русские святые, подвижники благочестия и агиографы. М.: Русский мир, 1992.

Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: 1880.

Русское народное поэтическое творчество. М.: Высшая школа, 1986.

Рыбаков Б.А. Древности Чернигова// Материалы и исследования по археологии. М.—А.: Изд-во АН СССР, 1949, Т.Н. С. 52—53.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII— XIII вв. М: Наука, 1993.

Рыбаков Б.А. Предпосылки образования древнерусского государства// Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IX вв. М.: Изд-во АН СССР 1958.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: София, 2001.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: София, 2001.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М.: Фонд археологии, 1993. С. 93.

Савельев Е.П. Казаки. История. Владикавказ: Спас, 1991. С. 444.

Самоквасов Д. Я. Могильные древности северянской Черниговщины. М.: 1917.

Самоквасов Д.Я. Раскопки северянских курганов. М.: 1916;

Седов В.В. Древнерусское Языческое святилище в Перыни//Краткие сообщения института материальной культуры. М.: 1953, вып. 50. С. 103.

Седое В.В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994.

Седое В.В. Славяне в раннем Средневековье. М.: Фонд археологии, 1995.

Седое В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Сериков Ю.Б. «Культ голов» в каменном веке Урала// Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2002.

Серяков М.Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М.: Алетейя, 2001. С. 664.

Серяков М.Л. Сварог. М.: Яуза, Эксмо. 2004.

Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924.

Скуратов *Л.* Загадка мегалитов.// Национальная демократия. № 1, 1994.

Славяне и Русь: проблемы и идеи. М.: Флинта, Наука, 1999.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995.

Смирнов А.П. Волжские болгары.//Очерки истории СССР. III—IX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Соколов Б.М. Исторические элементы в былине о Даниле Ловчанине // Русский филологический вестник, 1910, Т. XIV.

Соколов Б.Ю. Непра-река в русском эпосе// ИОРЯС, Т. XVII, Кн. 3, 1912.

Соколов Ю.М. Русский былинный эпос.//Литературный критик, 1937, № 9.

Соколов Б.М. Русский фольклор. Вып. 1. М.: 1929.

Сперанский М.Н. Русская устная словесность. М.: 1917,

Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1991

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.

Татищев В.Н. История Российская. М.—Л.: Изд-во АН СССР. 1962, т. I.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М.: Астрель, АСТ. 2000.

Тимофеев В.П. А все-таки «Людота ковалъ»! (Названия Днепровских порогов — возвращаясь к старой проблеме) //Сборник Русского исторического общества. Том 1 (149). М.: Русская панорама, 1999.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.

Топоров В.Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам//Этимология 1972. М.: Наука, 1974. С. 13.

Топоров В.Н. Пространство и текст//Исследования по структуре текста. М.: Изд-во МГУ, 1987.

Трубицын Н.Н. Несколько мыслей об итогах изучения русского эпоса//Русский филологический вестник, 1915, № 1.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты Язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 248.

Ухов П. Д. К истории термина «былина»//Вестник Московского университета, 1953, № 4.

Фамигщын А.С. Божества древних славян. СПб, Але-тейя, 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1964. С. 258.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967. С. 104.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.Ш. М.: Прогресс, 1971.

Федотов Г. Святые князья//История, 1997, № 6.

С. 165. *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага: Артия, 1961.

Фиркс И. Фон. Суда викингов. Л.: Судостроение, 1981.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.

Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск: Удмуртский университет, 2003. С. 92.

Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СпбГУ, 1996 С. 431.

Фроянов И.Я., Юдин Ю. *И.* Былинная история. СПб.: Изд-во СпбГУ, 1997.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь М.: Политиздат, 1984. С. 164—172.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1989.

Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне//Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986.

Херрман И. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона//Славяне и скандинавы. С. 90.

Хлевов А.А. Предвестники викингов. СПб.: Евразия, 2002. С. 336.

Хомяков А.С О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 462.

Хомяков А.С. Семирамида. История рода человеческого и славянского//История, 1997, № 3. С. 32.

Цапенко И.П. Питания розвитиу геро1чного епосу схщ-них слов...ян. К. 1959.

Цветков СВ. Кельты и славяне. Спб.: «БЛИЦ», 2005.

Цветков С.Э. Русская история: Книга первая. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 622.

Цветков С.Э. Русская история: Книга первая. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Честертон Г.К. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991.

Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М.: Мысль, 1988.

Шаповалов Г.И. Корабли веры. Запорожье: Дикое Поле, 1997.

Шахнович М.И. Человек восстает против бога. Л.: Детская литература, 1980. С. 63.

Шилов Ю.А. Прародина ариев: история, обряды и мифы. Киев: Синто, 1993.

Ширинский С.С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии//Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 203—206.

Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. С. 352.

Шкунаев СВ. «Похищение» и предания об ирландских

героях// Похищение быка из Куальнге. М.: Наука,
1985. С. 403—404 *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ,
1994. С. 144.
Энциклопедия тантры. М.: Локид-Миф, 1999. С. 232. *Янин В.Л.* Новгородские берестяные грамоты//Древняя
Русь. Быт и культура. М., Наука, 1997.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

/. *Боги и духи.*

Айеке-Тиермес — Громовник в мифологии саамов.

Ангра Майнью — дух Зла в зороастризме.

Аполлон — греческое (впоследствии — и римское) Божество солнечного света, врачевания, пророчеств и поэзии.

«Аполлон» галльский — название, данное одному из пяти верховных Богов Галлии Юлием Цезарем. Целитель.

Астарта — малоазиатская Богиня плодородия. Почиталась в Римской империи.

Атон — божество солнечного диска, которым фараон-еретик Эхнатон пытался подменить все многообразие культов Древнего Египта.

Ахура Мазда — Единый Бог в зороастризме.

Беллона — римская Богиня войны.

Брахма — в индуизме Бог-созидатель, наряду с Хранителем-Вишну и Разрушителем-Шивой составляющий индуистскую «троицу» - Тримурти.

Варуна — в Ведах — Божество космических вод, связан с клятвой и справедливостью.

Велес, Волос — Бог волхвов, зверей, загробного мира, почитался наравне с Перуном.

Веретрагна — в иранской мифологии Бог войны и победы. Имя буквально обозначает «Убийца Вритры» (древнеиндийское Вритрахан), т.е. Индра.

Верпея — литовская Богиня, прядущая судьбу.

Вилы — стихийные Божества древних славян, нечто вроде летающих русалок, посылали дождь, изображались как птицы с девичьими лицами.

Вираджас — по одному из индуистских преданий, первый царь, сын Вишну-Упендры.

Вишну (Нараяна, Упендра) — Бог-Хранитель позднего индуизма, заместивший на этой «должности» Индру-Громовержца.

Ганеша — доброе Божество с слоновьей головой на пухлом теле младенца. Податель житейской мудрости, семейного счастья, материального благополучия и, соответственно, один из самых популярных Богов в Индии и за ее пределами.

Геката — Богиня мрака, ночных видений и чародейства в Древней Греции.

Гелиос — титан, Божество Солнца, предшествовавший в этом качестве олимпийцу Аполлону.

Герман — Божество (?) плодородия у южных славян. См. Ярило.

Гиперион — титан, сын Геи-Земли и Урана-Неба, отец Гелиоса-Солнца, Селены-Луны и Эос-Зари.

Даждьбог — Солнечный Бог, сын Сварога. См. также Хоре.

Дионис — умирающее *И* воскресающее Божество плодородия у древних эллинов. Сын Зевса.

Дэви (Кали, Дурга, Парвати) — супруга-шакти Шивы. Божество Природы. Единственное женское Божество в Пятерке-Панчадэватте.

Зевс — верховный Бог эллинов. Громовержец.

«Илья-Пророк» — заместитель Перуна в русском народном православии.

Индра — в ведической религии — Громовержец. Царь Богов.

Исида — сестра и супруга Осириса в мифологии египтян. Богиня плодородия.

Кибела — малоазиатская Богиня плодородия. Почиталась также в Римской империи.

Кришна — аватара-воплощение Вишну.

Лада — Богиня семейной и космической гармонии, лада, мать Лели.

Леля — Богиня девичества, любви.

Локи — злой насмешник и смутьян скандинавского мира Богов — Асгарда.

Ману — мудрец, законодатель, спасший людей и животных во время потопа.

Марс — Бог войны у римлян.

«Марс» — галльское Божество, отождествленное с римским Богом войны Юлием Цезарем.

Маруты — семь братьев-ветров (ср. русскую поговорку «на семи ветрах»), сыновья Рудры и спутники Инд-ры.

Меркурий — римский Бог торговли и выгоды. В качестве такового отождествлен с греческим Гермесом, а на юге Галлии — с Езусом. Приобретенные свойства Гермеса, имевшего, кроме торговых, функции тайно-видца и проводника душ в загробном мире, сделали его аналогом германского Вотана.

«Меркурий», Езус — галльское Божество, отождествленное с римским Богом Юлием Цезарем. Самое почитаемое галлами Божество, покровитель ремесленников и торговцев.

«Минерва» (Бригитта, Бригантия) — галльская Богиня, отождествленная Юлием Цезарем с римской Богиней,

единственное упоминаемое им у галлов женское Божество.

Мокошь (Макошь и т.д.) — единственное женское Божество в капище 980 года. Пряха судеб.

Несреча — у южных славян Богиня несчастья, неудачи, прядущая нить злой судьбы.

Один — Бог мертвых, волков, покровитель одержимых воинов-берсерков и скальдов у скандинавов. У германцев — Вотан или Водан.

Осирис — умирающее и воскресающее Божество древних египтян. Судья мертвых.

Пергрубий — Божество плодородия у литовцев и пруссов.

Переплут — Божество плодородия в Древней Руси, см. Семарьгл, Ярило.

Перкуна, Перкунас — Бог-Громовержец литовцев и пруссов.

Перун — верховный Бог-Громовержец славян и русов.

Пиркуши — Грузинское божество огня и железа, покровитель кузнецов.

Пиръо (Пиръон-падчах), лег. — Перун в чеченских легендах.

Потримпс — Бог плодородия у литовцев и пруссов (возможно, Пергрубий — другое имя этого же Божества). Представлялся, наподобие славянского Ярилы, в виде юноши в белом одеянии с зеленым венком на голове.

Пуруша — в индуистской мифологии — первочеловек и одновременно — воплощение верховного Божества, приносящего себя руками младших Богов в жертву ради существования мира.

Радагаст, Радегаст и пр. — он же Сварожич. Почитался в городе-святилище Ретре-Радигощи в земле велет-

ского (лютичского) племени ретарей. Изображался как воин в доспехах с птицей на шлеме и бычьей головой на щите. Некоторые более поздние источники приписывают его изображению обоюдоострую секиру. Почитался также ободритами, чехами и другими славянскими народами.

Риг — Хеймдаль, страж-привратник Асгарда. Во время земных странствий зачал предков-эпонимов трех сословий скандинавского общества: Трэля (рабы), Карла (свободные) и Ярла (знать).

Род — Бог Богов русов. Воплощал судьбу и жизнетво-рящее начало.

Рожаницы — Богини судьбы у русов и славян.

Рудра — Бог бурь в ведической мифологии. Отец вет-ров-марутов. Лучник.

Руевит — кумир воинственного Божества в Коренице на Рюгене (Руяне, Русе, Буяне). Изображался с семью лицами под одной шапкой, имея семь мечей на поясе и восьмой — в руке.

Сварог — Бог огня, кузнечного дела и неба у славян. Возможно, соответствует русскому Перуну.

Сварожич — сын Сварога. Сварожичем называли Даждьбога, Огонь и Радагаста.

Святовит (Свентовит и пр.) — четырехликий кумир Бога Богов в крепости Аркона (Рюген).

Села, лег. — громовержец в мифологии вайнахов.

«Семаръгл» — самое загадочное Божество киевского святилища 980 года. См. также Ярило.

Симург — волшебная птица персидских сказаний.

Среча — южнославянская Богиня, прядущая удачу, хорошую судьбу.

Стрибог — Бог бури и войны русов.

Сурья — солнечный Бог у индуистов.

Тор — скандинавский Бог-Громовержец. У германцев Доннар, англосаксонский Тунор.

Триглав — трехликий кумир поморян, с глазами, спрятанными под «золотой повязкой». Ему принадлежал черный конь, с помощью которого гадали об удаче военных предприятий. Возможно, ему соответствует Троян у южных славян и южной части восточного славянства.

Фрейр (Фрикко) — божество мира, плодородия, богатства у скандинавов. Муж и брат Фрейи.

Фрейя — Богиня любви и красоты у скандинавов. Сестра и возлюбленная Фрейра.

Фригг — Богиня судьбы у скандинавов. Супруга Одина. Возможно, ее образ выделился из одного прообраза с Фрейей — у континентальных германцев супругу Одина-Вотана зовут Фрией, а скандинавская Фрейя отбирает павших для Одина и имеет прозвище Валькирии. Имя Фригг можно читать как фру Игг, женщина Игга (Одина), иначе выражаясь, «Баба Игга».

Хоре — Солнечный Бог русов, см. также Даждьбог. Имя считается скифо-сарматским по происхождению.

Шива — Божество-Разрушитель, третий в Тримурти. Имеет два аспекта — проявленный (Рудру) и не-проявленный (собственно Шиву).

Чернобог — гневное Божество балтийских славян, почитаемое ими здравицами над идущим по кругу ковшом, вкупе с добрым Божеством (Белобогом).

Черноглав — «Бог побед», почитавшийся на Рюгене, согласно скандинавской «Книтлинга-саге». Упоминаются серебряные усы его идола.

Юпитер — Бог-Громовержец римской мифологии. Ассоциировался с эллинским Зевсом.

«Юпитер»—Таранис — галльское Божество Грома, ас-

социировавшееся у Юлия Цезаря с римским Юпитером. Почитался как «владыка небес». Его символы — молнии, колесо с шестью спицами, молот.

Ярило (Ярила, Ярыла) — умирающий и возрождающийся Бог плодородия у русских, белоруссов, сербов.

Яровит — Бог плодородия и растительной силы у поморян. См. также Ярило.

2. Люди — авторы, исторические и эпические деятели.

Авраамий Ростовский (XII в.) — монах, разрушивший в Ростове кумир Велеса.

Авраамий Смоленский (XIII в.) — монах, отличался праведной жизнью. Его недоброжелатели, требуя отлучить Авраамия от церкви, ссылались на его знакомство с «Голубиной книгой».

Адам Бременский (ум. 1075 г.) — северогерманский хронист.

Адриан (ум. в 138 г.) — римский император с 117 года. Просвещенный правитель.

Аксаков К.С. (1817—1859 г.) — русский публицист, историк, писатель-прозаик и поэт, видный славянофил.

Александр Македонский (356—323 до н.х.л.) — крупнейший полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии, завоеватель Эллады, Египта и Персии, создатель недолговечной Македонской державы от Дуная до Инда. Герой популярного с поздней античности и средневековье романа «Александрия».

Александр Ярославич (Невский) (1220—1263 г.). Одержал победу над шведскими пиратами на Неве и — совместно с братом Андреем — Тевтонскими рыцарями на Чудском озере. Впоследствии донес в

Орду о готовящемся его братьями Андреем и Ярославом восстании против татар, принял участие в командовании карательными войсками, став виновником гибели семьи Ярослава и смерти Андрея на чужбине. Насильно принудил новгородцев к уплате дани татарам. Отравлен татарами из соперничавшей партии в Орде.

Алексеев А.И. — современный российский историк.

Алексей Михайлович Романов (1629—1676 г.) — русский царь, сын основателя династии Романовых Михаила Федоровича. Укреплял Русскую державу. Начал без ломки костей и пляски на гробах все реформы, которые ныне приписывают его сумасшедшему сыну Петру.

Алеша Попович, был. — младший (по возрасту) из «первой тройки» киевских богатырей. Победитель колдуна Тугарина Змеевича.

Аль Масуди (ум. в 957 г.) — арабский писатель и путешественник.

Андрей Юрьевич Боголюбский (1111—1174 г.), сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны. Половецкое имя — Катай. Убит родичами и приближенными.

Андрей Ярославич — владимирский князь, командовавший вместе с братом Александром русским войском на Чудском озере, предводитель восстания против ордынцев. Проиграв из-за измены старшего брата, погиб в изгнании.

Аничков Е.В. (1866—1937) — российский литературовед. Приват-доцент по истории западной литературы, лектор английского языка Киевского университета. Преподавал на женских курсах в Петербурге, профессор Петербургского Психоневрологического института. Неоднократно эмигрировал за границу. Марксист.

Подхватил марксизм с Запада или от учениц-курсисток в Питере, мне неизвестно.

Апракса королевична, был. — супруга Владимира все Славьича, Красного Солнышка.

Артур (V в.), лег. — легендарный король бриттов, победитель англосаксов, посмертно ставший символом англосаксонской цивилизации.

Аскольд, Оскольд (ум. 882 г.) — один из братьев-князей, правивших в Киеве. Крестился в Константинополе. Казнен Вещим Олегом.

Аттила, Бич Божий (ум. 453 г.) — вождь гуннов. При нем племенной союз гуннов достиг наивысшего могущества. После его смерти распался.

Афанасьев А.Н. (1826—1871 г.) — русский историк, фольклорист.

Ашока — правитель династии Маурья в Индии 273— 232 до н.х.л. подчинил своей власти почти всю Индию. Принял буддизм.

Болле Боллесон (XI в.) — первый из норманнов вступил в варяжскую дружину константинопольского императора (1020 г.).

Болсуновский К.В. — русский и украинский историк, археолог.

Борис (ум. 1015) — князь, сын Владимира Святославича. Провозглашен святым.

Боровский Я.С. — украинский советский археолог.

Боян — певец, сказитель, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». Назван «Велесовым внуком», его «творческая методика» напоминает шаманские странствования по трем мирам (в виде орла, волка, «мыси»-белки) по Мировому («мысленну») древу. Возможно, одно лицо с Бояном Симеоновичем (X век), болгарским царевичем, поэтом, ставшим волхвом.

Брюкнер А. (29.1.1856—24.5.1939) — польский филолог славист.

Бус (Бос, Баксан) (ум. 375 г.) — антский князь. Захвачен в плен и зверски убит конунгом готов Винитаром.

Буслаев Ф.И. (1818—1897) — русский филолог, искусствовед, исследователь «мифологической школы» мировой величины.

Василий Буслаев, был. — новгородский удалец.

Василиса Микулична, был. — женщина-богатырка (по-ляница).

Васильев М.А. — современный российский историк.

Видукинд Корвейский (925—973) — средневековый саксонский хронист, описывал покорение саксами балтийских славян.

Винитар (ум. 375 г.) — готский конунг из рода Амалов. Зверски убил взятого им в плен антского князя Буса вместе с сыновьями и старейшинами.

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125 г.) — великий князь киевский. Законодатель, политик, дипломат и полководец.

Владимир все (или «свет») Славьевич, Красное Солнышко, был. — былинный правитель Киева на Дунае, потомок прародителя-эпонима славян, Слава или Сла-вена. Фигурирует в новгородской Иоакимовской летописи и «Тидрек-саге». Кроме имени, ничего общего с Крестителем Руси не имеет.

Владимир Святославич Креститель (ум. 1015 г.) — сын великого князя Святослава от хазарской рабыни Малки. Узурпатор престола, убийца брата по отцу, законного наследника, Ярополка Святославича. Вероотступник.

Владимир Хросате (IX в.) — болгарский князь, сын крестителя Болгарии Бориса. Попытался восстановить

в стране почитание Родных Богов, за что был ослеплен собственным отцом.

Володислав (XII в.) — боярин из Галича Волынского, попытавшийся объявить себя князем. Обратился за помощью к венграм, что его не спасло.

Волх все Славьич (Вольга свет Славьич) был., лег. — сын Слава (Славена), предка-эпонима славян. Оборотень и чародей, захвативший «Индейское» царство, эпоним реки Волхов, и, возможно, сословия волхвов

Всеслав Брячиславич Полоцкий (ум. 14.4.1101) — князь Полоцкий, в летописи ему приписывается склонность к чародейству и волхвованию, в «Слове о полку Иго-реве» описан как оборотень, способный в ночи в виде волка, «лютого зверя» или окутавшийсь облаком «синей мглы», преодолевать огромные расстояния. В 1066 году схвачен, вопреки крестоцелованию, своими двоюродными дядьями-Ярославичами и брошен в поруб, освобожден народным восстанием 1068 года, возглавил оборону Киева против половцев.

Вундерер И. (XVI в.) — немецкий путешественник в странах Прибалтики и Русском Северо-Западе.

Гагануморе (XIX в.) — вождь на одном из островов Тихого океана.

Гальковский Н.М. — русский историк, этнограф.

Гвиневера, лег. — супруга короля Артура.

Гедеонов С.А. (1815—1878 г.) — русский историк, автор фундаментального труда «Варяги и Русь».

Гельмольд (1110—1177 г.) — германский хронист.

Гербенштейн Сигизмунд (1486—1566) — австрийский дипломат и путешественник, украинец по происхождению, приезжавший в 1517 и 1526 годах в Русское государство. Оставил записки о России с картами и зарисовками.

Гердер И.Г. (1744—1803) — немецкий мыслитель-ис-ториософ и теоретик литературы, деятель Просвещения.

Гермутруда (VIII в.) — королева пиктов.

Геродот (V в. до н.х.л.) — древнегреческий автор, «отец истории».

Гизель, Иоаким — автор «Сказания об идолех Владимировых», принявший православие прусский выходец.

Гильфердинг А.Ф. (1831 —1872) — русский фольклорист, собиратель былинного эпоса и историк-славист. Автор бесценного, но, увы, почти не переиздававшегося труда «История балтийских славян» (1855).

Глеб (ум. 1015 г.) — князь, сын Владимира Святославича. Провозглашен святым.

Глеб Святославич (ум. 1078 г.) — князь новогородский, сын Святослава Ярославича.

Гомер — легендарный древнегреческий певец, где-то между XII и VIII веками до н.х.л. Создатель великих эпических поэм «Иллиады» и «Одиссеи».

Городецкий СМ. (17.1.1884—8.6.1967) — русский поэт, автор великолепных, но, увы, малоизвестных стихов. Все эти стихи, в особенности же сборник «Ярь», автор настоятельно рекомендует читателю.

Горький А.М. (1868—1936) — советский писатель, основоположник «соцреализма» в литературе.

Гумилев Л.Н. — историк.

Гуревич А.Я. — советский историк, медиевист.

Дабрента (Добрыня?) (VI в.) — вождь славян.

Давид — царь иудейский. Первым применил «обжигательные печи» для уничтожения пленных (2-я Царств 12:31) — за несколько тысяч лет до Освенцима.

Даль В.И. (1801—1872) — русский писатель, этнограф и языковед, создатель четырехтомного «Толкового

словаря живого великорусского языка» (1863—66) и сборника «Пословицы русского народа» (1862, ок 30 тысяч пословиц).

Данила Аовчанин, был. — богатырь, иногда — князь, муж Василисы Микулишны, которую захотел сделать своей женой Владимир Красное Солнце. Справившись с княжьей ратью и увидев едущих на него братьев (родного и названого), Данила, не желая ни сам становиться братоубийцей, ни превращать в таковых братьев, бросается на копье.

Данилевский И.Н. — современный российский историк.

Диоклетиан — римский император 284—305 г., укреплял Римское государство, проводил гонения на христиан.

Дир (ум. 882 г.) — один из братьев-князей, правивших в Киеве.

Дйармайд, лег. — великий король Ирландии.

Днепра королевична, был. — женщина-богатырка (поля-ница).

Добрыня Малкович (X в.) — вуй (дядька по матери) Владимира Крестителя. Брат рабыни-хазарки Малки. Возглавлял кровавое крещение Новгорода. Кроме имени с былинным богатырем не имеет ничего общего.

Добрыня Никитич, был. — один из трех главных богатырей киевской дружины, победитель «Змеихи Горы-нинской».

Дорофейко (ум. 1690 г.) — «волхв» (знахарь), нанятый князем Безобразовым для возвращения расположения молодого Петра. Сожжен. Его работодатели казнены.

Дунай, был. — богатырь, муж и убийца Днепры короле-вичны. Покончил с собой.

Дюк Степанович, был. — боярский или гостиный сын

«из Индеи Богатыя», из города «Далича». Идеальный племенной вождь, богач и щеголь.

Еким, был. — паробок Алеши Поповича.

Забелин И.Е. (1820—1909 г.) — русский историк и археолог. Автор «Истории жизни русского народа с древнейших времен».

Иаков Мних (XI в.) — русский церковный писатель.

Ибн Мискавейх (ум. в 1030 г.) — персидский писатель, библиотекарь, секретарь и казначей иранских правителей из династии Бундов.

Ибн Русте (X в.) — арабский географ.

Ибн Фадлан (X в.) — арабский писатель и путешественник, посол от халифа Багдадского к правителю волжских булгар.

Ибрагим ат Тартуши (X в.) — арабский путешественник.

Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь Московский и всея Руси.

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) великий князь Московский и первый русский царь (с 1547). Разгромил Казанское и Астраханское ханства, но в Аивонской войне потерпел поражение. Организовал опричный террор.

Иванов В.В. — русский советский лингвист.

Игорь Рюрикович (Сын Сокола) Старый (ум. 945 г.) — великий князь киевский. Победитель древлян, уличей, печенегов, греков.

Игорь Святославич (1150—1202 г.) — князь новгород-северский с 1178, черниговский с 1199 г. Потомок Олега Святославича, организатор неудачного похода на половцев в 1185 г. Главный герой «Слова о полку Игореве».

Иларион (XI в.) — первый русский митрополит. Писа-

тель, автор «Похвалы кагану нашему Владимиру», «Слова о законе и благодати» и др.

Илья Муромец, был. — главный богатырь русских былин. Победитель оборотня Соловья, «татар» царя Калина.

Иоанн (ум. 983) — юноша-варяг, христианин, сын Фео-дора. По непонятным причинам принял участие в жеребьевке на выбор жертв Перуну, пытался искать укрытия на дворе отца. Был убит разъяренными киевлянами.

Иоанн Цимисхий (925—976) — византийский император, армянин по происхождению.

Иордан Готский (VI в.) — готский историк.

Кайсаров А.С. (1782—1813) — русский историк, писатель, исследователь славянской мифологии.

Карамзин Н.М. (1776—1826 г.) — русский сентиментальный писатель, автор «Истории государства Российского».

Карп Стригольник (ум. 1375) — по одним данным — мирянин, по другим — диакон, руководитель влиятельного кружка колдунов-«стригольников». Вместе со своими сподвижниками утоплен в Волхове.

Киплинг Редьярд (1865—1936 г.) — британский поэт и писатель.

Кирилл-Константин (827—869 г.) — греческий проповедник, «просветитель» славянства, переводчик Библии и богослужебной литературы на славянский язык. Изобретатель «славянской письменности» — глаголицы. К т.н. «кириллице» не имеет никакого отношения.

Клейн Л.С. — современный российский археолог, историк.

Кожинов В.В. — русский историк, литературовед, публицист.

Козьма Пражский (1045—1135 г.) — чешский хронист.

Коломан (XII век) — венгерский король.

Константин Великий (ум. в 337. г.) — римский император с 306 г., основатель Константинополя (330 г.), первый император Восточно-Римской империи, сделавший христианство государственной религией.

Константин VII Рожденный в Пурпуре (Порфирогенит, Багрянородный) (905—959 г.) — император Восточной Римской Империи (945—959). Более известен своими трактатами, из которых до нас дошло два — «О дворцовых церемониях» и «Об управлении империей». Отравлен сыном и снохой.

Конхобар, лег. — верховный король Ирландии.

Кормак мак Арт, лег. — идеальный правитель из ирландских преданий.

Корш Ф.Е. (1843—1915) — российский филолог, академик Петербургской академии наук.

Костомаров Н.И. (1817—1885) украинский и русский историк, этнограф, публицист, писатель, критик, переводчик.

Кузьмин А. Г. — русский историк, патриот.

Кухулин, лег. — главный герой богатырского ирландского эпоса.

Лев Диакон (950—1012 г.) — византийский хронист, автор единственного в византийской историографии подробного описания обычаев, обрядов, вооружения, воинской тактики и внешнего вида русов.

Левшин Василий Алексеевич — писатель XVIII века, «дедушка русского фэнтези», использовавший в творчестве былины. Его сочинения вдохновили А.С. Пушкина на поэму «Руслан и Людмила».

Лешко Попелюш, лег. — польский герой языческих вре-

мен, хитростью победивший врага-змеевича. См. Алеша Попович.

Ловмяньский Хенрик — польский исследователь.

Ломоносов М.В. (1711 —1765 г.) — великий русский ученый-энциклопедист. Историк, грамматик, химик, физик.

Лурье Соломон — российский еврейский ученый нач. XX века.

Лютовер (Илитвер) (VIII в.?) — вождь «савир» — северян. Крестился, в расчете на помощь православного кесаря и нового бога в борьбе с хазарами, но потерпел сокрушительное поражение.

Мал, Нискинин сын (X в.) — правитель Деревской земли.

Малка (X в.) — рабыня-хазарка. Ключница и милост-ница (любимица) княгини Ольги, мать Владимира Крестителя.

Мазепа И.С. (1644—1709) — гетман Украины с 1687 г. В 1708 году перешел на сторону вторгшихся на Украину войск Карла XII, после поражения шведов под Полтавой бежал вместе с ними в Бендеры, а затем и в Турцию, где и умер.

Мартынов В.В. — русский советский исследователь.

Медб, лег. — имя нескольких ирландских королев, чародеек и распутниц.

Менандр Протиктор (VI в.) — византийский историк.

Микула Селянинович, был. — крайне странная фигура русского эпоса: человек, нарядившись в «кафтан черна бархата», зеленые сафьяновые сапоги на высоком каблуке, ведет плугом из кипариса, серебра и золота единственную борозду по целине.

Мистиша — об этой загадочной личности неизвестно ни-

чего, кроме имени и того, что ее (его?) отцом был Свенельд.

Маврикий Стратег (VII в.) — византийский император, составитель «Стратегикона» — руководства по военному делу.

Михайло Казарин, был. — богатырь, освободил захваченную «татарами» сестру.

Михайло Потык, был. — богатырь, соблазнен и едва не погублен степной колдуньей Марфой Вахрамеевной.

Мохаммад (Мухаммед, Магомед) (570—632 г.) — основатель ислама. «Пророк», точнее, посланник-ра-сул аллаха.

Настасья Микулична, был. — женщина-богатырка (по-ляница). Жена Добрыни Никитича.

Неменьи, Геза фон — современный германский исследователь.

Ненадович Павел (XVIII в.) — сербский архиепископ.

Нестор (втор пол. XI в. — нач. XII в.) — монах Кие-во-Печерской лавры, летописец. Предположительно — автор «Повести временных лет».

Нидерле Любор (1865 —1944 г.) — знаменитый чешский историк, археолог, славист.

Оккам Уильям (1300—1350 г.) — английский философ и богослов, монах ордена доминиканцев.

Олаф Трюггвассон (965—1000 г.) — король (конунг) Норвегии с 955 года, правнук Харальда Прекрасно-волосого. Был на Руси. В 994 году, в Англии, обратился в христианство, став королем Норвегии, начал насаждать христианство.

Олеарий (Эльшлегер) Адам (ок. 1599—1671) немецкий путешественник, посещавший Россию. Оставил «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию».

Олег Вещий (ум. 912) — величайший деятель Русского Средневековья. Великий князь киевский. Фактический создатель Русской державы. Объединил Киев и Новгород. Покорил древлян. Победитель хазар, освободивший от дани славянские народы вятичей, радимичей и северян.

Олег Святославич (Гориславич) (ум. 1115 г.) — князь Черниговский и Тмутороканский. Авантюрист, человек сложной судьбы, политический противник Владимира Мономаха.

Ольга (Аллогия, Елена) (ум. 969 г.) — жена великого князя Киевского Игоря Рюриковича. Правительница с 945 по 962 год. Вопреки общераспространенному заблуждению, не проявила никакой государственной мудрости, мечась между Восточной Римской империей и Священной Римской империей германской нации. Ее правление ознаменовалось падением внешней активности Руси, утратой некоторых земель, падением международного престижа Русского государства, и едва не привело к оккупации страны, если бы не отстранивший мать от власти Святослав.

Островский А.Н. (1823—1886) — Великий русский драматург.

Оттон I (912—973 г.) — германский король с 936 года, первый император Священной Римской империи германской нации с 962. При нем натиск на славянские земли («дранг нах остен») значительно усилился.

Платон (XVIII в.) — архиепископ.

Плисецкий М.М. — советский историк, фольклорист, исследователь былин «исторической школы».

Подсокольничек — сын Ильи Муромца от «бабы Лати-горки».

Потебня А.А. (1835—**1891)** — русский и украинский

языковед, этнограф, педагог. Автор ряда исследований по славянской мифологии.

Претич (X в.) — правитель северян.

Прокопий Кесарийский (VI в.) — придворный историк Юстиниана I Великого.

Пропп В.Я. — крупнейший советский фольклорист.

Псевдозахария Ритор (VII в.) — сирийский автор.

Пушкин А.С. (1799—1837 г.) — великий русский поэт.

Робин Гуд (сэр Роберт Фиц Ут, граф Хантингтон) (XII век) — саксонский рыцарь. Как сообщает его надгробная плита, он славился как лучший лучник Англии. Он с дружиной, согласно той же надписи, наказывал злодеев, хотя сам со своими людьми был вне закона.

Робинсон А.Н. — русский, советский исследователь, филолог, литературовед.

Рыбаков Б.А. (1908—2001 г.) — русский, советский историк и археолог, ученый и патриот.

Рюрик Годиславич (ум. 879 г.) — князь ободритов и ру-сов, призванный славянами севера Восточной Европы для усмирения усобиц и защиты от хазар. Отец (?) Игоря.

Рюрик Ростиславич (ум. 1215) — внук Мстислава Владимировича, правнук Владимира Мономаха. Великим князем киевским был трижды.

Садко, был. — гусляр, купец.

Саксон Грамматик (XII век) — датский хронист.

Самсон Самойлович (Саксон Колыванович), был. — глава киевской богатырской дружины до Ильи Муромца.

Свенельд (X в.) — воевода киевских великих князей Игоря Рюриковича, Святослава Игоревича и Яропол-ка Святославича.

Святослав I Храбрый Игоревич (942—972 г.) — величайший деятель русского Средневековья. Великий князь киевский. Полководец и государственный муж. Уничтожил Хазарский каганат. Раздвинул границы Руси до Волги. Завоевал Болгарию, провозгласив своей целью создание общеславянской державы. Убит печенегами по наущению византийцев и киевских христиан.

Святослав Ярославич (1027—1076) — Черниговский князь, сын Ярослава Мудрого.

Седов В.В. — русский советский археолог.

Серяков М.Л. — современный российский историк.

Соловей-разбойник, был. — разбойник-оборотень, побежденный Ильей Муромцем.

Соловьев С.Н. (1820—1879) — русский историк. Академик Петербургской академии наук. Основной труд «История России с древнейших времен».

Срезневский И.И. (1812—1880 г.) — русский языковед, этнограф, составитель первого исторического словаря русского языка.

Строев П.М. (1796—1876) — русский историк, археограф, библиограф.

Стрыйковский Мацей (XVI в.) — польский писатель, историк.

Сфенго (?) (X—XI вв.) — князь Тмуторокана, сын Святослава Игоревича.

Тацит, Корнелий (I в.) — римский историк, хронист, писатель и путешественник.

Теодорих (493—526 г.) — конунг восточных готов (остготов).

Тихон Задонский (XVIII в.) — епископ Воронежский.

Толочко П.П. — украинский советский археолог.

Толстой А.К. (1817—1875) — русский поэт и драматург.

Топоров В.Н. — советский лингвист-языковед.

Тороп, был. — паробок Ильи Муромца.

Тревер К.Н. — советский исследователь, специалист по иранской мифологии.

Тугарин Змеевич, был. — колдун, побежденный Алешей Поповичем.

Унферт, лег. — датский «тул» (жрец) из поэмы «Бео-вульф».

Фаминцын А.С. (1841—1896) — русский историк, фольклорист, музыкальный критик.

Феодор — варяг, крещенный в Византии. В 983 году убит киевлянами за оскорбление их Богов.

Феодосии Печерский (ум. 1074 г.) — древнерусский писатель, игумен Киево-Печерского монастыря.

Феофилакт Симокатта (конец VI—VII в.) — восточно-римский историк, хронист.

Финтан сын Бохры, лег. — ирландский мудрец.

Фрэзер Дж. Дж. (1854—1941) — английский исследователь, этнограф, религиовед.

Фроянов И.Я. (род. 1936 г.) — современный русский ученый.

Хвойко В.В. — русский и украинский археолог.

Хорсвита (X в.) — княжна с острова Рюген.

Хотен Блудович, был. — богатырь, враждовал с оскорбившим его мать семейством Чусовых, поддерживаемым князем Владимиром.

Чердынцев В.В. — русский советский исследователь былин.

Честертон Г.К. (1874—1936 г.) — британский католический мыслитель, писатель и публицист.

Членов А.М. — киевский советский краевед.

Чулков М.Д. (1732—1794) — русский писатель и публицист из разночинцев. Автор «Весьма краткого известия о мифологии», «Словаря русских суеверий» и прославившей его «Абевеги русских суеверий».

Чурило Пленкович, был. — идеальный вождь, любовник, щеголь, убит Бермятой, мужем соблазненной им Катерины Микулишны.

Цезарь, Гай Юлий (100—44 г. до н.х.л.) — римский полководец, государственный деятель и писатель.

Шанкара (V в.) — индуистский религиозный деятель, реформатор, мыслитель и богослов. Восстановил после тысячелетнего засилья буддистов культ Родных индуистских Богов.

Шлецер А.Л. (1735—1809) — немецкий ученый, работавший некоторое время в России. Считается одним из создателей норманнизма.

Эхнатон (ум. 1440 г. до н.х.л.) — фараон-еретик, пытавшийся заменить все многообразие культа Древнего Египта культом солнечного диска — Атона.

Юстиниан I Великий (482—565 г.) — император Восточно-Римской империи. Вел войны в Италии с готами, в Подунавье со славянами и на востоке против персов.

Янь Вышатич (XI век) — воевода князя Святослава Ярославича.

Яромир — князь рюгенских русов.

Ярополк Святославич (ум. 978) — великий князь Киевский, законный наследник русского престола, старший сын Святослава, свергнут и убит сводным братом, сыном наложницы-хазарки Малки, Владимиром.

Ярослав Владимирович «Мудрый» (978—1054 г.) —

князь Новгородский, с 1025 года — великий князь Киевский.

Ясон (или Якун) (VII в.) — славянский князь, осаждавший Фессалоники.

Ярослав из Штернберга — чешский полководец, одержавший в 1240 году победу над татарами.